

ПОЛТИННИК ПЛЮС

ПОЛТИННИК плюс

Сборник

+16

Вологда
2021

УДК 8
ББК 80
С 23

Литературный редактор-корректор Н.В. Писарчик

С 23 Полтинник плюс / сборник / [Литературный редактор-корректор Н.В. Писарчик]. – Вологда : Киселев А. В., 2021.
- 150 с.: портр.
+16

ISBN 978-5-9729-0941-4

Данный сборник является продолжением предыдущего издания, выпущенного в 2020 году навстречу пятидесятилетнему юбилею вологодского литературного объединения «Ступени». Объём первого тома «Полтинника» оказался недостаточным для опубликования творчества многих и многих пишущих людей, в разное время посещавших заседания ЛитО. Большинство же наших авторов поныне связано с его деятельностью.

Книга предназначена.....

ББК
УДК

ISBN 978-5-9729-0941-4

© Писарчик Н.В., редактор, 2021
© Киселев А.В., 2021

ПРОЗА

Александр Дудкин

ОПТИМИЗАЦИЯ

Пашка жил в деревне, а работал в лесу. Тридцать первого декабря последний день работал. Ну, если верить записи в трудовой. На самом же деле уже два месяца, как страдал от ничегонеделания. В приказе было написано, что он по вине работодателя признаётся находящимся в простое и освобождается от явки на рабочее место.

Пашка, молодой человек – так его обычно называли незнакомые люди – невысокого роста, стройного, но не очень-то крепкого телосложения, с точки зрения постороннего, часто пристального взгляда. Его походка и жесты говорили о нём, как о человеке юрком и вполне себе здоровом. Хотя, на самом-то деле, с периодичностью раз в год-полтора у него болела спина. Так болела, что он не мог согнуться и ходил, подперев правый бок рукой. Но, несмотря на это, Пашка до сих пор не удосужился разобраться,

как его спинная боль называется: или радикулит, как говорили одни, или же остеохондроз, как утверждали другие.

Так вот, тридцать первого декабря был ликвидирован лесхоз, ликвидирован без права возрождения. Подвергнут, как теперь говорят, оптимизации. Но работу Пашка потерял, можно сказать, по собственной воле. Ему предлагали такую же, вроде бы, должность, как и прежняя, в той организации, в которую было передано имущество ликвидированного лесхоза, но он отказался. Характером не сошёлся с новым директором. А тот, новый-то, руководил и конторой, в которой оказались теперь люди, здания и трактора конторы Пашкиной. Ещё в середине года был этот директор направлен к ним для наведения порядка, для погашения долгов, для подготовки к уничтожению. С чем к концу декабря успешно справился: навёл свои порядки, погасил долги за счёт вырубки десятков гектаров леса и уничтожил организацию, которая существовала ещё с незапамятных времён.

Поэтому какие-никакие контакты с новым руководством у Пашки были. В основном ругательные, конечно. Не нравилось Пашке самодурство спущенного сверху начальства. Поручало это начальство Пашке сделать что-нибудь, а на все его вопросы, замечания, недоумения отвечало:

– Считаю, что у вас есть всё: и люди, и техника, чтобы выполнить это моё задание вовремя и качественно.

Пашка пытался возражать: чтобы выполнить вовремя и качественно, надо отказаться от выполнения прежнего поручения. Но начальство заводило ту же пластинку:

– Считаю, что у вас есть всё: и люди, и техника, чтобы выполнить это моё задание вовремя и качественно.

Пашка нервничал, выходил из себя, невольно повышал голос, у него кружилась голова. «Лучше уж жить на одной картошке, чем так психовать почти каждую неделю», – говорил он сам себе. И после новогодних каникул поехал Пашка на удачно подвернувшейся попутке в районный посёлок, в центр занятости, вставить на учёт. Очередь в кабинет инспектора оказалась короткой, всего-то два человека, но долгой, на приём каждого уходило минут

сорок. Пока маялся Пашка полтора свои часа в коридоре центра, он успел заполнить предложенные ему бумаги и изучил немало инструкций, висевших на стенах и лежащих на столике. Марина Евгеньевна, инспектор – на удивление – оказалась женщиной доброжелательной. А то чаще всего в таких учреждениях обнаруживаешь надушенные лица, уничижительные взгляды, резкие слова.

– Ну, как же так, – удивлялась Марина Евгеньевна, – столько лет проработать на одном месте и уволиться! Не жалко?

– Нет, не жалко, – ответил Пашка, – уходить не жалко. Ликвидированный лесхоз жалко.

Да, Пашке, этому молодому человеку, уже сорок с лишним годков, а его лесной стаж – двадцать пять лет, но для всех и в первую очередь для себя оставался он Пашкой. Так и не стал ни Павлом Сергеевичем, ни просто Сергеичем. Это, наверное, из-за шепутного характера и непутёвой личной жизни.

– А всё же, по какой причине вы не приняли предложение о новом месте работы? – спросила инспектора.

Пашка был готов к такому вопросу. Он решил о начальстве и не заикаться. Одна из прочитанных инструкций этому его научила: «При собеседовании никогда не говорите ничего плохого о прежнем своём руководстве. Это может быть истолковано не в вашу пользу». И Пашка выпалил заготовленный ответ:

– Несоответствие обязанностей и средств, необходимых для исполнения этих обязанностей.

– Да-да, понятно, – кивнула Марина Евгеньевна. Пашке показалось, что она смеётся, безмолвно так смеётся. – А лес ещё не весь вырублен? Я сюда приехала из Таджикистана в начале девяностых. И за эту четверть века столько леса вокруг посёлка под коттеджи извели. Столько леса!

– Да, лес вырублен, – согласился Пашка, – весь вырублен. А теперь ещё хотят сплошняком косить, с восьмидесяти лет, а не со ста, как сейчас.

– Совсем ничего ведь тогда не останется.

– Совсем, – поддакивал Пашка. – Да и лес сейчас почти весь в частных руках. И ликвидировали нас, судя по всему, потому что

хотят последние свободные гектары отдать в аренду дерево-перерабатывающему комбинату, который строить начнут тут, недалеко, километрах в тридцати от посёлка.

– А частникам ведь что, – подытожила Марина Евгеньевна, – главное – прибыль, а потом хоть трава не расти... – и улыбнулась, – хоть лес не расти... Такая страна богатая, а живём бедно: всё кормим кого-то, всё кормим. А толку?

Марина Евгеньевна распечатывала на принтере лист за листом, подавала их Пашке для ознакомления и подписи. Он читал, порой ничего не понимая. По окончании процедуры инспекторша собрала бумаги в стопку, выровняла её, постукивая по столу, и сказала:

– Видите, какую бюрократию развели, столько бумаги исписали. А всё это где выдумывается? Нет, не в Москве, как вы предполагаете, а здесь, у нас, на региональном уровне. А президент, думаете, знает об этой волоките? Нет, не знает... Смотрите, – она показала на одну из бумажек, – это ваша справка о зарплате. Вы её, чтобы встать на учёт у нас, обязаны предоставить. Без неё откажем вам. Придёте вы к нам, не дай Бог, конечно, в следующий раз, а справки вам такой взять негде будет. Организация ведь ликвидирована, все документы сданы в архив, а справка из него нам не подойдёт. И останетесь вы без регистрации, без каких-никаких денег. У нас ведь всё придумано так, чтобы легко человеку отказать. Такая у нас экономия, такая, знаете ли, оптимизация... И Путин не в курсе, – уверенно сказала она, а потом, секунд через тридцать, – хочется надеяться, что не в курсе.

После центра занятости Пашка ещё полтора часа провёл в районном посёлке, ждал рейсовый автобус. Он неспешно побродил по нешумным улицам, зашёл в три магазина, кроме полбуханки ржаного хлеба ничего не купил. Минут за пятнадцать до отправления пришёл на остановку, почти сразу туда же прибежала односельчанка. Имени её в деревне почти никто знал, меж собой называли «хохлушкой».

– Утром, – говорит она, – прихожу на остановку автобусную в деревне. Ещё три человека подошли. Ждём мы автобус час. Окоченели на морозе все. Ждём полтора. Терпение у меня лопнуло,

звоню на вокзал, спрашиваю, что с автобусом-то. А мне в ответ: дак отменили его, теперь будет автобус ходить всего раз в неделю, в пятницу. И всё.

– Как так? – не поверил Пашка.

– Такая вот оптимизация. Невыгодный, говорят, к нам маршрут. Хоть Путину пиши, хоть в ООН, чтоб знали все, что у нас творится. А я потом, наверно, час целый попутку ловила, обязательно мне надо сегодня быть здесь, в райцентре. А теперь как добираться домой будем? Хоть такси снаряжай.

Ещё полчаса Пашка с хохлушкой прыгали на морозной и тёмной остановке. Вызвали дорогущее такси, и, сидя уже в тёплом авто, Пашка припомнил:

– Вчера вот в интернете про Японию читал. Там на ненужной уже железнодорожной станции девочка-школьница живёт. И ради неё, одной-единственной, каждый день через эту станцию поезд проходит, чтобы вовремя её в школу доставить! А у нас, на этом маршруте оптимизированном, не одна сотня людей как-то существует...

Элеонора Жукова

ЛЮСИНДА И КРАСАВЧИК

Ещё многие помнят то время, когда каждое лето речной вокзал становился оживлённым центром притяжения. Названия остановок-пристаней от Вологды до Тотьмы были на слуху: Исады, Мотыри, Голуби... И каждый вечер отчаливали пароходы-теплоходы под тревожно-щемящую мелодию песни: «Как провожают пароходы, совсем не так, как поезда»... Канули в Лету те пристани-причалы на Сухоне-реке. Разве вот только одна, что в ста км от Вологды, доживает свой век, намертво вросшая в песчано-травяной берег. А расположившаяся на ней торговая точка носит символическое название «Титаник». Ещё ниже по течению была пристань со странным названием «Сухая речка». Следов той пристани нет, а вот поселение, в несколько домов вдоль берега Сухоны, осталось. И речка Сухая никуда не исчезла, а течёт-не вытечет, широко разливаясь ранней весной, заливая мостик и дорогу, мешая людям. Но зато радость и шумное веселье царят в лягушачьем царстве, успешно решающем проблемы демографии. Летом же робким болотным ручейком журчит Сухая речка, спешит в родную Сухону. То, о чём мой рассказ, происходило именно в этом месте.

Каждый год с весны до осени живём мы в домике на берегу Сухоны. И вот однажды приبلудилась к нам чужая кошка. Мявкает жалобно, проходу не даёт. А сама такая страхолюдина – худющая, облезлая, глаза тусклые, мордочка слюнявая... В общем, дрянь, не кошка. Некоторых особ женского пола иногда грубо сравнивают с драной кошкой, так вот, она и есть! Но, всё равно, стало жаль её. Вынесла кошке хлеба горбушку да кожу куриную, так проглотила, не жуя. Пришлось ставить кошку на семейное довольствие. Что сами едим, то и даём. Перво-наперво стала звать я кошку Слюнявкой и дальше крылечка её не пускала. Потом кошечка немножко поправилась, уже без прежней жадности на еду набрасывалась. Поразборчивей стала! И мордочка почистилась, пообсохла, не слюнявая уже. Пришлось ей новое имечко подбирать: Люси! А со временем превратилась наша-не наша киса в прекрасную Люсинду. Серенькая, пушистая, глаза большие, малахитовые, носик розовый, усы длинные, на лапках белые носочки. Ластится ко мне, глажу, так и рёбрышек не нащупать, пузико наела. Люсинде вкусенького много доставалось. То котлетка, то творожок со сметаной. А уж молока-то, само-собой, досыта. Лето шло своим чередом. И вот однажды пропала Люсинда. Думаю, или собаки на неё покусились, или кот какой, не утерпев до марта, соблазнил нашу красавицу. Стала я на ночь еду оставлять у крылечка, а по утру гляну – ни еды, ни кошки. Прошла неделя, и вдруг слышу под крылечком шуршание, урчанье и писк. Посветила фонариком, а там семейство целое! Люсинда смотрит невинными глазами, как ни в чём не бывало. Муж от этой новости не в восторге. Ругается, ворчит: «Нечего было чужую кошку к дому приучать! Куда теперь котят девать будешь?». Да и я в расстройстве... поделилась своей проблемой с соседкой, бабой Густей, а та посоветовала: «Скажи Фанфурику, дак он энтих котят живо причередит!». Я этого мужичка (его все так, Фанфуриком, называют) видала, подходил как-то к нашей калитке и просил в долг пятнадцать рублей. Отказала ему тогда, сославшись на свой принцип – никому и никогда на спиртное не давать. А тут, думаю, уж поступлюсь своим принципом. Узнала, как его по паспорту звать, выследила, когда

он мимо, пошатываясь, проходил: «Олег Петрович, простите за беспокойство, у меня просьба к вам». Объяснила ситуацию: «Помогите, рассчитаюсь!». Он с готовностью говорит: «Неси фонарик да свети». Поглядел и ахнул: «Блин! Дык это ж моя Муська! Чево тут разлеглась, зараза?». А я обрадовалась: «Значит, кошка ваша, так и котята ваши. Вы котят возьмите, только в реку не кидайте. А Муська пусть у нас до осени гостит». А Фанфурик в ответ: «Не бойсь! Пристрою в лучшем виде!». Сгрёб котят в карман да двадцать рублей в придачу и был таков. Бедняжка Муська-Люсинда в это время взаперти сидела. Потом я бабе Густе рассказала, что котят хозяин забрал. Кошка-то его оказалась. Соседка прокомментировала: «Дак ясное дело. Жрать-то у ево неча, не от хорошей жызни к вам прибилась». Прошла ещё неделя. Присмотрелась я к нашей Муське-Люсинде и вижу, что не очень-то она по котяткам тоскует. Быстро утешилась. Наестся, и не видать её, гуляет дни и ночи. А я и рада-радёшенька. Не так совесть меня мучает. Прошло ещё недели две, и вижу по утру такую картину. На лавочке у крылечка, на моей старой, с катышками, кофте сидит котёночек, рыженький, как солнышко, и глазками-незабудками на меня смотрит. Видно, Фанфурик-то с пьяну не углядел котёнка. То-то маманя-кошка не тосковала, и мастита, от не высосанного молока, не приключилось. Назвала я котёночка Красавчиком. И так уж это чудо нашей маленькой семье полюбилось, что просто слов нет! Прыгает по лужку среди одуванчиков, будто в прятки играет. А свернётся на крашеном полу – солнечный зайчик, да и только! Включу компьютер, а Красавчик из-за монитора выглядывает, лапкой к клавиатуре тянется. Сяду за коклюшки, а помощничек тут как тут!

А лето, как и всё хорошее, кончается. И расставаться не хочется, а приходится. Прощайте, Сухая речка, Сухона, домик деревенский с тёплой печкой да грядки, ягоды-цветочки... А больше всего Красавчика жалко оставлять. Попыталась уговорить мужа забрать котёнка с собой в город, а у него свои принципы: «Не дело кошек и собак в городской квартире держать! Животинкам свобода нужна, а не это издевательство». Я уж все способы испробовала и даже бойко заявляла, мол, всё равно,

котика возьму в Вологду. А он, как в истории с Матроскиным, ультиматум ставит: или он, или кот. Говорит: «Поезжай в город с Красавчиком, а я тут, на Сухой речке, останусь зимовать». Естественно, пришлось мужа выбрать по причине давнего, не в один десяток лет, знакомства.

Осень. Пора расставания приближалась. Думала я, думала и придумала, как пристроить котика. Добровольцев принять, осчастливить Красавчика в ближайшей округе не нашлось. Муська-Люсинда к тому времени куда-то запропастилась, а баба Густя версию выдала: «Видать, домой к Фанфурику вернулась. Евонная-то баба куды-то слиняла, дак к ему другая бабёнка прибилась. Похоже, и исть готовит, да и, в кои-то веки, бельишко настирано. Сама видала: на верёвке болтаитцо. Да и Фанфурик четвёртый день пьяный не шляйтцо. Можя, за ум взявсё!». И вот осенним поздним вечером посадила я Красавчика за пазуху и отправилась в ближайший посёлок, в магазин. Иду, а котик пригрелся под курткой, мурлычет. А у меня на душе кошки скребут. Потом собаки загавкали, Красавчик встревожился, царапаться начал. Вот уж и крылечко магазина светится. Осмотрелась. Никого. Посадила бедняжку на ступеньку и... наутёк. А муж, оказывается, всю дорогу тайно меня сопровождал. Светит фонариком и выговаривает, попрекает, ворчит. Дескать, сделала подлое дело, говорил я тебе... Я всю дорогу молчала, и дома мне уже не до чая, не до сериала. И не спалось. Еле утра дождалась. А днём собралась на почту, за свет заплатить. Пришла, а там пенсионный день оказался, очередь за пенсией. Сидят пенсионерки и потихоньку новостями обмениваются. Одна, на учительницу похожая, рассказывает:

– Вчера припозднилась что-то. Вижу, хлеба на утро не хватит, а магазин вот-вот закроется. Хорошо, что живу близко. Захожу в магазин, а там у порога котёнок жалобно мяукает. Да такой хорошенький! Интересуюсь у Галины-продавщицы, шучу: «Продаётся малый или покупает чего?». А она: «Моду какую взяли! Не впервой подкидывают. Да ещё этот такой привередливый, балованный. Сосиску дала, так он и морду воротит!». Пожалела я котёнка. Купила хлеба, да ещё и на пакетик «Вискаса» разорилась, в общем, забрала его домой.

Хотелось мне подойти к той женщине, поблагодарить за доброе сердце, но... стыдно было. Зато потом домой не шла, а летела. Камень с души упал. Много ли надо для счастья, пусть маленького, но всё же счастья. Вернулись мы в город. Часто, уютно устроившись на диване перед телевизором, вспоминаем лето, живые восходы и закаты, радугу над Сухоной, цветущие заросли черёмухи за рекой... и Красавчика. И я мечтаю вслух: «Лежал бы котик у меня на коленях, чесала бы ему шейку да за ушками, гладила пузико... а он бы мурлыкал». А муж шутит: «Так мне погладь пузико, оно у меня побольше, получше, чем у кота. И за ушами почеси, так я даже громче твоего Красавчика замурлыкаю». Жизнь продолжается.

РЕКА ДЕТСТВА

Позвонила вчера сестра из Туровца и между делом добавила: «А на Сухоне лёд тронулся». И нахлынуло столько воспоминаний! Сухона и самая красивая деревня на ней – Уваровица. Так считали не только мы, жители, но и все, мимо проплывающие. Пароходы Вологда – Тотьма тогда ходили. Будто перед глазами большой дом на берегу, в котором уживались школа, медпункт и наша семья с небогатым хозяйством. Помню, с каким ожиданием чего-то хорошего выбегали мы, девчонки, на берег смотреть ледоход, на плывущие проруби, обставленные ёлками. Гадали, в какой же деревне бабы полоскали в них бельё, черпали воду, несли тяжёлые ведра на коромыслах. Река ворочала громадные льдины! Последними плавно проплывали отдельные льдинки, в них сияло солнце. Тропинка на крутом берегу вдоль деревни быстро подсыхала, и возникало непреодолимое желание скинуть надоевшие тяжёлые сапоги. Приходилось кланяться у мамы позволения побегать босиком. Прямо сейчас возникло это ощущение, когда крутишься на одной пятке, аж ветер свистит в ушах. А потом, конечно же, обязательные цыпки на руках и ногах. Так и хочется спросить своих землячек: «Помните, как приносили на щечочках солидол от пилорамы и мазали-лечили цыпки, чтобы чивкали?».

Были в моей жизни и другие реки. Посчастливилось побывать на Волге, Каме, Дону. Купалась в чистых горных уральских речках. Загорала на берегу Азовского моря. Было здорово, но... Сухону, реку моего детства, заменить невозможно. Я счастлива, что там живут самые дорогие для меня люди. Рада, что хотя бы по телефону: «А на Сухоне – лёд...».

Юрий Каранин

РОТОР

(Прикладная фантастика)

1

– Эт-то что ещё за безобразие? Стыдно, товарищ.

И это на самом интересном месте?! Молодой, а из ранних. Молодой, но начальник, поэтому Сашка и вскочил, как ошпаренный, зацепив ржавый подшипник под ногой стеллажа. Вот где загадка природы. Масла на полу, конечно, хватает, но подшипник-то ржавый, да ещё и стеллажом придавлен, а он, как минимум, раз в неделю из-под ножки выскальзывает. Все об этом знают, и потому стеллаж почти всегда пустует. Пуст он и сейчас, но, всё равно, легче не дать упасть, чем потом корячиться, его поднимая, что Сашка и сделал.

– Помочь, что ли? Давай, подсуну. – Бросилась на помощь Валька Морозова.

– Тоже мне помощница!..

По довольному лицу Вальки нельзя не заметить, как её прямо-таки распирает смех. Стало быть, подловила?

– Ну, Морозова! Дура ты – баба. – Сашка, наконец, опустил стеллаж на подшипник. – До инфаркта хочешь довести? Орёшь как оглашенная.

– Ага, боишься? То-то же. Значит, уважаешь. – Валька, наконец, «просыпала горох».

– Тебя-то? – Санька критически оглядел стеллаж. – В следующий раз ловить не буду, пусть придавит тебя слегка – может, ума добавит.

– Тебе и достанется. Ещё прежний начальник говорил, мол, ногу нужно приварить.

– Волос длинен – ум короткий. – Усмехнулся Сашка. – Тут же масло кругом. Полыхнёт так, что мало не покажется. А ты чего сюда припёрлась?

– Начальник твой храп могучий услышал, вот и велел мне воспитательную работу провести. – Валька поискала глазами пепельницу, не нашла и стряхнула пепел на пол.

– Тебе? – обиделся Сашка и тут же отыгрался. – Я то же самое Ивану Николаевичу говорю. Масло кругом, а ты куришь тут постоянно и окурки везде раскладываешь.

Валька деловито зажала сигарету в рукаве халата и преданными глазами посмотрела наверх.

– Я – ничего.

– То-то же, воспитательница. – Сашка торжествовал. – Будешь знать, как над людьми измываться. Горишь ведь.

Оно и правда. Дым от халата шёл ещё робкий, но дыру пуговицей не закроешь.

– Опять на ухо давишь? – Валька выглянула, ловко увернулась от «летающей голицы». – Чуть не забыла, зачем сюда приходила. Баламут-то где затаился?

– А тебе какая забота? – Сашка вышел к двери. – Аль соскучилась?

– Ваш начальник попросил его найти. На вторую смену хочет задержать.

– Опять жучишь? На той неделе он клялся, что больше вторых смен не будет..

– А сегодня форс-мажор. На кочегарке двигатель у дымососа сгорел. – Не придумывала, кажется, Валька..

– У них ещё два запасных движка было. – Отчётливо вспомнил Сашка.

– Чего не знаю, того не знаю. – Если Валька и прикалывалась, то очень убедительно. – Сам Баламута найдёшь или его лёжку подскажешь?

– У печки была?

– Нет ещё. Твой храп даже начальник услышал, только не понял. Радуйся, что телефон зазвонил, иначе сам бы пришёл. По маяку. – Валька, всё же, сдержанно хохотнула. – Так как? Сам сходишь, или мне идти?

– Иду уже, – вскинулся Сашка и едва не упал в масляную лужицу. – Не подскажешь случайно, где уборщицу найти?

2

– Подожди, не гаси. Отменил начальник своё обещание. И недели не прошло. – Издали прокричал Санька, увидев, что Лёха уже начал гасить печь.

– Где ты с ним пересечься умудрился? – Лёха всё ещё держался за газовый вентиль. – А если у меня планы на вечер?

– У меня – тоже. Валька приходила.

– А, эта? Развела тебя она, как... – Алексей хотел было сказать: «лоха», но вовремя прикусил язык.

– Похоже, не врёт. И движок уже привезли.

– Это ещё ничего не значит. – Лёха выглянул за дверь. – На средний котёл перешли. Подожди, у них же мотор есть!

– Два у них есть, но оба к большому дымососу не подходят. Я с котельскими электриками разговаривал...

– Ладно. – Лёха, наконец, оставил вентиль в покое.

– Так чего? Остаёмся? – Лёха уже поставил ногу на ступеньку, но резко остановился. – Если совсем не можешь, то оба не сможем. Оба.

– Ну, как сказать? – Сашка неуверенно почесал загривок. – Больше, скажут, некому.

– Скажут, конёво дело. А я сегодня даже не обедал.

– Столовая же работает, – искренне удивился начальник. – Или денег нет?

– Не в деньгах дело. Я в столовую давно не хожу.

– Это же плохо... – начальник скорее спрашивал, нежели убеждал. – Можно желудок испортить. Без обеда.

– Почему без обеда? – пришёл на помощь Санька. – Почти все «тормозки» с собой носят. А Лёха из-за столовой гастрит заработал.

– Так нельзя же без обеда. – Начальник что-то быстро черкнул в настольном календаре.

– Нельзя. – Согласился Лёха. – Сегодня так получилось.

– А если дома перекусить? – начальник явно растерялся. Молодой. С институтской скамьи, поди-ка, только что...

– Мне до дома через весь город ехать. – Как ни странно, Лёха, неожиданно для себя, вдруг застыдился.

Не хотел бы Лёха оказаться на месте начальника, но учить надо. Уже месяц работает, а не знает, что «быстро только кошки рожают», а тут – пока выжжешь, пока выковыряешь старую обмотку. На пазы, бывает, полсмены ухайдакаешь. А потом жди, когда «железо» остынет, обмотчицам холодное надобно.

– И быстрее никак? – приуныл начальник.

– Нельзя. В ночь надо девчонок выводить. А Никифоровна? Хм! На отгуле сегодня она.

– Ей я ещё не звонил. – Снова понурился начальник, стало-таки доходить.

– С этого и надо было начинать. Весь эмаль-провод у Никифоровны под семью замками. А нужного может и не оказаться. Это раньше закупали впрок и на запас, а теперь – под обрез. – Продолжал Лёха «учёбу». – Мы-то – слесари. Изломаем – и вся недолга.

– Что? – не понял начальник.

– Это, – Лёха подошёл к столу, – аккумуляторный?

– Этот-то? – засмутился начальник. – Эфирный.

– Радио, что ли? – не понял Лёха и осторожно дотронулся до

двигателя. – Всё равно, где-то должен быть аккумулятор.

– Не обязательно. Эфир сам – аккумулятор, – вдруг, найдя свободные уши, воодушевился начальник. – Вокруг нас пропадает столько энергии, что просто обидно.

– Не нами она придумана, не нам... – завёлся Сашка, но тут же осёкся. – Тут, наверное, затраты во много раз больше, чем отдача.

– Пока – да! – с жаром согласился начальник. – Но это пока. Пока не будет в достаточном количестве материала, преобразующего эфирную энергию в энергию, скажем, движения.

– Вы хотите сказать, что нашли такой материал? – Сашка осёкся-то осёкся, но не настолько, чтобы удержаться от усмешки: «знаем, мол».

4

И чего это в кабинетах телефоны звонят так громко?

– Алло! Это я. Да... Да... Да... Оставил... Да...

Лёха с Сашкой многозначительно переглянулись.

– Да... У меня проблема. Слесари – без обеда, а в столовой питаться не могут. Да... Хорошо... Хорошо... Очень хорошо... Сейчас, бегу... Конечно. Конечно. Галина Никанорова подойдёт к десяти. Хорошо. Я понял. Бегу немедленно.

Начальник медленно опустил трубку на телефон.

– Так, о чём мы? Ах, да... Вы начинайте демонтаж, а меня ждут в директорской столовой. Обещают, что будет вкусно и... бесплатно. А об этом... – начальник кивнул на странный двигатель, – мы ещё успеем поговорить.

Начальник – как-то не поворачивается язык называть его по имени-отчеству, «сын» ещё – вернулся быстро. Можно сказать, и руки толком не запачкали. А должны были. Котельщики движок привезли настолько заращённый грязью, что и подойти к нему страшно. А еды принёс на неделю. Понятно, что и на обмотчиц тоже. Но, всё равно, много.

После такой еды поспать бы час-другой, на каждый глаз, но Лёха работал, как заведённый. А Сашка чем хуже? Тоже завёлся. А потому сдали статор обмотчицам гораздо раньше времени.

– Горячий ещё, поди-ка? – обмотчицы, разомлевшие после сытного ужина, недовольно поднялись со скамеек.

– Сами вы горячие. – Обиделся Санька, а девчонки словно этого и ждали:

– Трогал нас, что ли? Если замёрз, погреем... – и дальше в том же ключе и на грани...

Что ни языкаст Санька, и тот сбежал, от греха подальше.

– Алёшенька-то где? – весёлый смех догнал Саньку уже за дверь, но он обошёлся только молчанием.

Как и предполагал, Лёху нашёл возле двигателя.

– Всё ещё крутится? – Санька плюхнулся на стул. – Ты на всякий случай поищи там аккумулятор.

– Смотрел уже. – Лёха неохотно поставил двигатель на стол. – Никакой крышки нет, ни разъёма.

– Не может такого быть! – Санька не выдержал и подвинулся к столу вместе со стулом. Подобных стульев в кабинете всего три. Для таких, как Санька и Лёха, кому некогда переодеваться несколько раз на дню. – Сильный! – Санька неуверенно придержал ось ротора.

– Сильный. – Подтвердил Лёха. – Я не мог остановить.

– Что и следовало доказать! – торжественно воскликнул Санька. – Много ли, даже сетевых, такого размера, нельзя остановить? Раз-два и обчёлся.

– Ни одного. В том-то и дело, что ни одного.

А теперь уже и Санька готов с ним согласиться.

– А если пассатижами?

А что вы хотите? Два мужика, каждую смену ворочающие тяжеленные двигатели, да с такой живопырккой не справятся? Справились, конечно. Двигатель недовольно пискнул, дёрнулся, но замер, как миленький.

– Вот гад! – искренне изумился Санька, рассматривая, как двигатель в Лёхиных руках начал крутиться, как ни в чём не бывало.

– А чего ты ждал от китайского ширпотреба? – усмехнулся Лёха при виде удивлённого лица Саньки. – Ты сколько уже их переломал? И, как ни странно, губки отлетают, а «гвоздик» высверлить не можем.

– Эти у меня два года служили. – Чуть не плакал Санька, но «шлея под хвост» уже попала. – В тисках попробуем?

– А если спалим? – честно говоря, Лёха, если и не перегорел, то проникся. – Нет, это же – прорыв, это же...

– А чего такая умная голова в этом занюханном электроремонтном делает? Я понять хочу... – сходу закипел Санька. – Значит, есть здесь где-то финт ушами. Пошли?

– Не, я не буду. До обмотчиц дойду. – Лёха устало потёр глаза. – И вздремнуть не мешает. Носом чую, ещё на смену задержат.

– Не имеют права.

– Не имеют, а они по леву оставят. У них каждый день – мажор. – И Лёха поставил двигатель на место.

– Всё! – Санька даже светился от восторга. – Сдох.

– Кто сдох? – Лёху, признаться, убаюкал неторопливый разговор ни о чём, сейчас бы на глаз надавить.

– Не кто, а что... – и по тому, как стало меняться лицо дружбана... Только сейчас до Саньки начало доходить, что, кажется, он доигрался.

6

– Ты его, может, только придавил, чуток подрихтовать, и он закрутится? Дым был?

– Откуда? Он же глухой. Станина только потеплела. Несильно. И всё.

– О чём спор?

Ещё бы на полтона громче, и Саньку было бы не откачать.

– А в-вы ч-чего з-здесь? – Лёха опомнился первый, хоть и заикался.

– У диспетчера сейчас – полный завал, вот, директор меня и поднял. У обмотчиц, я посмотрел, дело к концу идёт, А у вас какие-то проблемы?

– А его можно перемотать? – и что дёрнуло Лёху за язык?! И он отступил в сторону.

– Как это вам удалось? – с ума, что ли, начальник сошёл от расстройства?

– Я только проверить хотел. – Санька без колебаний решил взять всю вину на себя. – Я его в двух тисках зажал, ну, он пыжился-пыжился и крякнул.

– А я не смог. – Точно, начальник не в себе. – В сейфе он ещё останавливался, а как из сейфа достанешь, тут же начинал крутиться.

– И давно он так?

– С зимы. Точно, с февраля. Материал-то я ещё прошлым летом в новом карьере нашёл. Сначала немного. – Начальник мечтательно прикрыл глаза. – Мог бы и не увидеть, хорошо, запылся.

– За что? – прошептал Санька, а почему, не смог бы объяснить даже себе.

– На шину похоже. В луже прополоснул, смотал – и в карман. Потом мог бы и не вспомнить. В карманах штормовки чего только нет. Привычка от отца ещё досталась, подбирать всё более-менее ценное. И забыл бы, если бы не сосед по даче: «Чего это, – говорит, – у тебя в кармане вертится? Дыру уже высверлило».

– Чего? Серьёзно? – в это ни один здравомыслящий... И Санька – не исключение.

– Куда уж серьёзнее. – Начальник, кажется, не шутил. – Дыра не велика, два пальца всего. Но, можете представить, что чувствовал сосед, когда увидел, как в кармане проволока шевелится?

– А вы? – недоверие у Саньки, всё же, брало верх.

– Я? А я, кажется, всю жизнь этого мига дожидался. – Он с надеждой посмотрел сначала на Саньку, потом на Лёху. – Ну, не всю жизнь, а как услышал про море энергии вокруг нас.

– Всё равно, не верится. – Теперь к сомнению подключился и Лёха. – Кто мог выбросить в котлован эту шину? И, главное, откуда? Всего одну?

– Я тоже сначала решил, что одну. Ну, не сначала, а после того, как трое суток убил в этом карьере.

– Не нашёл? – Санька, сам того не подозревая, расстроился даже.

– Нашёл, но через неделю. У соседа.

– У соседа? – с этого и надо было начинать: стырил, поди-ка, сосед цветмет в своём «ящике». Версию свою Санька не выложил, но переспросил весьма красноречиво.

– У соседа. – Подтвердил начальник. – Он, оказалось, в автоколонне работает, на «камазе».

– Ну, и что?

– Что – «что»? Вместе с гравием на стройку привёз изрядный такой кусок.

– Ну, и?..

– Пришлось мне взамен катанку покупать.

– А чё он не позарился на шинку? – крепковато недоверие у Саньки.

– Пришлось и мне подсуетиться. Убедил-таки, какая за цветметом охота.

– Так сразу и получилось?

– Не поверите, сразу. Целую ночь меня кошмары не отпускали – куда-то бежал, что-то горело и взрывалось, я кого-то спасал, меня спасали, а утром проснулся с готовым решением.

– Во сне приснилось? – уточнил Лёха.

– Напрямую – нет. – Смущённо признался начальник. – Но что-то такое было. Говорю же...

И всё! Разговор требовательно прервал звонок телефона.

– Обмотчицы свою работу закончили. Вам сколько времени понадобится?

– Часа за три управимся. – Деловито ответил Лёха. – Тут спешка до добра не доведёт.

– А я слишком не тороплю. Час туда, час сюда погоды не сделают.

Лёха знает, что обещает. Ровно через три часа, минута в минуту, он уже докладывал.

– Работает, как часы.

– Молодцы. Отдадите котельщикам и можете отдыхать. Обещаю и доплату, и по отгулу.

– А можно сегодня доработать, и по два отгула?

– Если не свалитесь. – Начальник был более чем доволен. Задно и второй двигатель в перемотку привезут.

– Тому движку перемотка не требуется, там посадочные гнезда разбило, а у нас отцентровать боковины не на чем.

– В инструментальном берутся. Вам только разобрать да собрать нужно. А сейчас позавтракайте да отдохните пару часиков.

Лёха последние слова словно и не слышал.

– А это от того?

Сантиметрах в тридцати над столом... В полумраке кабинета вращение этой штуковины можно бы и не заметить, но, когда знаешь...

– Не, у того двигателя подшипник заклинило, он и так больше полугода без остановки работал. Я же сказал, что не знаю, как остановить. Теперь стало понятно, что нужно всего лишь нарушить центровку.

– А это? – Лёха воспользовался паузой.

– Это? – засмутился начальник. – Первый вариант. Упрямый до невозможности. Вертится, как ему хочется. И упаси боже в какой-либо корпус заключить – тут же останавливается.

– А если открыто? Только в подшипники? – подсказал из-за спин Санька.

– Этого я не пробовал. – Признался начальник. – Да я только вчера и узнал, в сейфе, что ротор там только висит в центре, но не вращается.

– А почему он в статоре сначала работал, а потом перестал? – Санька опоздал к началу разговора, придётся начинать объяснения сначала.

– Ты где это так наклюкался? – время, конечно, не позднее, но бережёного Бог бережёт. Валентина от греха подальше перебежала на другую сторону улицы. И мужик туда же. Валентина в страхе оглянулась. – Санька? Одновременно ведь через проходную выходили?

«Наклюкался» – это ещё слабо сказано. Санька шёл, ничего не соображая, широко растопырив руки.

– Кто? Я? – Санька долго пытался её разглядеть, потом узнал и пьяно рассмеялся.

– А? Это ты? Осуждаешь? Дура ты, баба. Ну, позволил себе на донышке...

– Тазика или корыта?

– Дура ты, баба. – Повторил Санька. – Им-мею п-право! Сегодня я потерял друга. Не скажу, что лучшего, но мы дружили. – И Санька завалился на хлюпкий, доживающий своё последнее время забор.

– Глаз, что ли, нет, пьянь подзаборная? – тут же раздалось из глубины небольшого сада.

– Не шуми, бабка Нюра. Цела твоя крепость.

– А, это ты, Санёк? Где же сегодня промок? – вышла к калитке дородная женщина. – Где опять набрался?

– Беда у меня, Аня. Друга потерял. – Санька принял-таки вертикальное положение. – Лёху-то помнишь? Вот, его. – Санька громко икнул. – Больно мне, Аня. – Санька оттолкнулся от забора и без оглядки пошёл вперёд.

Валентина бросилась следом, но Саньку так штормило, что поравняться с ним удалось только у самой школы.

– Что с Баламутом стряслось?

– С кем? – Санька остановился, долго смотрел на Валентину мутными глазами, пытаясь что-то сообразить. – А, с этим? Умер он. Для меня, по крайней мере.

– Когда? – Валентина вдруг отчётливо вспомнила, что Санька выходил один, – несчастный случай?

– Дурак ты, – битый час потеряла Валентина, пока добилась ясности от «болезного», – завтра самому смешно будет. Поругались, вишь, они! Есть чего ругаться? Сам-то подумай!

Санька, кажется, мало-помалу трезвел, но сговорчивей не становился.

– А ты как думаешь? Прямо в глаза назвать меня «тормозом прогресса», кто такое стерпит? Пришлось, конечно, молотком пару раз колонуть. Но не от этого же он угорел? А Лёха... Это надо же! Я – тормоз прогресса? Даже начальник со мной согласился, а этот... – Сашка стукнул кулаком по спинке скамейки. И ничего. Скамейка крепкая, выдержит. Пытались тут некоторые на металлолом сдать, так и вытащить не смогли, и по шеям за милую душу огребли. И поделом, возле скамейки даже по ночам аншлаг.

– Лёшку? – Даже прозвище любимое забыла Валентина. – Зачем?

– Проверить хотел. Если вертится сам по себе, то и на привязи должен. Не захотел. А Лёха меня – «тормозом»...

– Дурак ты. – Повторила Валька, женщина весёлая – за словом в карман никогда не лезет, лупанёт, так лупанёт. – Да, если бы я на каждое слово пузырилась, давно бы разорвало. Живу, как видишь. Иван Николаевич вон на тебя не обиделся, а должен был, как я мыслю. Тут Нобелевскую премию давать надо, а ты взял, и загубил его мотор.

– Нобелевскую? – Санька задумался, похоже, надолго, а Валентина заторопилась.

– Я пошла. А ты никуда не заворачивай, хватит тебе, а то завтра не встанешь.

– Извините, – Валентина вздрогнула даже, – фамилия вашего начальника не Ерофеев случайно?

Валька удивлённо обернулась к сидящему на скамейке.

– Случайно-не случайно, но Ерофеев.

– Добился своего, значит? Надо же! Он ведь с пятого класса только и говорил про такие двигатели. Били его ребята, а он

набычится, и стоит на своём. – Человек говорил с таким жаром, что и Санька трезветь начал. – А в институте преподавателя по ТОЭ чуть ли не до «кондратия» довёл.

– Не довёл же... – себе на удивление вступилась за начальника Валентина. – Прав оказался.

– Препод сначала «незачёт» поставил, а потом они, нам на радость, могли всю «пару» на спор загасить. М-да... – мужчина поднялся. – Ладно, привет ему передавайте. – И торопливо пошёл по улице.

– А от кого привет-то? – опомнилась Валентина.

– От кого? Скажите, Таня от меня ушла. Из-за него, кстати. – Мужик обернулся. – Всё у нас было. Деньги там, друзья. Всё по боку. Любовь, казалось, была. А она однажды проговорила, что только его и любила. Ну, и пошло-поехало. Эх, ладно! Хорошие вы ребята... – Махнул рукой и едва не опрометью двинулся в переулок.

Роман Красильников

РАССКАЗЫ НЕ ДЛЯ ЕГЭ

Пояснительная записка

Как известно, ЕГЭ сегодня – свет в окошке для всех: учителей и учительниц, детей и взрослых, школьников и родителей, директоров и завучей, министров и министерш, премьера и президента. Конечно, ведь экзамен даёт практически всем вкусить прелести бесплатного образования в стране, лучшего образования в мире, ставит на первый план не какие-то там формы и структуры, а человека, с его индивидуальным взглядом на мир, с неповторимым и неистребимым стремлением к самовыражению. ЕГЭ безошибочно отделяет лентяев от тунеядцев, вундеркиндов от мудрецов, физиков от лириков! Он успешно воспитывает целые поколения, реализует дифференцированный и индивидуальный подход в классах с учениками в количестве тридцати двух и с тридцатидвухчасовой учительской нагрузкой! Да здравствует ЕГЭ!

Но, конечно же, не обходится и без ложки дёгтя в этой бочке прекрасного мёда. Даже беглый взгляд на литературу показывает, что почти все писатели, особенно классики, особенно

представители военной прозы, так или иначе писали для ЕГЭ. Все они хотели получить посмертную (а кто-то и прижизненную) славу, войдя в пантеон авторов, создававших тексты для экзамена (а кто-то и для Тотальных диктантов). Не пытайтесь прикоснуться к этой сомнительной славе, позволим себе предложить вниманию читателя несколько рассказов, написанных специально не для ЕГЭ. Тем самым, возможно, мы откроем новую страницу в великой русской литературе. На задворках или не на задворках – решать вам, наши любимые редкие читатели. Итак, должен предупредить: то, что вы прочтёте далее, не рекомендовано ФИПИ. Будьте осторожны!

Вариант 1. О лыжах

Бакланов был мажором. Но мажором не простым, покупающим на папины деньги классные вещи и хвастающимся перед одноклассниками. В парнишке был потаённый смысл и тайные желания, он готов был бросать вызов брэнности бытия и тлену смерти, утверждая свой великий дух в борьбе с самим собой и окружающими обстоятельствами.

Бакланов старался учиться на четвёрки. Пятёрки он специально не получал, потому что тогда кто-то мог сказать, что они ставятся просто так или учителя делают это ради его отца, хозяина Дворца культуры, в котором проводились все школьные мероприятия. У самолюбивых предметников пацан обязательно делал небольшие ошибки, причём специально в конце ответов или эссе, чтобы обломать их радость от необходимости поставить высший балл. С добренькими учителями было больше проблем: они так и норовили всё ему простить, поэтому ошибок приходилось придумывать вдвое больше.

Чтобы не снижать к себе требований, Бакланов устроился в лыжную секцию. Там его поначалу не признали, и Марьиванна даже пару-тройку раз прикрикнула на него за неправильный шаг. Но вскоре тренеру объяснили, чей именно сын этот пацанёнок, и она перестала не только повышать голос, но и вообще обращать на него внимание. Катается и катается себе по кругу.

Участвует и участвует в соревнованиях, занимая места во втором десятке. Это было обидно. Чтобы не отличаться от других, он даже лыжи не брал с собой, тренировался на секционных. Вот в этот момент и проснулось в нём нечто мажорское, что он старался скрывать и чему неоднократно бросал вызов. Однажды не выдержал, да и взял отцовские лыжи, пылившиеся в подземном гараже. Это всего-навсего «Россиньоль» предпоследней модели, им в Интернете была посвящена целая страница: мчат быстрее ветра, сам Фуркад на таких выиграл Олимпиаду..

Марьиванна на лыжи внимание обратила. Зло так зыркнула и отвернулась. А Бакланов встал на инвентарь и покатил разминочный круг. Приятно, хорошо. От самого ощущения классных лыж лёгкость во всём теле разлилась, энергия включилась на максимум. Чувствует – и правда, обгоняет первого, второго, третьего. А день был чудесный. Небольшой морозец, солнышко. На трассу высыпали и окрестные жители на своих допотопных деревяшках и китайском пластике. Мешают, конечно, профессионалам, но есть и прелесть в моменте, когда обгоняешь, а они с восхищением и завистью смотрят вслед улетающему на космических скоростях.

Бакланов решил обогнать всех, кто есть на круге. Остался позади и Мамонтов, занявший на последних соревнованиях пятнадцатое место, попробовал погоняться и отстал Колокольчиков (двенадцатое). Верхом блаженства стал обгон Харитонов (десятое). «Так вот в чём дело! – радостно сделал вывод Бакланов. – Всё-таки, деньги имеют значение! Может, зря я ищу проблемы там, где их нет?» Что и говорить, толковый пацан. И тут видит перед собой пожилого лыжника. Шапка-петушок из советских времён, лыжный костюм а-ля семидесятые, синий с белыми полосками, ещё и колени на штанах вытянулись, палки дюралевые с выцветшими пластиковыми кругами. Ну, и самое смешное, лыжи – то ли «Юность», то ли «Кировские», деревяхи-деревяхами. Здесь уж Бакланов не утерпел. Показалось ему, что дедуля лыжню перегородил и мешает подрастающему поколению мчаться в прекрасное завтра. Хоть и неловко было, от досады наступил он старичку на инвентарь разок-другой, а

потом коньком захотел объехать страдальца. Бакланов встал на трассу конька и поначалу выехал на одну линию с «петушком». Хотел рвануть вперёд, да не тут-то было. Чувствует, что оторваться не может. Поднапрягся, подключил руки – дедуля остаётся вровень. Поднатужился, добавил ноги – старичок идёт рядом, как приклеенный. Заглянул Бакланов в лицо наглеца, а там борода с проседью, ничего не видно за ней, шапка на лоб надвинута, глаз почти не заметно. «Издеваешься?» – подумал пацан и приналёг изо всех сил. Где это видано, чтобы классика против конька устояла, «Юность» против «Россиньоль», старость почтенная против молодости упрямой? Устояла. Раньше выдохся Бакланов. Он же только-только на секцию пришёл, выносливости не приобрёл, пока что. Убежал от него старичок на своих деревьях. А потом и Мамонтов, Колокольчиков и Харитонов обогнали. Совсем пацан духом упал.

Еле-еле доехал он свой круг. И сразу к Марьиванне, вежливо так у неё спрашивает: «Премудрый учитель мой! Что это за чудо обогнало меня на таком неказистом инвентаре? Просветите меня, если можете». Марьиванна скрывать не стала: «Эх, ты, дурень, с кем задумал тягаться? Это сам Евгений Переслегин, чемпион мира по лыжным гонкам 1985-го года. У него тогда ещё хуже инвентарь был – снегоступы от деда-охотника. А он всех обогнал, даже великого Гунде Свана, да ещё и мне предложение сделал». А сама в этот момент подумала: «А ничего ещё Женя. Зря я ему тогда отказала. Нужно пригласить его вечером в гости».

Бакланов с тех пор о мажорстве вообще забыл. Ходит на секцию, как все, и Марьиванну во всём слушается. Какой же вывод из сей истории? Это предстоит определить вам, ребята. Не забудьте ни супер-проблему выявить, ни два чудо-примера обнаружить, ни грандиозную авторскую позицию сформулировать!

Вариант 3. О вине

Есть, ребята, в человеке свойство одно – винить себя за то, что он совершил или не совершил. Не знаю, каким бы был сейчас Королёв, если бы не один случай из его подростковой жизни.

Королёв тогда был добрым и исполнительным, верил в братство всех людей и взаимопомощь. Чуть увидит девчонку грустную – сразу подлетает со словами: «Чем тебе помочь? У тебя кризис?». Отмахнётся обычно та, как от комара надоедливый, который пристаёт, пока не прибили, а он продолжает своё. Мол, не отвяжусь, если не скажешь, в чём дело. Не знал он тогда, что человеку иногда нужно просто побыть одному, а у девчонок ещё и дни особые бывают, когда вообще всё не в радость.

Чтобы иметь возможность людям помогать, стал Королёв ходить на хор в местный Дом культуры. Ему медведь на ухо наступил, да и ломка голоса началась, но парням в хоре были рады: они считались достойным украшением девчончьего коллектива, можно сказать, особым бриллиантом в короне, вишенкой на торте. Как устоять от такого соблазна – почувствовать себя значимым без лишних усилий? Знай – стой себе да рот открывай!

Честно говоря, Королёв не знал, что в нём руководитель хора Тамарсанна нашла. Был он ещё страшнее, чем сегодня – росту маленького, лицо в прыщах, ногти обгрызенные, даже концертный костюм, сшитый мамой (жили они небогато), не помогал. Видимо, просто пацанов не хватало, да и был он, как уже говорилось, добрым и исполнительным. Поставили Королёва среди девчонок, которые красовались то в белых полупрозрачных блузках, то в концертных облегающих платьях. Посмотрит направо – ахнет, налево – дух захватывает, а когда на самой верхней ступеньке оказался – вообще вид такой, как только у Пушкина в стихах о Грузии описывается. Да и девчонки среди альтов были, как на подбор, крупные, рослые, уже перескочившие в возраст, который Королёву только-только начал сниться. Даже извечная обида альтов – лишь аккомпанировать основной партии, исполняемой худенькими сопрано – на второй план отошла.

Девчонки на Королёва особо внимания не обращали. Только если он их донимал своими вопросами про настроение. Они даже прозвища ему придумали: «Скорая помощь в кризис». Одной девчонке, Настюхе, доставалось от Королёва больше всех.

Её Тамарсанна всегда ставила рядом с ним – на всякий случай. Вдруг он забудется и одновременно с открыванием рта решится запеть своим непредсказуемым голосом. Нужно сказать, что Королёв любил иной раз забасить – особенно в те редкие моменты, когда партии сопрано и альтов совпадали. Тут уж Настюха должна была либо ему в ухо правильные ноты впихивать, либо за руку дёргать, чтобы привести его в чувство. А доставалось ей, потому что они всегда вместе – и на репетициях, и перед концертом. И не дай бог ей грустной прийти – тут же слышала от Королёва: «Чем тебе помочь? У тебя кризис?». Королёв испытывал дополнительную ответственность ещё и потому, что начала она встречаться с его другом по двору Серёгой. Естественно, встречались Серёга и Настюха пока что вполне себе невинно: гуляли вместе, общались, ржали в подъезде, даже никто не знал точно, целовались или нет. В общем, как казалось Королёву, ничего серьёзного.

Поэтому, когда к репетиционному залу повадился ходить Анзор, парень-кавказец, Королёв не придавал этому особого значения. Анзор заглядывался на Настюху, поджидал её у выхода после репетиции. «Ну, – думал Королёв, – влюбился ещё один, неизвестно пока, кого она выберет. Вроде был Анзор вежливым, обходительным. Все даже привыкли, что он постоянно у репетиционного зала ошивался. Но Настюха игнорировала Анзора. Проскальзывала, быстрее домой убегала, стараясь остаться незамеченной. И до поры до времени ей это удавалось. Однажды Анзор подошёл к Королёву. Спросил, не может ли тот сообщить адрес Настюхи. Королёв спросил, зачем ему, а Анзор ответил, что хотел бы сделать девчонке сюрприз. Королёв немного поколебался и разъяснил, как найти квартиру Настюхи. Желая только добра, Королёв говорил себе: «Видно, она ему не безразлична. А вдруг он и есть её вторая половина? Вдруг они будут жить долго и счастливо?».

В этот вечер Тамарсанна попросила Королёва помочь ей прибратъся в репетиционном зале. Он проторчал там до восьми вечера, а когда прибежал в свой двор, увидел толпу людей, стоявшую вокруг неотложки и милицейской машины. Машины на

его глазах уехали. Люди стали расходиться. На месте остались только двое – плачущая Настя и её мама, утешавшая дочь. «Что случилось? – подскочил к ним Королёв. – Чем-нибудь нужно помочь?» Настя посмотрела на него зло и сказала: «А, это опять ты, Кризис? Этот Анзор выследил меня и пришёл к нам на квартиру. Что-то говорил, а тут Серёжка подходит. Вышли они во двор. У Анзора нож оказался, Серёжка ранен...» – и снова в слёзы. А потом взглянула на Королёва внимательно: «Ты ему моего адреса не давал?». И он испуганно пробормотал: «Нет». Две недели Королёв жил в какой-то пустоте, справляясь каждый день о здоровье друга, стараясь не попадаться на глаза Насте, под всяческими предлогами прогуливая репетиции хора, пока не был окончательно исключён. Королёву повезло, что Серёга остался жив: рана оказалась не слишком серьёзной. Но о себе он мнение поменял.

Чтобы от этого рассказа была какая-то польза, попробуйте внимательно перечитать текст и убрать один абзац, который многим покажется лишним. Также обсудите в классе, кем бы Королёв был, если бы этого случая не произошло. Можно ещё и суд над героем на уроке литературы устроить. Королёв с пониманием отнесётся к любому вашему приговору: ведь он так и не рассказал ни Серёге, ни Настюхе, кто тогда сообщил Анзору адрес.

Вариант 6. О партиях

Снова усложнение, снова бедные дети в ужасе ищут ответ на проклятые вопросы: «За что? Почему? Что это значит?». В ЕГЭ по русскому теперь нужно не только «указать» смысловую связь между примерами-иллюстрациями, но и «проанализировать» её. Ребята, даю вам первую ситуацию, с помощью которой я (как автор) мечтаю проиллюстрировать поставленную мной проблему.

В 1993 году Цветков, блестяще спародировав Горбачёва и его жену Раису Максимовну на городском конкурсе талантов, был награждён путёвкой во Всероссийский лагерь «Орлёнок». Ему исполнилось тогда четырнадцать лет, и подростковый возраст

заставлял его всячески самоутверждаться – от внезапных, пугающих девочек, признаний до авантюрных бросков в баскетбольное кольцо чуть ли не со своей половины поля. «Орлёнок» встретил нерадостно. Как положено, их проверили на вшей, заставили сдать всё домашнее в камеру хранения, помыться в душе и надеть чужую, недавно постиранную одежду (где нашлось место и неправильным размерам, и не сразу заметным дыркам на трусах и майках). Штаны и куртки, правда, оказались замечательными – джинсовыми, а «джинса» тогда ещё не стала чем-то привычным в провинциальных городах. Эйфория от собственной стильности (особенно с закатанными рукавами!) немного поутихла при виде страшно одинаковых голубых пальто, в которые их всех заставили облачиться. Потому что был январь.

Подобную картину Цветков увидит потом в фильме «Асса» Владимира Соловьёва: заснеженный тоскливый причерноморский город, преступные элементы, история обречённой любви. Ближайший город от «Орлёнка» был отгорожен десятками километров, историю обречённой любви мы здесь опустим, а вот преступные элементы не заставили себя долго ждать. Это была местная шпана, которая легко преодолевала лагерный забор, поджидала одиноких «орлят» у дома творчества и отбирала часы, а иногда просто толкала голубое пальто в грязь, наслаждаясь своей безнаказанностью.

Путёвки в то время ещё распределялись между детьми «более достойных» родителей, чем у Цветкова. Тем не менее ростки демократии уже взошли на российском поле, и в систему лагерного воспитания вторглись новые, не виданные прежде методы. Однажды для них провёл терапевтический сеанс один из популярных тогда экстрасенсов. Невозможно забыть этот проникновенный шелест из колонок: «Ваша правая рука наливается свинцовой тяжестью». Цветков честно попытался ощутить хоть что-нибудь в своей руке, но помешал шёпот соседа сзади, сопровождаемый неприятным тычком под ребро: «Пацан, поделись кусочком свинца!». В другой раз «орлятам» поведал свою непростую историю «неформал» в косухе и бандане.

Ему пришлось пройти через унижения и неприятие со стороны общества, но он, всё равно, смог «сохранить себя» и найти «свой путь». Правда, кто-то из ребят узнал в «хиппаре» сторожа закрытых зимой дальних корпусов, и вера в необычную личность быстро улетучилась.

Когда появлялось солнце, отряды ходили к неприветливому морю, с недоверием поглядывая на летние дома-бочки дружины «Комсомольская», с интересом – на холмы приграничной «Дозорной». Когда шёл снег или (чаще) дождь со снегом – грелись в холлах «Стремительной», играли в «Менеджер», рисовали стенгазеты, участвовали в конкурсах. Однажды вожатые объявили что-то вроде деловой игры, посвящённой политическим партиям. Вначале предлагалось зарегистрировать свою партию (название, программа, список членов – не меньше двух человек), потом привлечь в свои ряды сторонников и принять участие в дебатах о политических нуждах страны. Цветков целый день ходил сам не свой – так хотелось принять участие в конкурсе. Но ему казалось, что все хорошие идеи отнимают другие. Один его одноотрядник придумал партию «Советский Союз» и агитировал за возврат к «нерушимому, созданному волей народов». Второй зарегистрировал организацию «Царская Россия» и с горящими глазами готовил к дебатам имперский флаг. Самая громкая в отряде девчонка создала партию «Женская солидарность» и криком объясняла азы феминизма. В эти новообразования начали записываться ребята, у которых не было никаких идей. А Цветков все медлил: ему хотелось найти что-то своё. И нашёл.

– Как-как будет называться твоя партия? – недопонял организатор конкурса.

– «Кубик Рубика!» – гордо повторил Цветков.

– И какова твоя политическая программа?

– Научить всех жителей страны и мира собирать кубик Рубика!

– И кто же вошёл в партию, кроме тебя?

Цветков долго не мог найти себе напарника: одни отмахивались, другие смеялись в ответ. И вдруг понял, что искать нужно

не в холле, где толпились будущие политики, а в других местах. Он вспомнил, что за разлапистым растением в общем коридоре часто прячется один «ботаник» из младшего отряда, не расстающийся с книгой.

– Ты почему не участвуешь в конкурсе? – прощупал почву Цветков.

– Я вне политики, – с достоинством ответил «ботаник».

– Я тоже, но я знаю, как утереть нос всем этим политиканам.

– Как же?

– Зарегистрировать партию, которая по определению не будет политической!

«Ботаник» согласился. Особенно когда Цветков пообещал ему свою порцию печенья, которое «орлята» получали вместе с кефиром перед сном.

Дебаты прошли замечательно. Цветков вылетел в первом же туре, не в силах внятно объяснить государственную миссию его партии. В финале встретились «Советский Союз» и «Царская Россия». Одни кричали: «Сталина на вас не хватает», другие: «Только царь спасёт Россию». Победу присудили «красным», хотя «белые» с этим были категорически не согласны. И быть бы новой «гражданской», если бы не ужин. С трудом успокоившись, взрослые и дети разошлись, удовлетворённые мероприятием. Ребята ещё травили полночи анекдоты, а вожатые... кто их знает, чем занимались вожатые!

Через пару дней о политических баталиях уже никто не вспоминал. А к Цветкову подошёл сначала один человек, потом другой, третий. Все просили научить их собирать кубик Рубика. У Цветкова была только одна штука, взятая из дома для развлечения в поезде. Но новые члены его партии нашли в других отрядах и даже дружинах ещё несколько кубиков. Не нужно всё представлять в современном масштабе – как в интернете чемпионы собирают эту игрушку за считанные секунды. У Цветкова были просто перерисованные схемы из журнала «Наука и жизнь», и он давал скопировать эти схемы другим...

– Пап, – дочь Цветкова шла рядом, кутаясь в шарф, – у нас вчера было интересное задание на общаге.

– Какое же? – ботинки немного проскальзывали по первому снегу, поэтому приходилось контролировать каждый шаг.

– Мы придумывали собственные политические партии.

– Что же ты придумала?

– «Партию культуры и искусства». Я предложила перераспределить деньги с оборонки на другие статьи бюджета.

– И как это восприняли другие?

– Высмеяли, конечно. Говорят: нас захватят и разделят американцы.

– А какие партии ребята придумали?

– Ой, все не вспомню. Но, точно было что-то вроде «Царской России» и «Советского Союза». Их лозунгами были...

– Дай угадаю.

На улице падал снег. Фонари поджигали его, и он таял, не долетая до земли, но... намекая на вторую, нужную вам, ребята, ситуацию. Где-то там вы найдёте и смысловую связь между примерами. А дальше – анализируйте, анализируйте, анализируйте...

Ольга Кузнецова

ОСОБЕННОСТИ ЕЙСКОГО РОМАНА

Она вошла в квартиру и едва не закашлялась от прогретого сладковатого воздуха почти на месяц закупоренной квартиры. Не скинув шлёпки – всё равно, мыть – прошла через комнату, открыла дверь на лоджию. Не желая возвращаться, пока не проветрилось, постояла. Внизу, меж зелёными ангарами военных складов, по зелёной траве ходили корова с телёнком. Между ними стояла собака. Впрочем, присмотревшись, поняла, что это... свинья. «Метаморфоза», – вспомнила она словечко Славы. И постаралась быстро, со Славы, переключиться: «Конверсия – возле люков с ракетами коровы ходят. И когда, не дай бог...» – пошла в комнату. Отвыкнув от дома, она внимательно оглядела поклеенные перед отъездом обои: «Хорошо смотрятся, хоть и дешёвенькие. Следующий ремонт не скоро – когда малыш подрастёт». И опять засомневавшись, будет ли малыш, она попыталась задёрнуть тюль. Но – то ли полотнище за что-то зацепилось, то ли от сильного рывка – словно истлевшая тряпка, оно затрещало, а в руках остался кусок. Удивлению не было предела – занавеска из капрона, который, как известно, тлению, гниению, коррозии не подлежит. Однако было именно так: едва взялась вновь, в руке

остался другой лоскут. В воздухе закружилась мельчайшая пыль, серебрясь на солнце. С отвращением Лена стала срывать сгнившую занавеску – та бесшумно опадала, мягкая и тёплая, как паутина. Она быстренько замела, а потом схватилась за стулья, перевернула их на стол. Пожалуй, нужно мыть пол.

Позади тридцать шесть лет, а впереди... Тем сложнее быть покорной и ласковой, остаться ночевать или привести к себе. Кажется, на юге это понимали все редкие одинокие мужчины. Свой возраст она поняла только там, приглядываясь к толстым бабам, чьи тела выпирали из купальников и, не зная солнцезащитного крема, краснели на солнце. Нещадно обгоревшие бабы были с детьми – с сыновьями, выше их ростом, с дочками, оформившимися в невесты. Сколько им лет? – гадала она про детей, но вдруг поняла про их родителей: они все её моложе! И тогда с интересом стала рассматривать мужскую половину – в основном, изработанных трудяг, и ей было жаль их, седых и лысых, сберёгших себя ещё хуже, чем их жёны – прокуренных, с тоской смотрящих на море, худых или пузатых, жадно сосущих пиво под неодобрительными взглядами жён. Здесь много было семей из Краснодарского края, приезжавших к морю на выходные – колхозники с загорелыми лицами и руками, но белыми телами, в дешёвых плавках. И ужас обуял её – от кого она хочет рожать? Мужиков полноценных, одиноких и клеящихся, как ей запомнилось по студотряду на сборе фруктов, не было. Только сейчас она поняла, что тогда клеились пацаны – лет до двадцати пяти, а им, дурам, они уже казались старичьём. Породистых, холёных мужиков, о которых мечталось, которых она, вообще-то, издала видала в своём городе – их здесь просто не было, как вида, как рода. Видимо, это не их ареал. Их тут и быть не могло, как говорил единственный в их конторе мужчина, Андрей Константинович: «по определению». Они отдыхали на иных курортах... На день пятый или шестой она, наконец-то, чётко сформулировала: «Нужно было не жаться, не экономить, а ехать на Чёрное море». И тут за столик в дешёвой кафешке, работавшей допоздна, подсел парень, моложе её лет так на десять, и заинтересованно взглянул ей в глаза, с которых она по оплошности сняла очки.

И она вдруг отчаянно подумала: «Пусть будет он». Впрочем, на нём была небольшая плетёная шапочка, а при повороте головы на плечо вдруг выскочила косичка. «Голубой, наверно», – попробовала отвертеться от уготованного, обмануть себя ещё раз. Но, спохватившись, изобразила любезность. Он был ещё совсем белый – только что приехал. И она, на правах старожила, попыталась смешно рассказывать свои наблюдения в городке и на пляже. И обещала показать выставку фарфоровых статуэток, размещённую прямо между рамами в соседнем доме: умильные кошечки, барышни с платочками... Она почему-то сюсюкала, наверно, старалась быть женственной. Дурак он – пригласил её к себе. Сколько людей проживало в том дворе за железными воротами, она даже вообразить не могла. Он тащил её на третий этаж этого «курятника», храпы раздавались слева и справа, где-то, как потом оказалось, в соседнем дворе, громко говорила женщина – ей негромко отвечал мужчина, но было ощущение, что сама с собой разговаривает глухая, сидя прямо на лестнице...

Он привёл её в комнатушку, куда были втиснуты две допотопные кровати с никелированными спинками. На одной стояли сумки, а на другой сидели в обнимку седой, полноватый, интеллигентного вида мужик и молоденькая девушка. «Здравствуйте! Новая смена? Без простоев хозяева работают! Вы за эту ночь заплатили?» Узнав, что – да, восхитились ещё больше: они заплатили тоже.

– Присаживайтесь. Тесновато, конечно...

– Нет, нет, мы пока погуляем...

И они пошли к морю. Но не дошли, свернув в шуршащие колючие кусты, и Слава прислонил её к какому-то дереву и поцеловал. А ноги всё хотелось сплести за его спиной, но не получалось, они соскальзывали, и её спина елозила по шершавому стволу, и сучок иногда больно колот в бок. Какая-то парочка, пьяно смеясь, прошла совсем рядом, слава богу, не додумавшись свернуть к ним. А животная тяга друг к другу была так велика, что Слава, измучившись держать её на руках и прижимать к дереву, шепнул: «Извини уж», – и посадил на землю, прямо на свои ладони, как тяжёлый плод. Скрипнула галька, жёсткая тра-

ва лезла сквозь его пальцы, щекотала и царапала, колола. Но она это зафиксировала кусочком своего сознания и забыла...

Они поселились у её хозяев – отдельная крохотная мазанка освободилась, и проблем не было никаких, кроме, пожалуй, одной – они были совершенно чужие, разные и нелюбопытные друг к другу. Иногда ей казалось, что ему просто так удобней – она готовила суп, бутерброды. «Ещё стирать заставит», – подумалось ей. Но он сам стирал свои светлые носки и такую же майку в хозяйском тазике, нагрев воду на газу. Любил резать помидоры в салат, густо засыпать их укропом. А секс был ещё. На широкой дощатой кровати с тощим матрасом и на полу с войлочным настилом. В ночном море, куда она вытащила его однажды, и где их, словно бобров, на свет ловила охрана порта далёким прожектором. Но нигде больше она не испытывала того звериного остервенения, что в первый вечер знакомства. Словно закодировала сама себя, вообразив, что беременеют с одного раза...

А он оказался молчуном. Уводил её не на общий пляж, а вдаль, за посёлок, за валуны. Заставлял загорать неглиже, необидно осмеяв её закрытый купальник, сам тоже загорал голым. Но эротика в их отношениях на берегу не было. Она это списывала на своё стареющее тело и становившийся в последние годы всё мягче и мягче живот. Но он, словно подзарядившись от солнца и моря, доказывал тёмными ночами, насколько она была желанна... А днями он жарился на солнце, смотрел на море или заплывал далеко, заставляя её беспокоиться. И лишь однажды вдруг рассказал что-то очень длинное про ёжиков, про их ночную жизнь, про то, как они смешно трахаются, с какими стуками и звонами, как колют друг друга иглами... Вероятно, у неё было лицо разбуженной ханжи, потому что он осёкся, замолк и больше монологов не произносил. Она лишь уяснила, что он из Екатеринбурга, а там плохая экология, и что работает по специальности, инженером-микробиологом. А она зачем-то наврала, что учительница... А личной жизни в немногословных разговорах они не касались.

Иногда она, разомлев на солнце, в мыслях уже рисовала совместную жизнь – ну, и что из того, что молодой... Работать

можно устроить в педуниверситет. Или СЭС. Но потом брала себя в руки... Нет, он не давал ни малейшей надежды на продолжение романа. Он даже не строил из себя джентльмена – когда однажды вечером она сказала, что надо бы проснуться пораньше, сходить купить билет домой, он даже не пристал к разговору, не вызвался сходить с нею. А когда уходила, он проснулся, но, всё-таки, с ней не пошёл. И она не заигрывала и ничего не просила, не привыкнув играть на том, что она – женщина. Перед ним она тоже, как ей казалось, не унижалась. Не пошёл он её провожать и до вагона – лишь посадил в автобус, идущий на вокзал, подал вещи и помахал рукой. И когда она, справившись с лицом, насильно натянув улыбку, выглянула в окно автобуса, то увидела лишь удаляющуюся косичку с резинкой на конце, подпрыгивающую от ходьбы...

С ней в купе ехала северная семья с каким-то южным, по её мнению, укладом: наличие средств и непомерная при этом скупость переплетались в закрытой, подозрительной женщине, делая её весьма неприятной особой. Разговоры велись, нарочито игнорируя попутчицу. Зато её муж, большой, веснушчатый, уса-тый мужик с лицом, самоуверенно выражающим: мол, знаю я вас, знаю, что вам, бабы, надо, всё пытался заговорить с Леной, правда, в отсутствие жены... А Лена, глядя на их упитанного парнишку, чётко чуявшего настрой матери, абсолютно солидарного с нею, вдруг поняла: ей не хочется иметь вот такого. Где она была – чтобы решиться иметь «спиногрыза», эгоиста, непрестанно жующего, требующего на каждой станции: «Купи! Дай!»?.. И чем она будет его кормить? При виде этого реального пацана, требующего то газировку, то мороженое, поедавшего зараз полкурицы – столько мяса ей хватало на неделю, показались безумными все её планы, при скудных-то сбережениях и надеждах на свою картошку и помощь коллег. И она, вся в немом ужасе и оцепенении, словно робот, практически на автомате выходила из душе-ного вагона на бесчисленных, слившихся в один, полустанках и приценивалась, и торговалась, и высыпала бесконечные вёдра фруктов в припасённые картонки, пока денег осталось только на такси... Впрочем, доехать можно и на троллейбусе, а она долж-

на, она может всё это допереть – каких-то там метров двести от остановки! Нет-нет, только такси – а вдруг?..

Ей очень хотелось знать: везёт в себе она ребёнка, или нет? Может, надо было ещё остаться? Не сегодня, так завтра это станет ясным... А ночью она вдруг почувствовала, что нет, не хочет она ребёнка, она хочет, чтобы рядом был мужчина – пусть такой вот, неразговорчивый, молодой, с хвостиком. И снова спохватилась – а вдруг тот, кто должен был поселиться в ней, услышит её отречение от него... И отторгнется, и бросит?!

Сгнившим оказался не только тюль. Синтетический коврик перед кроватью превратился в прах, едва она взялась за него; линолеум, положенный на паркет в крошечном коридоре, вдруг скукожился – так скатывается пережаренная на солнце кожа. Губка в ванной, яркий гдзеэровский халатик, про который она думала, что ему не будет сноса, превратился в пыль, оставив в руках нитки, которыми она зашивала прорехи подмышками.

В дверь постучалась соседка:

– Леночка, приехала? Как отдохнула? Сейчас я тебе цветочки принесу. Вот гортензия скучала без тебя, скучала... Я уж думала, что погибнет... – но, глядя на серебристую пыль, обильно рассыпанную по полу, вдруг вскричала брезгливо, – моль? Ну, ну, наводи порядок, как-нибудь зайду..

А Лена уже открывала платяной шкаф и выгребала всё тот же серебристый мусор. И только льняные простыни и хлопковые вещи сохранились среди этой золы. И непонятно, что случилось и почему. И в чём она будет ходить осенью – её куртка осталась висеть на плечиках хэбэшной подкладкой, а отвратительные серые куски прочего просто упали под ноги. И даже целлофановая упаковка: «двести лет должна пролежать в земле, чтобы начать распадаться!» – вспомнился институтский курс экологии – рассыпалась. С суеверным ужасом выдвинула нижний ящик. Туда она намеревалась складывать приданое для малыша. Игрушка её детства, облупленный деревянный Буратино на вытянувшихся резинках, был цел. Здесь же, в истлевшем целлофановом пакете была единственная вещь, которую она привезла из родительского дома, когда те умерли:

маленькая русская косоворотка. Шитая её прабабушкой на руках, из белого полотна с синей домотканой тесьмой по вороту. В ней, как сказала бабушка, крестили её отца... Рубашонка была малюсенькая, но сшита, как на взрослого. Она была цела. Лена встряхнула её и, глубоко вздохнув, вдруг успокоилась. Не торопясь, бережно уложила вещичку на протёртую от пыли полку пустого шифоньера, на неё же усадила игрушку. Затем наклонилась, смочила тряпку и стала мыть пол.

Любовь Лихоманова

ЗАГВОЗДКА

У бабки Груни случилась загвоздка. Загремел в больницу её благоверный, муж Фёдор. Да не в простую районную лечебницу, аж в самую областную. Неделю назад воротился Фёдор Иванович из леса с корзиной молодых опёнков, с трудом поставил её на лавку, со стонами ушёл в летнюю горенку и уже не поднимался с кровати. Занедужил, занемог так, что «фелшарица» Галка вызывала скорую из райцентра. В те два часа, что добиралась до деревни медицинская помощь, Агриппина Тимофеевна раз пять принималась причитать – «как она одна-ти жить станёт, коли деда не будёт» – и каждый раз окорачивала себя, обзывая «дурой набитой» за эдакие-то мысли. Дед тихонько стонал и всё просил пить, Галка не разрешала, потому как подозревала у больного заворот кишок. Когда карета скорой увезла старика в район, баба Груня поплакала, ещё попричитала, потом зажгла лампадку в красном углу и остаток вечера молилась Пресвятой Богородице о выздоровлении супруга.

В больнице районного масштаба не оказалось нужного специалиста, и уже другая скорая, с мигалкой и сиреной, доставила деда Фёдора в область. Операция прошла благополучно, о

чём бабе Груне сообщили из сельсовета, куда, в свою очередь, позвонили из больницы. Надо было ехать к больному, чтобы отвезти самые необходимые для поправки вещи: рыльное-мыльное, постельное, одежду да тапочки, так как времена стояли нелёгкие, и полное самообеспечение больных было обыденным делом. Единственный сын Колька давно жил «за тридевять земель», в большом сибирском городе, с женой и двумя детьми, поэтому выходило, что проведать больного и свезти «котомку», кроме бабки Груни, было некому. Собрав нехитрый дедов скарб, Агриппина Тимофеевна присела на стулик у открытого в тихий деревенский вечер окошка и призадумалась. В районный-то городок, хоть и нечасто, она езживала, и всё там ей знакомо, а вот в областном центре, почитай, лет двадцать не бывала. Поди, всё переменялось... Она достала из-под клеёнки на столе клочок бумаги, на котором Сонька-секретарша председателя записала адрес, и как добраться до места. «Троллейбус номер четыре до конечной остановки...» – прочитала по слогам вслух. – «Чё это за машина такая? Не слыхивала, не видывала. Надо будет у Гришки-студента завтрава вызнать, он в этой Вологде в техникуме учится второй год». На том и успокоилась.

Поднявшись на следующее утро с первыми петухами, Агриппина Тимофеевна испекла деду рыбник с палтусиными головами, сварила вкрутую десяток яиц, достала из голбца поллитровую банку сметаны, ещё раз оглядела содержимое сумок и стала собираться в дорогу. Надела нарядный, с большими красными маками, платок и такую же яркую красную кофту, в седые волосы аккуратно воткнула гребёнку с нарисованными по краям золотинками. Погляделась в замутневшее от времени зеркало, невзначай вздохнула и вышла из избы. Подоткнув входные двери старой дубовой палкой – для обозначения отсутствия хозяев, резво зашагала по пыльной деревенской дороге.

Когда бабка Груня вошла в калитку, Гришка только ещё поднялся, прогулявши полночи с приятелями и подружками. Потягиваясь, он двигался к умывальнику, прибитому к старому тополю на серёдке двора, поросшего мелким клевером. Настроение было великолепное – как-никак, впереди два месяца

каникул, и он радостно приветствовал гостью: «Здорово ночевала, баба Груня!». Агриппина поклонилась: «Здоровеей видали! А я ить к тебе, касатик! Обскажи-ко мне, любезный, что ето за машина такая в городу-то объявилась – троооо-лебус?». Гришка удивлённо хмыкнул, но легко объяснил: «Это такой автобус, токо с рогами». – «С рогами?! Ты, чо, издѣваешься, чо ли, над старухой? Мыслимое ли дело – рога у машины? Сказывай, баю, по-черѣдному! Недосуг мне шутки шутить, к деду в больницу надо за дѣнь попасть!» Только тут Гришка углядел и бабкин прикид, и поклажу. «Да точно говорю, с рогами! Она по проводам этими рогами елозит, ток электрический берѣт и едет на нѣм!» – охотно подтвердил. «Ну, товда ладно, погляжу, буди... – бабка протянула листочек с адресом. – Топерича ты растолкуй, как да чего тут написано». Гришка заглянул в бумажку и разъяснил, где останавливается на улице Мира троллейбус номер четыре, как на эту остановку добратся с автовокзала, что ехать потом до конечной, а там больницу как на ладони видно будет. Баба Груня молча выслушала, кивнула и пошла было к калитке. Гришка зачерпнул ковшик ледяной воды из ведра, стоявшего рядом, и плеснул себе на загривок и голые плечи. Холодянка обожгла. Гришка взвизгнул и повеселел ещё больше. И тут вернулась от калитки Груня: «Милок, а про билет-от я забыла. Где его покупать-та? Кандухторши-та есть тамока, в этой рогатой машине?». – «Кондукторов, баба Груня, теперь нет, билеты называются абонементными талонами, продают на автовокзале и на конечной остановке, книжечками по десять штук». Агриппина Тимофеевна, поставив на зелёный лужок двора поклажу, всплеснула руками: «Вот ить незадача! На што десять-то штук, мне токо два талона-ти и надо: туды да обратно... Ковды ишо вдругорядь поиду?». Внутри Гришки уже вовсю ревился чертѣнок, но он держался до последнего: «Дак ты у кого-нибудь попроси продать талончик. Но... талоны надо компостировать». Баба Груня покачала головой в цветастом платке: «Батюшки, опеть неуправа! Компос-от тутока причѣм? В яму каку, чѣли, кидать надобно?». Гришка спрятал в кулак улыбку и как можно солиднее ответил: «Там, внутри троллейбуса, на стенке

висит железный жёлтый ящичек, называется – компостер. На нём увидишь щёлочку, туда надо положить талон и нажать на рычажок, который сбоку. Аппарат проделает дырки в талоне, значит, прокомпостирует. Если пойдёт контролёр, он сверит дырочки на талоне и в аппарате». От такой пугающей информации баба Груня аж взмокла. И тут Гришка хитренько улыбнулся: «Самое главное-то я не сказал... Баба Груня, талон твой может не пробиться. Ихние-то пассажиры все занесены в базу данных. Поэтому ты должна идентифицироваться». Агриппина Тимофеевна вскинула удивлённо глаза: «Чё, милоч, нада соде- лать-то? Индифироваться, это как?». Гришка отвернулся к ого- роде и ответил, еле сдерживая смех: «А, это просто. Встаёшь пе- ред компостером, там сбоку есть отверстие, и называешь в него свою фамилию, имя, отчество, год рождения и место прожива- ния. Аппарат всё записывает, потом нажимаешь ручку, и талон спокойно дырявится». – «Ну, ладно, вроде понятно всё, побёгла, а то ишо на автобус опоздаю», – и Агриппина Тимофеевна, под- хватив сумки, ходко поковыляла к остановке.

К обеду баба Груня была в Вологде. Спросила про нужную остановку, добралась до неё. Оглядевшись, она заприметила млажаваго старичка, державшего в руке пачечку, наверное, талонов. Взглянув на собственное отражение в огромных ок- нах гостиницы, Агриппина Тимофеевна поправила сбивший- ся головной платок и вежливо обратилась: «Мил человек, не продашь ли талончик на рогатый автобус четвёртый нумер, до больницы доехать, мужа спроведать?». Дедок пожал плечами и подал ей талончик: «Бери, не жалко!». От протянутой мелочи отмахнулся: «Иди скорей, вон, твой рогатый подошёл!». Крях- тя и охая, бабка Агриппина взобралась по высоким металли- ческим ступенькам. Народу в троллейбусе, в рабочие-то часы, было немного. В поисках аппарата для «продырявления», она прошла в заднюю часть машины. Жёлтая коробочка с никели- рованным рычажком висела высоко, накрепко привинченная к стене. Под рычажком виднелась круглая дырка, в которой скрывался какой-то винтик. Баба Груня оглянулась, поднялась на цыпочки, сунула талон в прорезь и зашептала, как научил

Гришка: «Агриппина Тимофеевна Кузнецова, родилась в двадцать восьмом году, проживаю в деревне Липовик». Затем попробовала нажать на широкий рычажок с выбитой на нём стрелкой. Тот не поддавался. Вспотев от волнения, бабка Агриппина окинула взглядом пассажиров и решила повторить, только громче. Набрала в лёгкие воздуха и, придвинувшись к дырке почти вплотную, прокричала: «Приезжая, Агриппина Тимофеевна Кузнецова, родилась в двадцать восьмом году, живу в деревне Липовик». Затем, чуть подумав, добавила: «Еду к деду в областную больницу!» – и тут салон взорвался таким хохотом, что бабка Груня струхнула... С соседнего сиденья поднялась улыбающаяся дама, энергично нажала на рычаг и протянула продырявленный талончик. «Всё просто, бабушка! А зачем разговаривали-то с компостером?» – «Дык, Гришка велел личность-то докладывать, я ить нездешняя... Вот паразит-от, омманул баушку!» По троллейбусу опять прокатилась волна смеха. Виновница веселья, усевшись в самый дальний угол, уткнулась невидящим взглядом в пыльное окно. За стеклом проплывали дома, деревья, люди, машины... В другой раз она бы всё рассмотрела, но сейчас прокручивала мстительные мысли: «Ужотка я тя бадогом-то приласкаю! Будешь знать, как подскрывать над старухой!». Она и остановку «Больница» проехала бы, если бы та не была конечной.

Деда своего нашла, отдала котомки, успокоилась, что дело идёт на поправку, доложила нехитрые деревенские новости и засобиралась домой. О своём опростоволосенье баба Груня промолчала, не хотелось снова оказаться осмеянной. В киоске на остановке она купила книжечку талонов (авось, пригодятся), войдя в троллейбус, невольно усмехнулась недавнему происшествию, оторвала талончик, деловито вложила его в щель компостера и со всей силы лупанула по рычагу. В Липовик вернулась уже затемно. Проходя мимо Гришкиного дома, стрельнула глазами на светящиеся окна, но разборки отложила до завтра, памятуя, что утро вечера мудренее. Но утро принесло новые заботы, и Агриппина Тимофеевна про месть подзабыла. До обеда. А когда заявила почаёвничать давнишняя подруга, бабка Ма-

нефа, не удержалась и всё той рассказала. Манефа согласно кивала головой, осуждая беспутного Гришку. Но когда Агриппина с подробностями описала, как докладалась компостеру, неожиданно прыснула. Баба Груня обидчиво глянула на подружку, и... спустя минуту обе захлёбывались хохотом. «Подумай, какая дурында-то! С дыркой разговаривала... Всурьёз ведь поверила Гриньке-то!» Гришку она встретила через день, у колодца. «Как съездила в область, баба Груня? Накаталась на рогатом-то?» – беззаботно улыбаясь, спросил он закручивающую колодезную цепь Агриппину Тимофеевну. «А как жа! И всё, как ты баял, в точности исполнила... Паразит ты эдакой!» – и с этими словами баба Груня выплеснула на Гриньку полное ведро студёной воды. Взвизгнув от неожиданности, мокрый парень отпрыгнул в сторону. «Так ты чё, баб Груня, поверила мне, что ли? С компостером разговаривала?» – осенила догадка. И Гришка согнулся пополам от смеха. Следом зашла в истеричном хохоте Груня. Насмеявшись вволю, закрепили они перемирие чаепитием из ведёрного самовара с земляничным бабкиным вареньем. Потому как деревенские люди незлобивые и отходчивые.

Надин Ривз (Надежда Леонычева)

ПРОДАВЕЦ БИБЛИЙ

Меня зовут Лиам Трейнор, и я продавец библий. Не скажу, что я мечтал ходить по домам и впаривать людям религиозную литературу. Я не проповедник. И – не верующий. Всего лишь продавец книг. Точнее, одной книги – Библии. Бестселлера всех времён и народов.

Моя работа нашла меня в отделении психиатрической помощи больницы в Санта-Монике, куда я попал из-за неоднократной попытки самоубийства, и теперь всеми силами доказывал, что я нормальный. Разумеется, нормальным я не был. Какой нормальный станет изображать суицид, лишь бы избежать встречи с полицией? Можно ведь реально себя на тот свет отправить. Оттуда вернуться сложнее, чем с зоны после отбывания срока за мелкие кражи. И всё-таки, я не искал лёгких путей.

Продажа библий – моя терапия. Когда я лежал на койке, обдумывая план бегства из больницы, а затем и из штата, ко мне подошёл священник и начал со мной разговор. Отвлечённо, осторожно. Видимо, было ему не впервой с психами общаться. Я толком ему ничего про себя не сказал, кроме имени и города, где родился. Город назвал от балды. Первый, что в голову при-

шёл – Хьюстон. Сил не было на неадекватные выходки, да и понимал, что хочу отсюда выбраться, а не получить постоянную прописку. Вот я и стал играть в смирение и постижение веры.

Мне всегда религия казалась фарсом. Любая. Я не делю верующих и религиозных по конфессиям и богам, которых придумало человечество за всё время существования. Читая «Книгу книг» и продавая её, я пришёл к мысли, что я всего лишь книготорговец. Продаю мировой бестселлер, вот уже более двух тысяч лет существующий на рынке. Моя игра шла хорошо. Главное, что мне верили. Помимо священника и Библии, я беседовал с психологом. Его обмануть было сложнее. Но у меня опыт. К тому же в этот раз мне нравилось проходить «путь выздоровления», я будто бы строил планы на будущее. Реальное будущее. Оно не было ярким и радужным. Обычное будущее с легальной работой и каким-никаким жилищем. Пора завязывать мотаться по стране, дурить врачей и копов, изображая жертву. Рано или поздно, меня раскусят, и тогда моё будущее, даже серое, не наступит.

Поздно ночью, сидя в отведённой мне комнатухе в пансионе при церкви, я читал Библию. Читал как обычную книгу, в которой в одно целое сплелись реальность и фантастика. Или подсознание. Скрытые желания человека. И вот они воплотились в книгу. Меня восхищали повороты сюжета, от жестокости даже холодом обдавало, и над всем этим – Бог, который есть любовь. Древняя книга. Земли, в которых развивается её сюжет, погрязли в войне. Там вечно льётся кровь. Потом, спустя века, кто-то сочинит новую «книгу книг», в которой события наших дней будут описаны, как мифы и легенды. И будет Бог с новым именем. Ему будут поклоняться. И грозить адским пламенем тем, кто в него не захочет верить. Книга обладает колоссальной силой. Она – как ядерная бомба. Люди свято верят тому, что написано в любой религиозной книге. Поправочка: в значимой религиозной книге. Той, которая стала бестселлером, нашла читателей и не сгинула в небытие.

Я вспомнил, как мой кузен притащил откуда-то «Майн кампф». Помню, как орал на него дед. Как бросил книгу в камин. И как на весь вечер воцарилась жуткая тишина. Я бы бросил в

огонь все «книги книг». Зажёг бы громадный костёр из религиозной литературы, кидал бы в пламя (чего боялись и чему поклонялись древние люди) прекрасные книги в кожаных переплётах, бархатные, расшитые золотыми нитями, и потрёпанные, зачитанные до дыр, с сальными от пальцев страницами. В моём великом костре горело бы то, из-за чего люди готовы убивать друг друга, смиряться и хоронить себя заживо. Великие фантастические книги. В пламени огня сплетались бы воедино христианские и мусульманские молитвы, строки Талмуда, всё бы смешалось, и всё бы поглотил огонь. Напоминая, что именно он священен и может уничтожить почти всё, что придумал человек. Книги – уж точно.

Я скучал. Скучал по свободе. И меня раздражали и библии, и святоши. А ещё больше – люди, которые покупали книги у незнакомца, что постучался к ним в дверь. То есть у меня. И радовали те, кто прогонял. Они вселяли в меня надежду на то, что здравый смысл ещё существует. Хотя, мне ли говорить о здравом смысле? Людям нужно во что-то верить. Также им нужно переложить ответственность за свою жизнь на высшие силы. И ждать, что в загробной жизни будет рай. Моя жизнь не идеальна. Я её просрал. Потому что я – идиот. Вот и всё. Я мог бы достичь многого, но пустил всё под откос. У меня не было на то веской причины. Всё моя дурная голова. И в моей кочевой жизни нет ничего романтического. Я не герой красивого фильма или книги. И в том, что я здесь, продаю библии и играю в выздоравливающего психа, виноват только я. Ни Бог, ни родители, ни ранняя высадка на горшок. Я сам виноват во всем, что со мной происходит.

Год назад я жил в Ньюарке и встречался со взбалмошной художницей. Она пребывала в творческом кризисе, искала вдохновения и нашла меня. Её звали Гильда Басс. Подозреваю, что это псевдоним, а не её настоящее имя. Хотя опять же, мне ли подозревать? У неё дома было полно книг, антикварной мебели – и всё это в полнейшем творческом бардаке. Два месяца мы провели как в тумане – всё куда-то ходили, виделись с местной богемой, зависали в клубах, и кажется, ни разу не были трезвыми. В этом была лёгкость падения. А потом Гильда вдруг

резко протрезвела, навела в доме идеальный порядок и села творить. Будто бы и не было двух месяцев деградации и тупого существования. И задала мне вопрос о наших отношениях. Я ответил, что у нас нет отношений, и Гильда выставила меня за дверь. Спокойно и без истерик. Как мешок с мусором.

Элизабет. Так я назвал девушку, что вечно околачивалась в церкви или в больнице. Мне рассказали, что её на самом деле зовут Лесли. Мне не нравились это имя. Лесли... звучит, как переваренная овсянка. Сказали, что она донор крови. Из верующих. Я говорил о ней с психологом. Расспрашивал про неё. Странно, что молодая и красивая девушка вот так добровольно стала верующей, что готова слиться с фоном. Я успел повидать много разных верующих людей, но Лесли, всё равно, отличалась от них.

– Она нравится тебе? – спросил психолог таким тоном, будто моя жизнь зависит от того, нравится она мне или нет.

– Красивая, – ответил я.

Он усмехнулся. Развеселили его мои примитивные суждения.

– Лесли особенная, – сказал он. Мне на ум пришли люди с синдромом Дауна. Что я и высказал. – Нет, – возразил психолог. – Она другая. Лесли выросла в религиозной семье. Она не смотрела телевизор, не слушала музыку и книги читала только те, что одобряют родители. Лесли жила в закрытом мире. И сейчас так живёт. Только осталась одна. И не знает, как жить, поэтому и держится рядом с церковью. Мир вокруг не воспринимает. Я разговаривал с ней.

– И что она говорит?

– Лиам, эта девушка не из твоего мира.

– Да, в моём настолько убогих красавиц нет, – улыбнулся я.

Больше я ни с кем не говорил про Лесли, но упорно называл её про себя Элизабет. Это имя ей пошло бы куда больше. И, может быть, вдохнуло жизнь. Мне предстояло продержаться ещё две недели. Я постепенно становился всё более адекватным, сговорчивым и непротиворечивым. Меня от этого корёжило, но я терпел. Я работал, старался быть полезным, всеми сила-

ми доказывал им, что я не безнадёжен. Возвращаясь однажды вечером в пансион, я нёс в сумке непроданные экземпляры и выручку в размере двадцати долларов. Шёл медленно и в какой-то момент решил изменить привычный маршрут. Свернул на другую улицу и вышел к покосившемуся зданию. Штукатурка со стен отпала, обнажив кирпичную кладку, окна зияли пустотой. Я подошёл ближе, заглянул в окно. Мебель перевёрнута и сломана, а у стен стоят неровными руинами штабеля книг. То ли это был дом любителя литературы, то ли заброшенная библиотека. Я закинул свою сумку в окно и сам залез в дом. Много раз мне приходилось ночевать в заброшках. Когда нет денег даже на комнату в самом захудалом отеле, то бываешь рад любой крыше над головой. Осмотревшись, я подошёл к книгам. Взял одну из них, обтёр рукавом обложку и усмехнулся: Брэдли Берри, «451 градус по Фаренгейту». Да уж! Забавно. Я взял ещё несколько книг. Стейнбек. Лондон. Бронте. Да тут кладёшь классической литературы. И от неё тоже многие без ума. Расхваливают, читают, цитируют. Я бросил взгляд на сумку с библиями. Что, если провернуть такой же трюк с книгой, какой проворачивал Тайлер Дерден с фильмами? Я рассмеялся в голос. Да, я готов играть по вашим правилам. Я стану лучшим продавцом библий. Да простит меня Господь за двадцать пятый кадр. Запихав в сумку как можно больше книг – среди классики нашлась и современная литература, я отправился в пансион. Ночь я не спал. Вооружившись ножницами и клеем, я монтировал «Книгу книг». Вырезал куски из книжных текстов и клеил их в сюжет Библии. Получалось эффектно. Мне нравилось, как в устрашающие описания и пафосные страдания вплетаются отрывки из художественной литературы, словно в борьбу с тьмой вступает свет и здравый смысл. К утру я закончил работу. Один из экземпляров я создал специально для Элизабет и собирался отдать за день до моего освобождения.

Монтаж книг увлекал меня. Я чувствовал, что делаю что-то важное. Естественно, это было всего лишь моё чувство, и я понимал, что всё – самообман. Большинство из тех, кто покупал Библию, не открывая, ставили её на полку. Другие перелисты-

вали прямо при мне, после чего тоже убирали книгу подальше. Среди них были и те, кто потом, всё-таки, открывал и читал. Были и такие, что сразу, открыв от балды, натыкались на вмонтированный мной отрывок, менялись в лице, а затем ободриительно кивали или же крепко задумывались о чём-то, о своём. И я надеялся, что литературное произведение, включая мозги, сработает на контрасте с текстом Библии. Они должны понять, что мир изменился и они изменились. А то, что они держат в руках, всего лишь книга, написанная даже хуже, чем некоторые современные бульварные романы, но, надо признать, затягивает. Я опасался, что на меня донесут. Всегда находится кто-то «неравнодушный», кому есть до всего дело. К счастью, по мою душу таких не нашлось. И вот наступил предпоследний день моей религиозно-психологической терапии. Я был признан здоровым, прошёл заключительную беседу с психологом и полицией, совместно. Дело закрыто, я уже не опасен ни для себя, ни для общества. После получения документов и выписки я разыскал Элизабет. Мне с трудом удалось назвать её Лесли, но я справился и подарил ей Библию. Которую создавал для неё. Она смутилась, покраснела и приняла книгу. Кротко поблагодарила и пошла прочь. Я отправился коротать остаток вечера в своей комнатушке. Завтра рано утром я отсюда уйду, потом сяду на автобус и поеду в Чикаго. Там начну новую главу своей жизни и в этот раз постараюсь не накосячить. Найду работу. Сниму жильё. Надоело таскаться по стране. И не хочется неприятностей с полицией, не хочу больше изображать психа и самоубийцу.

Я не заметил, как заснул. Разбудил меня стук в дверь. В комнате темнота. Я встал и нашарил выключатель. Прислушался. Стук повторился. Опыт научил меня, что ночные гости редко бывают желанными и ждать чего-то хорошего не стоит.

– Лиам, – услышал я женский голос. – Это Лесли.

Я немного приоткрыл дверь.

– Ты одна?

– Да, – ответила она.

Я открыл дверь шире, пропуская её в комнату. Она прижимала к груди Библию.

– Я начала читать и не могла остановиться. Чудесная книга. Спасибо.

– Не за что, – пробормотал я.

«Библия» для Элизабет начиналась с «Джейн Эйр» Шарлотты Бронте, продолжалась романами Фицджеральда и других.

– Ты хороший человек, Лиам. Добрый.

Её голос звучал мягко и тепло. Обволакивал, убаюкивал.

Я мотнул головой, не столько в опровержение её слов, сколько для того, чтобы прогнать морок этого голоса.

– Не стоит думать, что я не читаю ничего, кроме Библии. Я читаю. Только не часто.

– Почему ты живёшь здесь? – спросил я.

– Потому что мне здесь всё понятно, просто и легко. Мне хорошо здесь, – она смотрела мне в глаза, и в них отражалась Вселенная. – Я знаю, что можно жить не так. По-другому. Но я не хочу. Я смирилась со своим положением, с тем, что я не...

Она замолчала.

– Что?..

– Не важно. Главное, что здесь я могу просто жить.

– Просто жить... – повторил я.

– Не стоит обо мне переживать. Я счастлива. Я знаю, что делаю. Может, моё призвание – помогать людям?

– Может? – в моём голосе звучал скепсис.

Чёрт! Зачем она пришла? Вот-вот я сорвусь и выскажу всё, что думаю об этом месте, о Библии и религии в целом, что мне осточертела моя, такая бездарная, жизнь, и весь этот цирк – тоже. Она выбрала такую жизнь, потому что так проще? И будет усердно поклоняться книге, одобряющей страдания? Я глубоко вздохнул. Мне нужно молчать. Держать свои эмоции в узде. Иначе всё полетит в пекло.

– Лиам, это моё бегство от мира. От этого жестокого и стремительного мира. Моя жизнь была всегда спокойной и размеренной, и сейчас я здесь, потому что не хочу ничего менять. Мне бывает грустно и тоскливо, бывает, что хочется чего-то лучшего и ярких красок. Но это всё мишура, это всё неважно. Есть то, что выше всего, что вокруг нас и внутри нас...

– Хорошо, – перебил её я.

Не мог больше слушать мягкий голос и чушь, что он нёс. Бунт был во мне всегда. Я всегда бунтовал против чего-нибудь. Даже против себя самого. И когда мне бывало скучно, я развлекался. А не смирялся с тем, что не могу этого сделать. Потому что я мог. И могу. Я не смирялся перед миром и ситуациями, потому что мне страшно. Моя жизнь не образец, моё поведение и поступки – тоже. Но её отвлечённость и смирение были за гранью моего понимания. Я – мерзавец, я – отвратительный человек. Ушёл из дома, накарябав записку. Потом позвонил из телефона-автомата (с мобильного я никогда не звонил родителям) и сказал, что жив и здоров. И так делал периодически, чтобы меня не считали без вести пропавшим. Моя семья, в каком-то смысле, «послала» меня, потому что устала со мной бороться. «Сообщи, когда мозги начнут работать!» – говорили они, вместо прощания. И даже в случае с Лесли-Элизабет не всё однозначно. И моя книга тоже не столь прекрасна, как она думает. Она создала свою клетку и живёт в ней. Мне стало страшно. Страшно от того, что я тоже могу застрять, как она, в трясине, попасть в клетку бестолковой жизни и не выбраться никогда. И мой бунт будет жестоко подавляться. Я утрачу свою личность, и от меня останется только оболочка. Пора прекращать игры с судьбой.

– Спокойной ночи, Лесли! – Я мягко взял её под локоть и подвёл к двери. – Читай книгу до конца, и внимательно, вдумчиво. Не отступай, даже если будет тяжело. Только оставь это до завтра. Уже поздно.

Она улыbnулась:

– Спокойной ночи, Лиам.

Рано утром я покинул пансион при церкви. Дошёл пешком до вокзала и купил билет на Чикаго. Автобус медленно отъехал от станции. Я закрыл глаза, погружаясь в зыбкий сон. Лесли, всё же, ждёт потрясение. Историю заканчивает не леди Бронте и не мистер Фицджеральд, а Ирвин Уэлш. В конце её ждёт «Грязь». Я не знаю, как она воспримет это. Щёлкнет ли в её мозгу, что красивый и замечательный мир, в её воображении, не так уж и красив. И то, что она видит снаружи, ещё не самое жестокое в

жизни. И какой контраст между тем, во что она верит, и реальным миром! На остановке я вылез из автобуса, нашарил в кармане мелочь и подошёл к телефону-автомату. Бросив монетку, набрал номер и стал ждать.

– Да? – в трубке прозвучал сонный голос отца.

– Я возвращаюсь домой, папа.

Нина Рябова

МУЖЧИН В ДОМЕ НЕТ

К нам пришёл гость. Бабушка Ираида поставила самовар. Достала чашки. Села разливать чай. Гость придвинулся к столу, полилась беседа. Про чай он вроде и забыл. Я внимательно разглядывала его рыжую бороду, рыжие волосы, прислушивалась к необычной речи. И, конечно, ничего не понимала. Бабушка Ираида его не перебивала, молча поддакивала, кивая головой:

– Чай-то остыл, Рафаил. Давай подогрею.

Такого не бывало, уж если сели за стол, то пили или ели, никогда не увлекались разговорами. Выпил подогретый чай, быстро встал:

– Спасибо за хлеб-соль. Спасибо за добрые слова.

Добрые слова говорил он сам, соли на столе не было, а о хлебе мы уже давно позабыли.

– Рафаша был, – рассказывала бабушка маме, когда та пришла с работы. – Молиться ходил. Говорит, всем везде тяжело. Война. О тебе спрашивал, поклон передавал.

– Да, устал, наверно, голодный, а у нас и угостить нечем.

А я решила, что этот Рафаша самый добрый на земле человек, наш друг, любит всех, нас жалеет... Мне хотелось рассказать

Шурке и Файке, своим ровесницам, что у нас в гостях был мужчина, вовсе не страшный, пил чай и по голове меня погладил. Шурке моя затея очень понравилась:

– Ага! Давай пойдём к Мовдиным и всё расскажем.

– Ой! А у них звес (лестница) упал! Как подняться?

– Как? А на коровках (на четвереньках).

Мы карабкались по очень крутому, почти отвесному крыльцу. Отдыхали – всё-таки, высоко.

– Ой! И как это вы зализли? Как прикарашились? А я думаю, кто это шабаракается? А опуститесь-то как? – заволновалась мама Файки.

– А она-то залезает!

– Так то – она, она привыкла, даже воду носит. Ой, Господи! Ну и векши! (Векшами называли белок, они прыгали по деревьям в лесу, а иногда их и в деревне видели).

Большой дом, когда-то красивый и удобный, пятистенок, пришёл в негодность. Просто разваливался. Одна половина дома отошла от другой, мост (так называли у нас коридор) отошёл от избы. Крыша на дворе обвалилась.

– Надежда была на Федьку, – рассказывала тётя Поля каждый раз, когда мы не могли открыть-закрыть дверь. – А где он, наш Федя? И живой ли? Осиротили мы, осиротили...

Старшей Файкиной сестры дома никогда не было. Зимой её посылали на лесоповал, летом – на дальние покосы.

– Наладят – так пойдёшь! – сокрушалась тётя Поля. – Некому больше, только девки в колхозе остались. Вот и вторая тоже по- бывала на лесозаготовках.

Была и третья сестра у Файки – Вера. Черноволосая красавица, с большими крутыми локонами. Она всегда молчала, ходила плохо. Вера тяжело болела. А Файка везде успевала: и с нами поговорит, и маму успокоит, и Верушке кипяточку нальёт, а то кофтёнку на ней поправит.

– Не мёрзните! Залезайте на гобеч! – командует Файка.

«Гобчем» называли лежанку возле печи. У нас тоже была такая лежанка, на ней спала бабушка Ираида. У Мовдиных лежанка не похожа на нашу. Она была широкой, и на ней можно было

спокойно разместиться всей нашей ораве. Здесь тепло, и мы сиделись на край печи, свесив босые ноги, плотно прижавшись друг к другу, начинали тихонько рассказывать всякие страшные истории, сказки. Делились детскими секретами.

– Деушки, – раздавался голосок Веры, – пока светло, смотрите-ка.

Она доставала картинку. Это был большой журнальный глянцевый лист с изображением красивых и нарядных людей.

– Это чарь, – поясняла Вера. – Ево жена, малчик и дочки. Не говорите никому.

Нам хотелось рассмотреть их лица, одежды, что-то расспросить, но Вера быстро убирала, прятала, отмалчивалась. Файка сама ничего не знала. Позднее нам рассказывали, что до болезни Вера училась в школе, была любознательной, её любила учительница, делала ей подарки.

Здесь, на «гобче», мы играли в кости, палочки, перебирали красивые тряпочки, пуговики, стеклянные бусинки, самодельные куколки, деревянные дощечки, когда-то украшавшие высокие мезонины деревенских домов. Мы забывали про голод, не замечали, что печь остыла, и только тихий голос тёти Поли напоминал, что пора по домам.

– Ишшут ведь вас, наверно.

Но нас никто не искал, мы росли самостоятельными, дружными, и если долго не возвращались, говорили:

– Наверно, на «гобче» у Мовдиных. Стемнеет, придут. Лампы-то у них нету, лучину не зажигают. Мужчин в доме нет.

Татьяна Сопина

БОЛЬШОЕ СЕРДЦЕ ПОМИДОРА

Сказочка

Предисловие: Оля К. увидела в интернете фотографию красивого помидора, а под ней подпись: «Правда, он похож на большое сердце?».

Помидорка выросла на заброшенной грядке в конце огорода. Бог знает, каким ветром занесло сюда семечко... А была она аристократического иноземного происхождения и носила княжеское имя «Дора». Но на грядке кликали просто Помидоркой.

Тонкая натура Помидорки страдала. От неразделённой любви она начала писать стихи, а потом завела свою страничку в интернете. Стихи были простенькие, наивные, зато душевные, и у них появилось немало читателей, а у Помидорки – поклонников. Слава о её стихах дошла до Помидора, произраставшего в стеклянном тепличном особняке. У него тоже была своя страница в интернете. Там он размещал мудрые мысли, не всегда собственные. Помидор заглянул как-то на Помидоркину страничку, и стихи ему понравились. Он даже оставил там свой «лайк», всё же, он оказался не таким толстокожим. Помидорка была счастлива!

Они стали переписываться. И чем более он проникался стихами, тем делался нежнее. Стал много читать. Стёр со своей страницы чужие мысли, сохранив только собственные. И оказалось, что он достаточно интересный и даже оригинальный субъект. А Помидоркины стихи приобрели глубину и даже – местами – мудрость.

Им не довелось встретиться в этой жизни – северное лето слишком короткое. А когда облетели все листья, дожди спеленали землю, души заочно влюблённых поднялись в высокое небо. И там соединились, став двойной звездой. Такие бывают – можете спросить астрономов и астрологов. Такое можно даже увидеть! Только, пожалуйста, не пытайтесь сделать это в городе. Здесь помешает свет фонарей, рекламы, витрин, окон, фар... А ещё вечный смог.

Уйдите подальше, лучше в поле, лучше в одиночку. И захватите с собой бинокль. Двойную звезду легко узнать: большой красивый Помидор и рядом – тоненькая Помидорка. От прочих двойных звёзд их несложно отличить: они кружатся друг возле друга, притом большое сердце Помидора никогда не закрывает собой лёгкую душу Помидорки.

К МОРЮ

Разгулявшийся к вечеру ветер занёс Снежинку на городскую площадь и, закружив, опустил под светом фонаря. Удивлённая этой роскошью Снежинка едва не захлебнулась от восторга. Столько плохого рассказывали там, в Снежных облаках, про эту грязную, истоптанную Землю, наполненную непонятными людьми и странными зверями. А тут... мерцающий в фонарном свете круг её прелестных братьев и сестёр. Почти как дома, когда облака пробивает луч солнца.

Ночные редкие прохожие не тревожили место под фонарём, и Снежинка чувствовала себя совершенно счастливой. Но наступило утро, пришёл дворник и смёл Снежинку на обочину, вместе с её прекрасным окружением. Образовавшийся сугроб стиснул Снежинку, и она оледенела. Теперь она не могла летать – её тон-

кие лучики обломились. Она даже двигаться не могла и почти всегда спала. Зато ей снились чудесные сны! Однажды приснилось море. Раньше она видала его из своих Снежных облаков. Во сне море было не только большое, но голубое-голубое и тёплое. Снежинка робко спустилась к нему и... странное дело, не растаяла. И увидела над собой незнакомое звёздное небо. Чудесным образом она теперь перенеслась в Антарктиду, страну льдов и снегов. И могла бы здесь обрести Вечность. Но однажды Снежинка заметила, что вместе с арктическими льдами медленно движется к океану. Она путешествует! И вот уже на огромном сверкающем корабле-айсберге плывёт мимо экзотических стран с роскошной растительностью. С берега прилетают разноцветные добрые птицы. И волны вокруг изумрудные и ласковые. Это приближались Тропики.

Никакой угрозы она не чувствовала, потому что видела сон. Всего лишь сон. А на самом-то деле она осталась в сугробе на городской площади. А дальше... Я не помню. Не хочу помнить.

СКАЗКА О РЫЖЕМ ЛИСТИКЕ *(Посвящается Глебушке Коротину)*

Весеннее солнышко осветило большие деревья на пригорке. И первый отчаянный Лучик упал на набухшую почку. Дремавший в ней Листик пробудился и решил, что хватит ему находиться в самоизоляции. Острым клювиком он пробил свою смолистую скорлупку-колыбельку и выглянул наружу, в большой мир. До чего же здесь было прекрасно! Хотя и немножко грустно... Раньше-то он считал себя единственным в мире, особенным и неповторимым. А как много оказалось вокруг одинаковых листиков, его собратьев. Но это было славно – потому что с ними веселей!

Когда налетал ветерок, листьям хотелось пошуметь друг на друга. Они, пожалуй, подрались бы, но были надёжно привязаны к своим веткам. Вообще-то они были от природы незлобивые. И схожие характером. Им всем нравилось купаться под

летним тёплым дождиком. Да и солнечных лучей хватало каждому. Чего же ругаться?

Однажды Листик заметил рядом необычную почку – очень большую. И даже испугался, не вылезет ли из неё чудовище? Он ещё не знал, что это бутон, и когда тот раскрылся, на свет явилась удивительная красавица в шёлковом платье и с розовыми волосами. Листик ахнул от восторга и тут же захотел познакомиться. Но красавица не понимала его. Она умела общаться только на своём языке и с похожими на неё. А потом красавица куда-то исчезла, наверное, ветром её сдуло.

Порой возле деревьев появлялся Мальчик, в руках у него была дудочка. Когда он бежал навстречу солнцу, лужицы, оставшиеся после дождя, ослепительными зайчиками стреляли ему в глаза. Мальчик смеялся и дудел в свою дудочку...

Приближалась осень. Листик понял это, когда поменял свой зелёный окрас на рыжевато-жёлтый. Его собратья, один за другим, срывались с веток и улетали, гонимые ветром. Пришёл черёд и ему, Листик. По счастью, он упал не на грязную дорогу, где могла бы раздавить любая проезжавшая машина, а на лужайку с пожухлой уже травой. Рядом на пенёчке сидел осенний Денёк. И Листик, и Денёк смотрели в закатную сторону, и каждый думал о своём. Они очень хорошо понимали друг друга, хотя не разговаривали. Порыжелый Листик думал, что скоро от него ничего не останется. А весной пробудится новый листик, но это будет уже не он. Он не догадывался, что рядом притаилось семечко той самой розовой Красавицы, из которого вырастет новое дерево. Значит, будет много-много новых листьев. А осенний Денёк думал, что равнодушная зимняя Ночь скоро прогонит его насовсем. Он не знал, что Мальчик с дудочкой уже сочинил песенки о солнечном Лучике, рыжем Листике и осеннем Денёке. И сейчас наигрывает их, стоя у окна.

И если ты, мой маленький дружок, пройдёшь мимо и услышишь их, остановись и послушай. А потом походи к деревьям. Неважно – зимой, весной, летом или осенью. И придумай свою песенку или сказку.

Дмитрий Трипутин

ЛЕСНАЯ ПРОГУЛКА

Полуденная жара давно спала, и уже начинался тёплый летний вечер, когда мы с дедом Алексеем решили, что пора возвращаться домой. В тот день мы ходили на дальние лесные покосы, посмотреть, не пошли ли в рост рыжики. Дед Алексей знал множество грибных мест вокруг своей деревни, и я всегда с большим энтузиазмом сопровождал его в лесных прогулках. Некоторые покосы оказались заброшенными и заросшими густой и высокой травой. Местами даже успели вырасти небольшие, не выше меня, ёлочки и сосенки. Они выделялись на фоне синего неба, усеянного перьями и рваными клочками облаков. Нежная зелень и строгие формы тешили глаз. Давали ощущение особой упорядоченности окружающего мира и приносили чувство покоя. Мы с дедом часто разделялись и обходили поляны, каждый со своей стороны. Иногда я заходил глубже в лес. Продираясь сквозь плотные завесы ветвей, заглядывал под деревья и ворошил палкой траву и сухие листья. Оказалось, что грибов пока мало. Но мы решили наведаться сюда через несколько дней. Местечко было перспективным, и мы возвращались домой не с пустыми руками. Почти половину наших корзин заняли креп-

кие, беловато-розовые волнушки и оранжевые, с красивыми зеленоватыми кругами на шляпках, рыжики.

Когда отправились в обратный путь, я шёл за дедом Алексеем по заросшей, едва заметной тропинке и размышлял. Лето кончалось, отпуск тоже, и это было печально. Каждый год я неизменно проводил отпуск у деда. Был убеждён, что нигде не отдохнуть лучше, чем на природе, в местах, с которыми с детства сроднился. Вскоре мы добрались до развилки, но дед не повернул в сторону дома, а пошёл по тропинке дальше.

– Пойдём домой другой дорогой? – уточнил я, догоняя деда Алексея.

– Да, – коротко ответил он.

Я стал прикидывать расстояния. Получалось, что новым путём идти дальше, но не более, чем километр или полтора. Зато мы увидим новые места, а половину пути пройдем по хорошей насыпной дороге. Я давно перенял у деда привычку заходить в лес с одной стороны, а возвращаться в деревню с другой. Так интереснее. Мы прошли всего несколько сотен метров и, не сговариваясь, остановились. Тропинку пересекала широкая вырубка. Недалеко снова начинался лес, и в него заходила наша тропа. А вот в длину просека была много больше. Вправо она тянулась чуть ли не до горизонта.

– Ты смотри, что опять наделали, – горестно сказал дед и всплеснул руками.

Действительно, везде торчали пни, валялись и топорщились толстые ветви. Лежали поваленные стволы деревьев. Царил полный хаос. Мне приходилось видеть подобное, и каждый раз зрелище производило гнетущее впечатление. Однажды дед показал мне старую колхозную вырубку. Она выглядела, как большая аккуратная поляна, и напоминала газон. На ней не было не только пней, но даже кочек. Впечатление, что кто-то раскатал пушистый зелёный ковёр. Я бродил по этой поляне и поражался столь рачительному отношению к природе. Ведь это в глухом лесу, в нескольких километрах от ближайшей деревни. Тогда дед и рассказал, что раньше были только колхозные и государственные вырубки, лишь недавно появились частные. Го-

сударственные – не столь аккуратные, как колхозные. А уж про частные и говорить не приходится. Раньше дед работал главным агрономом в колхозе и хорошо разбирался в таких вещах. С тех пор, увидев небрежно порушенный лес, я всегда вспоминал колхозный вырубок и тот разговор.

Дед ещё немного постоял, осматриваясь, и мы двинулись дальше. Перебравшись через завалы деревьев, снова вошли в девственный лес, и тягостное впечатление постепенно рассеялось. Вскоре мы миновали заросшую и узкую, около метра шириной, просеку. Я знал, что неподалёку она пересекается другой, и там стоит квартальный столб с номерами квадратов. Когда я ещё учился в школе и приезжал на каникулы, дед Алексей рассказывал, что весь лес поделён на квадраты просеками. У него была карта с лесными кварталами, и я сразу скопировал её на кальку. С тех пор я всегда брал её с собой в лес. С этой картой, даже не доставая компас, было очень удобно ориентироваться на местности. Достаточно было выйти на квартальный столб. Раньше эти просеки регулярно расчищались, но потом многие из них стали зарастать. Тогда я научился уточнять их расположение по просветам в вершинах деревьев. Далее на нашем пути лежал неширокий, но длинный, наполовину заросший лесной пруд. Иногда он совсем высыхал, но сейчас был полон воды. Дед Алексей предложил отдохнуть, и я согласился. Тоже немного устал, да и не хотелось ещё домой. Мы тут же решили разжечь костёр. Я принёс бересты и сухих веток, а дед принялся раскладывать всё это на узком мыске, который выдавался далеко в воду. Я по достоинству оценил место, которое он выбрал. Здесь практически исключалась возможность случайно вызвать лесной пожар. Дед Алексей родился и вырос в деревне и всегда очень бережно относился к природе.

Когда огонь разгорелся, я принёс несколько еловых лап для лежанки. Мы расположились удобней – поближе к костру. Я наблюдал за проплывающими облаками, за рябью, гонимой по воде ветерком, и наслаждался покоем. Вечерний лес постепенно наполнялся звоном и гомоном птичьих переключек. Поскрипывали и стонали раскачиваемые порывами ветра деревья, а

иногда далёким эхом отдавался дробный стук дятла. Порывы отгоняли комаров и надоедливо гудящих слепней, но порой застилали глаза едким дымом, приносили жар, и мне приходилось отворачиваться от костра. Вдруг я услышал звуки, напоминающие далёкие шаги, а затем треск и натужный стон падающего дерева. Приподнявшись, я попытался рассмотреть что-нибудь в полумраке между деревьями, но ничего не увидел и снова опустился на импровизированную лежанку.

– Никого там нет, – сказал дед, доставая портсигар, – в эту пору ни зверь, ни человек сюда не пойдёт.

Дед Алексей неторопливо размял папиросу, прикурил от тлеющей головёшки и аккуратно вернул её обратно в костёр. Я смотрел на его сутулую спину, короткие седые волосы и с грустью думал, что за последние годы дед сильно постарел. Но, несмотря на возраст, он был энергичен и очень деятелен. Смуглое и словно вырубленное из старого дерева лицо хранило печать мудрости и спокойствия. Вскоре дед Алексей прервал мои размышления.

– Люди сейчас стали совсем не те, что были раньше, до войны, да и сразу после войны тоже, – задумчиво сказал он. – Не такие открытые и доверчивые, по крайней мере, в деревне.

– Но, как это, почему? – удивился я.

– Да не знаю, как тебе объяснить. Ну, например, раньше в любую избу хоть днём, хоть ночью мог постучаться незнакомый человек, и его всегда принимали, как дорогого гостя. Кормили, поили, может, даже делились последним и укладывали спать. Кстати, так и распространялись новости, без всяких там радио и газет.

– То есть любого незнакомца изначально считали другом? – уточнил я, формулируя вопрос по-своему.

– Ну, можно и так сказать, – ответил дед. – Раньше ворота и двери в деревнях часто даже не запирали.

Я вспомнил, что и сейчас в деревне осталась привычка ставить жёрдочку наискосок у двери – знак, что дома нет никого. И я в детстве хорошо знал многих жителей. Мы часто ходили друг к другу в гости. Взрослые обсуждали новости, играли в домино.

Молодёжь собиралась в команды для игры в волейбол. Сейчас я почти никого не знал дальше своей лестничной площадки. Даже новости своих ближайших соседей узнавал много времени спустя.

– А сейчас как стало? – уточнил я, уже зная примерно ответ.

– А сейчас ночью вообще не откроют, да и днём не скоро достучишься. А к столу чужого точно не пригласят. Так теперь стало, – печально заключил дед. – Ну, вот, в детстве у меня был такой случай...

Я сел поудобней и приготовился слушать.

– Я тогда учился, кажется, в седьмом классе. Шла война, и я промышлял, как мог, надо было помогать семье, – неторопливо начал рассказывать дед Алексей. – У отца была мелкокалиберная винтовка, я иногда тайком брал её и, вместо уроков, ходил на охоту. Бывало, что мне крепко попадало за это, но иной раз обходилось.

– А на кого можно охотиться с «мелкашкой?» – спросил я. – Ведь на большого зверя с ней не пойдёшь.

– Я охотился на тетеревов, на лисиц, в общем, на птицу и некрупного зверя, – пояснил дед. – Конечно, сначала нужно было их найти. Иногда я проходил большие расстояния, но возвращался ни с чем. Но, в тот раз мне повезло. Дело было где-то в ноябре или декабре, как раз началась оттепель. Утром надо было в школу, но я не пошёл. А надел на валенки лыжи, взял ружьё и отправился в поля за деревней.

– У тебя были охотничьи лыжи? – заинтересовался я.

– Не совсем охотничьи, – ответил дед Алексей, грустно улыбаясь, – лыжи были самодельные, широкие и короткие. Ходить на них было тяжелее, чем на фабричных, но и вовсе без лыж тоже нельзя.

– Конечно, – согласился я, – а что было дальше?

– Сначала довольно долго ходил по полю, в разных направлениях, впустую. Но, наконец, попался свежий лисий след. Я шёл по нему не один час. Снег был мокрый, рыхлый, идти было тяжело. Зимой лиса, в основном, питается мышами, и я надеялся догнать её, когда она остановится поохотиться. Но уже совсем

выбился из сил, когда далеко впереди увидел лису. Поле было с буграми. Они небольшие, как раз подходящие для охоты. Я спрятался за бугорок, но надо было подобраться поближе. Сначала мне показалось, что лиса ведёт себя как-то странно. Прямо как расшалившийся котёнок. Тогда я впервые увидел, как лисица мышкует. Она то припадала к земле, то высоко подпрыгивала. Иногда с размаху, сильно ударяла по снегу передними лапами. Иной раз полностью зарывалась в сугроб, и снаружи торчал только хвост. Временами она буквально танцевала на задних лапах. Я засмотрелся на лису и надолго забыл об охоте и обо всём на свете. Потом прикинул расстояние, направление ветра и начал приближаться к лисице. Пришлось сделать изрядный крюк, чтобы подойти к ней против ветра. Я старался двигаться бесшумно. Когда лиса поднимала голову и осматривалась, я замирал и ждал, когда она успокоится.

– Наверное, лиса не различает цветов и видит всё чёрно-белым?

– Этого не знаю, но она плохо различает неподвижные предметы. Если не шевелиться, когда лиса осматривается по сторонам, она может и не обратить на тебя внимания, – ответил дед, поправляя костёр. – Я знал, если подойти метров на пятьдесят, скорее всего, не промахнулся бы, стрелять со ста метров мешал ветер. Его силу трудно учесть. Наконец мне удалось подобраться к ней на расстояние выстрела, но лиса почему-то решила сменить место охоты и побежала дальше. Пришлось снова её догонять, а потом подкрадываться, когда она остановилась поохотиться. Это повторялось несколько раз, и вся моя одежда промокла от пота и таявшего снега. Уже начинало смеркаться, когда я, наконец, подобрался на расстояние верного выстрела и нажал на спуск.

– А лиса... – начал я, не зная, что сказать, потому что мне стало жаль зверя.

– Да просто ткнулась носом в снег, вот и всё, – проворчал дед Алексей. – Я уложил добычу в вещевой мешок и только тогда понял, насколько устал. Просто совсем выбился из сил. Увлёкшись охотой, ушёл слишком далеко от дома. Быстро темнело, а

возвращаться надо было километров семь или восемь. И это по полям, по снегу, без всяких там дорог. Я решил, что лучше всего добраться до ближайшей деревни и попроситься переночевать. Рассчитывал, что до неё не больше двух километров, если идти напрямую по полю.

– А дорога была далеко? – спросил я, стараясь вспомнить те места.

– На дорогу я решил не выходить, – ответил дед. – Она была в стороне, и я решил поберечь силы и время. До деревни добрался уже ночью, весь мокрый, едва передвигая ноги. Не раздумывая, постучался в первый попавшийся дом, у которого светились окна. Хозяин и хозяйка сразу бросили свои дела. Они, без лишних вопросов, усадили меня за стол и стали отпаивать горячим чаем. Всю мою одежду тут же разложили на печи, а мне дали что-то сухое. Хозяин – крепкий такой мужик и видный, сел во главе стола и велел жене принести поесть. Когда она стала носить еду, я понял, что по тем-то временам их семья жила неплохо и даже богато. Понятно, что были солёные грибы и картошка, но были и пироги с разными начинками, и варенье, и даже рыба. А в ту ночь они не спали, потому что как раз пекли пироги. Немного отогревшись и придя в себя, я рассказал им о себе. Кто я и откуда, из какой деревни. Конечно, они знали моего отца или слышали о нём, в деревнях все знают друг о друге. Но о моей семье мы не говорили. Хозяин оказался заядлым охотником и очень заинтересовался моими приключениями. А когда он понял, что лисицу я добыл, и она у меня в рюкзаке, то совсем разволновался и тут же попросил её показать. Когда я развязал тесёмки и достал лисицу, то даже расстроился. Мокрая, худая и помятая, она выглядела совсем жалкой добычей. Но хозяин был другого мнения. Он перенёс лису поближе к лампе и на свету долго её рассматривал, тряс и восхищался мехом. Потом он предложил продать ему лисицу или поменять на продукты, точнее, на пироги. Я, не раздумывая, согласился на пироги и потом ни разу не пожалел об этом.

– Лампа у них керосиновая, как у нас на чердаке? Или уже было электричество?

– Керосиновая, – ответил дед. – Конечно, электричество провели в деревни ещё задолго до войны, но тогда случались перебои. А лампа была мощнее и побольше нашей. У нас ведь обычная «трёхлинейка», а у них была, кажется, семилинейная. Ну, ты знаешь, у неё фитиль намного шире, и светит она ярче.

Разговоры о еде напомнили мне, что мы не пообедали.

– Зря мы не взяли картошки, – посетовал я, – можно было бы испечь.

– Да кто ж знал, что будем жечь костёр? – удивился дед. – Но кое-что у меня, всё-таки, есть.

Он порылся в корзине и достал аккуратно завёрнутый целлофановый пакет, в котором оказались два посыпанных солью ломтя хлеба. Это было как раз то, что нужно. Я отломил кусок хлеба, нанизал на тонкую веточку и принялся обжаривать на костре.

– А дальше что? – спросил я, когда мы поели. – Тебя сильно ругали дома?

– От тепла и обильной еды меня тогда совсем разморило, и хозяева, увидев это, тут же приготовили мне постель на печке, – продолжил рассказывать дед Алексей. – Уже засыпая, я попросил разбудить меня пораньше, потому что понимал, что дома будут беспокоиться. Подняли меня ни свет, ни заря – за окнами только начинало светать. Но на столе уже стоял кипящий самовар и дымились горячие, с пылу с жару, пироги. Даже не помню, чтобы я ел когда-нибудь что-то более вкусное. Тем временем хозяин достал мой вещевой мешок и принялся укладывать туда пироги. Сначала он засунул в мешок громадный рыбник, а потом стал класть пироги поменьше, с самыми разными начинками. Пирогов поместилось в мешок удивительно много. Когда мешок был полон, хозяин поднял его и покачал в руке, как бы взвешивая. Он спросил, доволен ли я обменом. Конечно, я был доволен, можно было и не спрашивать. Поблагодарив хозяев, я отправился домой. Обрато я пошёл уже по дороге, а не по полю. Хотя по дороге было дальше, больше десяти километров. Но бродить по бездорожью мне в то утро уже не хотелось. Мешок с пирогами был тяжёлым, но я прошёл всю дорогу и совсем не устал. Когда вернулся домой, ни сло-

ва не говоря, стал выгружать пироги на стол. Все были настолько рады моему возвращению, да и пирогам тоже, что меня в тот раз никто не ругал. Да что тут говорить? Ведь впервые за долгое время вся семья смогла поестъ досыта.

– Да, я понимаю, в такие времена за это не жалко отдать любую добычу. Даже если лиса была чернуркой.

– Чернуркой та лиса, конечно, не была, но мех у неё, действительно, был интересный, – задумчиво проговорил дед. – Она была потемнее, чем обычно бывают лисицы. Даже живот и грудь были серые, а по спине шла тёмная полоса с сединой.

Костёр уже догорал, и лишь отдельные язычки приплясывали на углях и чёрных головёшках. Стало прохладно, а водная гладь пруда замерла в неподвижности и напоминала большое зеркало.

– Человек может бесконечно долго смотреть на огонь, на воду и... как работают другие люди, – припомнил я прочитанное где-то.

– Ага, вот, значит, как рассуждает современная молодёжь, – рассмеялся дед Алексей.

Я тоже заулыбался, подумав, могу ли я быть представителем современной молодёжи в столь серьёзном вопросе?

– Интересно, а животным нравится смотреть на огонь, на спокойный и ровный, неопасный такой огонь? – спросил я.

– Нет, вряд ли, – подумав, ответил дед Алексей. – Скорее наоборот. Рассказывают, что давно, ещё до войны, работал в этих местах почтальон. Он был один на несколько деревень и ездил на велосипеде. Этот почтальон знал все короткие пути и тропинки. Часто ездил из одной деревни в другую лесом и нередко ночью. Однажды он подобрал в лесу совсем маленького волчонка. Скорее всего, его мать убили охотники, а волчонок как-то спасся. Почтальон выкормил, вырастил волчонка, и с тех пор его повсюду сопровождал взрослый волк. Собаки в деревнях ненавидели этого волка, но после нескольких стычек предпочитали прятаться, как только он появлялся. Волк сторонился людей и никого не подпускал к себе, кроме хозяина. Люди осуждали почтальона и говорили, что дружба с волком добром не

кончится. Почтальон только смеялся в ответ. Он говорил, что теперь у него такая надёжная охрана, что он может не бояться ни зверя, ни человека. Но вот однажды почтальон не успел добраться до одной дальней деревни засветло, и ему пришлось заночевать в лесу. Ночь была холодная, и он решил развести костёр. Но едва начал разжигать огонь, волк сильно заволновался. Он рычал на хозяина, мешал ему подкладывать дрова и всем своим видом показывал, что костёр ему очень не по нраву. Но человек не послушался зверя, и, когда костёр запылал в полную силу, волк бросился на почтальона и загрыз его насмерть.

– Вот это да... вот так друг! – ошеломлённо проговорил я. – И несмотря на то, что человек его вырастил с самого раннего детства...

– Да, – подтвердил дед. – Люди иногда ошибочно думают, что волка можно воспитать, как собаку. Но волк – совсем не собака, и он никогда не будет собакой.

– Недаром есть пословица: «Сколько волка ни корми, он, всё равно, в лес смотрит», – вспомнил я. – А что стало с волком?

– Этого волка больше никто не видел. Видимо, ушёл в лес и вернулся к обычной для зверя жизни.

– Очень печальная история, но в ней нет ничего такого нового, особенного. И зачем ты мне её рассказал? Только настроение испортилось.

– Так, для общего развития, – проговорил дед Алексей, сдержанно и загадочно улыбаясь...

Так уж получилось, что это был последний с дедом Алексеем поход в лес и наш с ним последний костёр. Тогда я этого не знал. А если бы знал? Что бы я мог спросить тогда, что сказать? Даже сейчас не знаю, о чём можно спросить умудрённого жизненным опытом человека. И что можно сказать близкому человеку, когда видишь его последний раз... Иногда я вспоминаю тот вечер у костра и пытаюсь понять, чему же улыбался тогда дед Алексей? И порой кажется, что я уже знаю...

Галина Фабрициус

КУРЫХАН

– Прощай! – крикнул обиженный Андрейка матери и гордой походкой, шмыгая носом, пошёл к калитке. – Вот и поживите тут без меня, – добавил он чуть дрожащим голосом.

Где-то внутри теплилась надежда, что мать или дед пожалеют и спохватятся вернуть его, напрасно отшлёпанного. Но мать только улыбнулась, что ещё больше огорчило. Мальчуган вышел за калитку, сильно хлопнув ею, чтоб все поняли – ушёл, насовсем ушёл!

«Ну, и оставайтесь, коли бьёте ни за что», – думал Андрейка, шагая по тропке к реке. Обида кипела в нём. Как же так? Ни бабушка, ни дед не заступились, хотя видели, что его шлёпают несправедливо. Кто научит цыплят плавать, если у них нету ни папы, ни мамы! «Инкубаторные», – как сказал дед. И он, Андрейка, учил их – держа за шеи, в ванне с водой. Смокнув, цыплята прекращали сопротивляться, закрывали глаза и прикидывались спящими. На третьем, ещё барахтавшемся, цыплёнке Андрейкина дрессировка завершилась шлепками по тому месту, что ниже спины.

Вот и речка. «А что, если одежду оставить на берегу, а самому спрятаться где-нибудь? Вот бы номер был! Пожалели бы тогда... –

подумал, вздыхая тяжело. – Эх, не поверят, мелкая речушка Пескарюшка. Но я, всё равно, уйду, раз за хорошее дело наказываете. Спрячусь у Антипа на сеновале, где вчера свежее сено с ним складывали, а вы все ищите. Ести буду яйца – на сарае, в дальнем углу, курица завела гнездо, и яиц там лежит видимо-невидимо». От такого чёткого плана захотелось смеяться, но Андрейка только улыбнулся. Быстро пошёл, пригибаясь и прячась за постройки, к Антипову сараю. Таясь, прошмыгнул по двору к лестнице, залез по пахучему свежему селу в дальний угол, под самую крышу. Выгреб руками небольшую ямку, улёгся в неё. Мягкая, пахучая перина из засушенного разнотравья успокаивала. Поворочавшись немного, решил добыть яйцо, но в гнезде сидела курица, и Андрейка не решился протянуть руку – вдруг клюнет.

Время шло медленно, а в деревне не было никакой суматохи. Мать не рыдала, не бегала от дома к дому и не спрашивала соседей, не видал ли кто её кровиночку. Слёзы потекли из глаз мальчика. Нет, он не сдастся, пусть поищут! Тут забарабанил по крыше крупный дождь. В сене было тепло и сухо. Почему-то вдруг выросла перед глазами курица и заговорила на человеческом языке: «Спешите, дети, за мной, только осторожно – тут мальчик». Она привстала, и из-под неё выбежало несколько жёлтеньких одуванчиков. Приглядевшись, Андрейка увидел, что это маленькие цыпочки, почему-то с человеческими головками. Курица ушла по селу, а дети-цыплята смешно семенили за ней. В гнезде осталось одно большое яйцо. Мальчик взял его в руки и почувствовал, что оно тёплое. Вдруг из яйца раздался писк: «Мама! Мама! Не уходи, мне холодно». Андрей старался согреть яйцо – изо всех сил дул на него, но внутри жалобно плакал малыш, и пришлось сунуть яйцо подмышку, чтоб согреть своим телом. Он тоже звал курицу, кричал, что она забыла яйцо, но курица была уже далеко. Согревшись, яйцо перестало плакать. Андрей лежал, не шевелясь, в сене. Вдруг яйцо заворочалось. Мальчик достал яйцо, скорлупа тут же лопнула, и выглянула цыплячья головка.

– Ты моя мама?

– Нет, – ответил Андрейка.

– Тогда ты кто?
– Я – мальчик, Андрей.
– А где моя мама?
– Она ушла с другими детками.
– Да-да, она говорила, чтобы я поторопился, но, понимаешь, было не очень тепло, и я опоздал. И что теперь делать?

– Искать маму. Я тебя к ней отнесу, – ответил, как большой, мальчик.

– Но я ещё в скорлупе, и мне холодно.

– Тогда ещё полежим здесь, я тебя согрею.

Цыплёнок не унимался:

– Как меня зовут? У меня какое имя?

– Не знаю, – честно сказал Андрей.

– Вот ты – Андрей, а я?

– У людей не только имя, ещё и фамилия есть, а у взрослых даже отчество.

– Это как?

– С рождения, – почему-то шёпотом добавил Андрей.

– А кто даёт имя? – пропищал цыплёнок.

– Наверное, мама.

– Пусть моей мамой будешь ты! – обрадованно пискнул цыплёнок. – Вот и дай мне имя.

По всему выходило, что цыплёнок прав! Но какое должно быть имя у цыплёнка, родившегося от курицы? А папа у него – петух. Бабушка Андрея их всех зовёт курами, значит...

– Ты будешь Курыхан!

– Ура! – запищал с новой силой цыплёнок. – Я – Курыхан!

От такого возбуждения развалилось яйцо – на скорлупки.

– Ну, и хлопотно же с тобой! – совсем по-взрослому сказал Андрейка. – Можно даже отчество тебе дать: Курыханых, раз ты приходишь от кур.

Почти обсохший на ладошке цыплёнок замахал смешными маленькими крылышками и, пританцовывая, запел:

– Я – Курыхан, Курыхан Курыханых!..

– Тихо, – испугался мальчик, – я тут прячусь от моей мамы.

И тут Андрею пришлось поведать цыплёнку свою историю. Цыплёнок даже свалился с его ладони и запищал, что было сил:

- Мама! Спаси меня, он и меня утопит. Я не умею плавать.
- Вот я и хотел научить...
- Да мы же сухопутные! Караул!

Вдруг рядом закудаhtала курица и больно клюнула в руку. Андрейка проснулся. Курица была как курица, а вокруг и вправду прыгало множество жёлтых цыплят. От боли и обиды Андрей заплакал, громко всхлипывая. И тут раздался мягкий басок деда Антипа:

- Кто тут на сарае страдает? А, это ты, потеряшка. Да ты цыплят мне нависиживал! Вот горюн-страдалец, чего ревёшь? Уклюнула курица? Так она мать, за своих детей хлопочет, можно её и простить. Лучше давай мы их перенесём к дому, в цыплятник.

Андрейка, хоть и вытер нос, продолжал обижаться:

- Как их возьмёшь-то? Вон как она злится.

- Я возьму курицу, а ты, Андрей, осторожненько переловишь цыплят и посадишь в корзинку.

Сообща перенесли курицу с цыплятами в тёплый, просторный цыплятник. Поставили в домик поилку – блюдечко с водой, а на него перевёрнутую поллитровую банку, чтобы птенчики могли пить, но сами не намокли. Это у гусят и утят есть на лапках перепонки, чтобы уметь плавать, и пёрышки у них плотные, в воде не мокнут, а цыплята сразу погибают – это дед Антип подробно Андрейке разъяснил. Тут Антип увидел, что один цыплёнок всё норовит запрыгнуть на руку Андрею.

- Вроде как этот к тебе просится...

Андрейка взял цыплёнка на ладошку, тот поднял крылышки, смешно махая ими...

- Так это же Курыхан Курыханыч! – завопил радостный Андрейка.

Цыплёнок неуклюже спрыгнул с руки и умчался прятаться под маму-курицу. И тут Андрей рассказал деду свой удивительный сон. А потом ещё и дома, за обедом, рассказал.

ПЕТУШОК – ЗОЛОТЫЕ КРЫЛЫШКИ

Сказка

В одной крестьянской семье нарождались всё девочки, а отец желал иметь хотя бы одного сына. Вот посоветовали ему сходить к ведунье. А семья жила бедно, и в дар ведунье он взял свежее яйцо, только что снесённое курицей. Постучал в дверь к ведунье и услышал:

– Проходи, бедный Иван, в дом.

Зашёл в избу Иван и удивился: «Как это она знает, что я бедный и что я – Иван?».

А ведунья – нестарая женщина – пригласила его к столу, испить чая из самовара. Иван прошёл, сел на лавку. Хозяйка налила ему чаю, начала разговор:

– Ты, Иван, зря пришёл просить о сыне. Твоё предназначение вырастить, воспитать дочек. Первая отстоит жизнь всей деревни, вторая помирят народы, третья прославит государство, четвёртая...

– У меня три дочери, – промолвил, бледнея, Иван.

– Так зачем же ты, Иван, пришёл ко мне?

– Просить о сыне.

– На роду твоём написано – восемь дочек. Все умницы и красавицы. Если будешь просить то, что не предназначено, лишишься того, что есть. А подарок оставь себе, ведь это новая жизнь в твоём доме.

Пошёл Иван домой расстроенный, а путь неблизкий, решил отдохнуть. Свернул с дороги на обочину, сел на ствол упавшего дерева, задумался: «Как же я прокормлю такую ораву – восемь девок? Землицы на девчонок не дают, да и за землёй ухаживать – один я». Видит – идёт к нему незнакомый мужик.

– Чего, Иван, печалишься?

Не удивился Иван, что незнакомец знает его имя, так расстроен был предсказанием.

– Да вот, ходил к ведунье просить о сыне, а она предсказала мне восемь дочек. Три уже есть, и этих-то кормить трудно, а восемь?..

– Не печалься, Иван. Отдай мне то, что у тебя есть, а я научу, как тебе девчонок прокормить.

– А у меня ничего нет, чтобы тебе дать. Вот только яйцо.

– А ты и отдай мне яйцо.

– Ведунья сказала, что в нём новая жизнь в моём доме.

– Ну, и чего в этом нового? Все знают – в яйце цыплячья жизнь. Ведь ты и так собирался отдать яйцо, вот и отдай мне.

Вынул из-за пазухи Иван яйцо и протянул незнакомцу. Тот выхватил его из рук Ивана, засмеялся диким хохотом на весь лес. Мурашки поползли у Ивана по спине. Понял вмиг, что за странник перед ним – «нечистый» куражится-издевается. Ах, простофиля, отдал новую жизнь чёрту в руки!

– Верни яйцо немедленно, а то каждый день буду долг просить через Бога, да ещё с процентами.

– Много ты, Иван, Бога просил о сыне, а сын твой у меня в кулачке. Если б выпила твоя жена это яичко, то родила бы сыночка, а ты потому и живёшь бедно, что всё добро раздаёшь чужим людям. А теперь я только в обмен могу отдать яйцо.

– Ну, и чего ты хочешь? – спрашивает Иван.

– Старшую дочь. Если приведёшь её в лес, отдам яйцо.

Сказав, исчез. Загрустил, закручинился Иван хуже прежнего. Тут неожиданно рядом с собой увидел ведунью.

– Ну, что, Иван, опять оплошал? Уж больно ты добр да прост. Ладно, помогу. Наряди меня, вместо дочки, и оставь в лесу, а я буду плакать да папеньку звать.

Так и сделали. Свёл Иван назавтра ведунью в лес, та плачет, папеньку зовёт, а Иван только вышел на дорогу к дому – навстречу тот же мужик.

– Ну, Иван, привёл мне свою дочку?

– Привёл, отдай яйцо, – попросил Иван.

– Смотри, Иван, если обманул, родится у тебя не сынок, а волчонок.

Отдал Ивану яйцо и исчез. Пришёл Иван домой, а яйцо отдавать жене боится. Пошёл в сарай, да и подложил под курицу. Вскоре высидела курица цыплят, вроде все нормальные, шустрые. Подросли, оперяться начали. Тут и заметили, что у од-

ного цыплёнка пёрышки перламутровые да цветные растут, а в крыльях и вовсе золотые. Цыплята до зимы выросли, петушки уже пробуют петь. А перламутровый петушок всё отдельно от остальных ходит.

Сидит раз Иван на крыльце, невесело ему: где денег взять, чтоб мельнику заплатить за помол муки? Вдруг петушок перламутровый подошёл, посмотрел на Ивана внимательно, да и выдернул из крыла золотое перо, бросил его к ногам Ивана. Так и пошло дальше. Стал Иван разживаться, золотыми перьями расплачиваться. Узнал о перьях купец и начал просить продать петушка. День и ночь у дома Иванова находится. Землю обещает Ивану для огорода выделить, коня хорошего подарить и ещё всякой всячины. Добрый был Иван, продал петушка. Пашет день и ночь, отдыху не знает, по ночам руки, ноги болят. Думает: «Ох, зачем же я продал петушка, на золотые пёрышки бы всех прокормил».

А тут опять тот купец:

– Нехорошо, Иван, обманывать: я тебе богатство, а ты мне – простого петуха!

Вынимает купец из мешка петуха, а тот весь ощипанный.

– Не растут на твоём петухе никакие пёрышки, голый ходит, смеются все надо мной. Забирай обратно.

Иван обрадовался, но виду не показал, говорит:

– Забирал петуха с золотыми перьями? Значит, земля и конь мои.

Согласился с ним купец и уехал. А Иван с женой сшили петушку одежку. Стал он в красном кафтане ходить и в сапожках. Вскоре пёрышки начали отрастать, да красивее прежних, и золочёные медленно, но выросли, а как запоёт, так заслушаешься, на улицу народ слушать петуха выходил. Видишь ли, купцу много дохода надо, а перо медленно растёт, не успевал обрастать петушок пером. А Иван своим трудом жил, только по необходимости брал у петушка золотое пёрышко.

Аксана Халвицкая

МАРЬЯШКА

Живу в проходном дворе, как будто. Тут и красная кирпичная крошка, и бархатцы, и эмалированное ведро, что напрокат у соседа взяли, да так и забыли отдать. Сколько ж в нём накопилось мушек и веточек, стихов, фотографий разных.

Сперва думала, что и месяца в общежитии не проживу. Сутки только комнату отмывала. С «очниками» в курилке знакомилась. Они честно предупредили о самоубийствах, крысах и привидениях. Я крыс до дрожи боюсь, а душ в подвале. Пришлось у Женечки со второго этажа храбрости набираться. Потом привыкла.

Марьяшка с утюгом только на пятый день въехала. Я сразу положила глаз на эту основательную металлокерамику и решила с Марьяшкой дружить, насколько вообще способен дружить поэт с литературным критиком. Первую неделю мы продержались стойко, а после трудоустройства холодную войну затеяли. Рабочий график у нас катастрофически не совпадал. Во время моих робких попыток отоспаться Марьяшка врубала «Animal ДжаZ». Я мстила феном. Она цитировала «Секс в большом городе», когда я переживала Сартра. Осуждала мою безалаберность

и неприхотливость. Заставляла писать. Критиковала. Выгоняла из комнаты и закрывала дверь на ключ.

– А ты её отвлеку, – предложил Женечка, когда однажды я вломила к нему в комнату с перекошенным от недосыпа лицом. – Видно, что настроения у Марьяшки революционные, а пыл спустить некуда, вот она с тобой и борется. Найди ей другой объект, лучше – мужчину.

– Это ты себя, что ли, имеешь ввиду?

– Ну, зачем сразу меня? Меня жалко. Пусть лучше Костиком займётся, его третий год не могут выгнать из общежития. Видите ли, он трогательный, к тому же исправиться обещает.

– За что ж его гонят?

– Да, как обычно – за творческий кризис, плавно перетекающий в запой. Ходит, мучается. У Эли барабан свистнул, у Анюты – кастрюлю с супом, до кучи машинку стиральную сломал. Говорит, повесть пишет, а сам только страдает и пьёт. Вот, если Марьяшка им займётся, то, глядишь, мы двух зайцев и выловим.

Я подумала и решила проверить Женечкину теорию. Сказала соседке, что есть в общежитии жилец, систематически нарушающий общественное спокойствие, и его по этой причине хотели бы выгнать.

– Кого, говоришь, хотят выгнать? – уточнила Марьяшка.

– Такого-то, – говорю, – бородатого, в красных шортах.

– Пусть только попробуют! – Соседка резко вскочила и принялась раздеваться. – Тоже мне придумали – выселять творческую личность. Щас они у меня узнают!

– Что?! – От растерянности я чуть не села мимо стула. – Ты защищать его вздумала?

– А то как же, устрою несанкционированный пикет! И ты, как поэт, будешь меня поддерживать.

– Голая на пикет не пойду! – На всякий случай предупредила я революционерку.

– Слабачка! – констатировала Марьяшка. – Тащи скорей фломастеры.

Следующий час я провела, склеивая провокационные плакаты из страниц реферата по философии Гегеля. Получилось кри-

вовато, но, учитывая общую нервозность ситуации, приемлемо. Для устрашения украсили плакаты заготовленной на Хэллоуин искусственной кровью, а лица намазали светящимся в темноте оранжевым аквагримом.

Шли так: впереди голая Марьяшка, торжественно державшая лозунг над головой, позади я, испуганно прижимавшая плакат к сердцу. В коридоре нам улюлюкали и свистели, радостно комментировали представление и снимали происходящее на мобильные телефоны. А особо инициативные первокурсники даже побежали вперёд – разыскивать виновника торжественного события. Пошатывающийся от вдохновения Костик был обнаружен на кухне в процессе изучения недр общажного холодильника. При виде Марьяшки он икнул, смущённо пригладил немытые волосы и прошептал, прижимая к сердцу батон краденой колбасы:

– Любимая!

Коридор потонул в восторженных аплодисментах. Первокурсники бросились танцевать, подкидывая над головой странички недочитанных рукописей. А тайно проживающий в общаге стремительно покинул кухню и чуть не сбил с ног коменданта, прибежавшего на шум несанкционированного пикета.

– Так, и что здесь происходит? – громогласно осведомился комендант.

– Здесь происходит Революция! – вскричала разошедшаяся Марьяшка.

Толпа радостно гудела.

– Тише! – комендант вскинул руки, призывая к молчанию. – Вы – обе – сейчас идёте за мной, только ты, дорогая моя Жанна Дээрк, для начала оденься.

В кабинете у коменданта прошло малое судебное заседание, в ходе которого выяснилось, что из общежития могут выгнать не только за кражу колбасы, но и за проведение акций политического характера в голом виде.

– А тебе, подстрекатель, последнее предупреждение!

Я горестно опустила голову.

– Не вздумай реветь, мы бы, всё равно, вместе не ужились. – Марьяшка обняла меня и поцеловала в щёку. – Пойдём, поможешь собраться.

На следующий день соседка от меня съехала, а ещё через неделю вышедший из запоя Костик притащил в институт поэму, настолько впечатлившую преподавателя Антонова, что тот «за уши» дотащил Костика до защиты диплома. А у меня, вплоть до самого выпуска, висел в комнате легендарный плакат в память об активистке Марьяшке, в очередной раз доказавшей, что красота способна изменить мир.

Светлана Чернышёва

ТАК МЫ С ВОВКОЙ РЕШИЛИ

Компас

По вечерам я редко гулял, только если уроки не заданы. Во-первых, ничего-ничегошеньки не должно быть записано в дневник на завтра. И даже не начёркано, как иногда случалось: то – заячьи уши, то – машинные колёсики, откуда не возьмись. А во-вторых, оценки плохие не имеют права появляться. Чтобы мама не подумала, что я дурака целый день валял.

А вот сегодня повезло. Иду, счастьем сияю, а тут Вовка. Мы с ним настоящие товарищи. Только он высокий. Папа говорит, что он фамилию Жирафов оправдывает. К тому же на целый год меня старше. А я нормального роста. Удачно выросший, на свой собственный возраст.

– Вовка, приветик! Куда ты?

Он остановился, чтобы руку из кармана вынуть, она у него иногда там застревает.

– Давай, – говорю, – помогу! Конфету, что ли, припрятал?

А Вовка огляделся по сторонам и шепчет:

– Там компас путешественника.

Ничего себе! Вовка с таким инструментом и в Африку дошагает. Сядет на песочек в пустыне и станет на жирафов любоваться.

– Знаешь, – говорит Вовка, – компас для чего нужен? Чтобы тебя разыскать!

Я от такого чуть в лужу не свалился, которая в единственном числе на улице сохранилась, ещё с прошлого года. Неужели меня – по компасу? Вот так Вовка! Как-никак, нашёл! Стрелка ко мне примагнитила? Всё-таки, не зря считается, что компас – вещь надёжная!

Представляешь, задача!

Мама часто говорит, что домашние задания – это не просто так, лишь бы в тетрадке почеркать. Два часа безделья, и готово! Это у взрослых время, словно реактивный самолёт, пролетает. Не успели оглянуться! А я за эти два часа штаны до дыр протёр, а задача не сходится. Потому что в ответе совсем по-другому.

– Вот беда! – закричал Вовка, влезая в моё окно, – на улице дождь закончился, а ты всё над тетрадками чахнешь, как старый дед.

Я, конечно, такое безобразие увидев, возмутился. Нельзя же окно с дверью перепутать!

– Ну, а что делать, – говорю, – если задача не сходится?

Но Вовка только рукой махнул. Мол, сдалась тебе эта задача! Может, для наглядности, всё наяву представить? Интереснее будет решать...

– Это как?

Вовка задумался немного, для приличия.

– Ага! Можно любую задачу в игру превратить. У тебя про что там?

Я бы ему поверил, конечно, но наяву про футбол и мячи, забитые в ворота, никак не представить. Нет дома никаких условий.

– Это потому, что ты в футболиста не превратился! Иди, шорты с майкой спортивной напяливай, чтобы с героем задачи сравниться. Всю жизнь тебе, что ли, подсказывать?

Я злюсь, потому что не в ворота попадаю, а Вовка в ладоши от радости хлопает:

– Семь плюс семь, да ещё плюс семь, получается двадцать один забитый гол. Как в ответе!

– Минус разбитое окно. Да ещё одна задача осталась, посадочно-огородная. Ни за что наяву представить не получится. Где мы клумбу возьмём? Может, цветы на гвозди и болтики заменить?

Я полез уже доставать ящик из кладовки, где всякие штуки мастеровые хранились. Но Вовка головой даже замотал, мол, нельзя болты с цветами путать, даже понарошку.

Лучше бы сразу ничего не затевали. Как-никак, а стекло никому не мешало. И вот я думал, думал, а придумал Вовка. Взял ножницы и вырезал из маминого халата васильки и ромашки, а потом ещё астры с пионами.

– Вот, – говорит, – считай на здоровье.

Я чуть не онемел, потому что халат наполовину короче сделался. Тут Вовка от меня устал и обратно выпрыгнул с нашего первого этажа, со словами: «Тебя не дождёшься!».

Задача про цветы, всё-таки, решилась. И я быстро-быстро на улицу собрался. Ведь там Вовка, а он всегда что-нибудь придумает.

Мармеладные мечты

Как-то раз в магазине я увидел зайца, мармеладного. Он был такой весь необычайно прозрачный, от ушей до хвоста. Через него, наверное, можно всё на свете разглядеть. Даже солнце. Если только одним глазком, а другой закрыть, от удовольствия.

Когда домой пришли, я всё никак не мог успокоиться. У меня этот заяц в голове засел, заодно с его ароматом, ванильно-сладким. И стал я к маме приставать, чтобы она мне его купила. Конечно, мама сказала:

– Заяц как заяц, обычная сладость, опасная для зубов.

И я надулся, щёки по всему лицу распустил, словно шарик. Ткни пальцем – и нет меня.

– Эх, – говорит мама, – не хочется у тебя на поводу идти, но и смотреть, как ты погибаешь, нет сил. Куплю зайца, вместо самолёта дистанционного, который ты на прошлой неделе выпрашивал. А теперь всё... мармеладный заяц.

Я так обрадовался, прямо до потолка подскочил. Хорошо, что мама меня словила и на стул усадила. Когда наступил вечер, я чувствовал себя самым счастливым, потому что на столе лежал заяц, даже лучше того, которого я в магазине заприметил. Ведь этот был только моим.

– Ну, и чего ты ждёшь? – спросила мама. – Ешь, мармелад свежий, от солидной фабрики.

И она взялась за мармеладные заячьи уши, чтобы накормить меня, как маленького.

– Ай, – закричал я, – больно! Смотри, заяц весь дрожит.

Мама отдернула руку.

– А зачем... он нужен, если его есть нельзя?

Я пожал плечами, чтобы было понятно – нужно подумать. Мысли имеются!

– Ладно, – согласилась мама, – твоё дело.

И я стал с зайцем носиться по комнате, например, он мог старую люстру превратить в радугу... Он много чего мог, этот заяц из мармелада. И тут мне ничего не оставалось, как признаться:

– Этот заяц – моя мечта! А что делать с мечтой, я ещё придумаю!

Облачные вопросы

Вовка постоянно в облаках витал:

– Понимаешь, облака в кого угодно могут превратиться! Не то что люди.

Мелет всякую ерунду. Потому что жизни не знает! Подумаешь, облачные звери и рыбы в небе привиделись. Пусть и дракон крылатый, тоже ничего особенного. Вот мой папа, например, может и гвозди забивать, и картины маслом писать. И на огороде у него урожай хороший. Ещё и шьёт на машинке, прыгает на одной ноге – раз сто или двести, сушит гербарии на ба-

тарее и умеет водить машину. Пальцы устанешь загибать от его превращений.

А Вовка считает, что только в облаках можно разглядеть чудеса. И сам стал какой-то воздушный. Тощий и почти прозрачный. Волосы длинные, как у белого льва. И разговаривать не хочет. Даже не смотрит в мою сторону. Вроде как меня и нет. Совсем растворился в облаках, бесповоротно.

– Тебе не надоело время попусту тратить?

– Ничего не попусту, – спустился на минутку с небес Вовка, – вот, люди не могут быть сначала большими, а потом маленькими...

– Могут! Вырастем и станем большими. У людей всегда так, такие уж жизненные условия.

– А обратно могут стать маленькими?.. Как облака?

Решил я у папы поинтересоваться, вдруг есть какие-нибудь достижения науки по этому вопросу.

– Да проще простого, – отвечает папа. – Я с тобой вечером по ковру машинки гоняю?

– Ну, бывает!

– Значит, я в детство впадаю и маленьким снова становлюсь, но только ненадолго. Потому что на работу нужно бежать.

И ничем, выходит, люди облаков не хуже! Я теперь этому Вовке забью облачный гол, будет знать. Попадись он только... А тот стоит на улице с открытым ртом. В небесах летает!..

– Совсем не на что, – говорит Вовка, – смотреть. Потому что небо безоблачное. Были облака и сплыли.

– Завтра снова появятся. Не горюй...

– То-то и оно, – подтвердил Вовка, – исчезнут, а потом снова тут как тут. А люди так умеют?

Я пожал плечами и поплёлся восвояси. На небе было ясно, но от этого легче не становилось...

Хлебные дела

Идём мы с Вовкой из магазина и булки жуём.

– Вот это хлебушек, – восхищается Вовка. – Когда вырасту, буду его выращивать.

– Чего... делать? – прокашлявшись, спрашиваю я. – Чуть из-за тебя не подавился!

Вовка мне по спине постучал кулакам.

– На тракторе буду работать, землю пахать.

И где он эту технику видел? В городе, кроме автобусов и троллейбусов, ещё легковушки имеются. Но... так, для передвижения. Если на своих ногах лень, а на двух колёсах в детстве не научили, то остаётся автомобиль. А вот трактор... Ай да Вовка, ясно же, в музее побывал! Я крепко задумался, даже шагать остановился. Хлеб выращивать, конечно, интересно, если потом такие вкусные булки вырастают. И тогда Вовка всё по порядку рассказал. Оказывается, чтобы булки выросли, нужно сначала поле вспахать и зерно посеять. А как появятся колосья, срезать их комбайном и вымолотить зёрна. Они должны в муку превратиться – в белую, воздушную, нежную, послушную. А потом из неё можно и булку испечь. Этому делу отдельно нужно учиться.

Он рассказывал и руками махал, а я думал про то, о чём раньше не задумывался. Чтобы тоже на тракторе работать. Вместе с Вовкой.

В зоопарке, как дома

Вовка сказал, что пойдёт в зоопарк. Он зверей очень любит, особенно верблюдов и жирафов. Я как услышал, что у него и билет есть, то сразу же надулся. И перестал на Вовку смотреть, чтобы не расплакаться. А он говорит:

– У меня и для тебя билет есть, бесплатный! Его в придачу дают, чтобы друга с собой взять.

И у меня немножко настроение поднялось. Но я Вовке сильно улыбаться не стал, чтобы он не задавался.

– Ладно, пошли, – говорю, – только я слонов очень люблю. У них кожа толстая, а на голове уши, словно крылья. А нос – хобот, вроде шланга. Вжик-вжик – и дождик пошёл.

Мне, конечно, жирафы тоже нравились. Но я эту любовь Вовке отдал. Пусть радуется. У него и фамилия подходящая. Почти родственная, для длинношеих. А там, в зоопарке, в клетке без крыши жираф сидел взаперти и вокруг поглядывал.

– Ах, какой красивый! Наполовину – в клетке, а на другую – на воле.

– Точно, – говорю, – как мы с тобой, вроде в зоопарке, а будто бы и дома...

Мы сначала вокруг клетки с обезьянами носились, вроде как орангутангов изображали. А они – нас, вот умора! А когда подошли ко льву, то у него волосы дыбом встали. От страха! Про это тётенька с микрофоном и болтающимися наушниками сказала:

– Испугали льва своими выкрутасами!

И пошла себе вперевалочку, вроде гусыни. Я ей на прощанье хотел кое-что объяснить, но Вовка закричал:

– Там павлин!

И я сразу за ним побежал, а руки грязные о штаны вытер, чтобы не быть на обезьяну похожим.

– Закрывай глаза, будешь открывать потихоньку, а то в обморок свалишься... от такой красоты. Только, смотри, не обманывай!

Ничего себе птица! Будто из сказки. Хвост веером, с блестящими изумрудными кружочками. А на голове – корона из веточек, с лесными шишечками.

– Сам ты, – говорит Вовка, – с шишечками. Гляди, это же антенны с телепередачами! Скоро нас с тобой покажут.

Вечером, и правда, нас с Вовкой по телевизору показали, как мы вокруг клетки с обезьянами скачем. Видно, тётя-гусыня засняла всё на камеру. Мама сказала, что так себя вести неприлично, даже дома. И что завтра пойдём в зоопарк снова – извиняться!

Жаль...

Вовка решил переехать в самом начале лета. Его родители новый дом выбрали, на другом конце города. Там и школа уже стояла, почти что в поле. Её тоже недавно построили. Приходите, новые ученики!

– Неужели, – говорю, – тебе в нашем доме не живётся? Здесь и облака привычные, и мечты мармеладные..

– Жалко... конечно!

И подарил мне свой компас. Если его правильно настроить, то мы никогда не потеряем друг друга. Так мы решили!

– Смотри, как магнитит, – гордо сказал я. – Это потому, что по-другому быть не может. Дружба преград не боится!

Мне, конечно, очень хотелось Вовке тумака дать, за то, что он меня бросает. Но мы только обнялись...

Галина Щекина

ЧЕХОНЬ-ОБОЛОНЬ

Мотаюсь вокруг принтера, как коза на привязи. Печатаю кучу реклам, стихи распечатываю, чтобы люди могли и послушать, и глазами почитать. Так лучше восприятие. Завтра будут столичные поэты в Вологде, Файзов с Цветковым, анонс на радио, анонс в газету. Архипов, алло, Архипов! Ты будешь говорить приветствие или нет? Как что говорить, я же тебе все тексты распечатала? Не получил? Что значит: «ноутбук йок»? Так зайди за Цветковым, я тебе тоже распечатала. Как не знаешь? Света Синёва, алло, ты будешь делать объяву на радио или как? Да, на ящике твоём всё лежит. И диск мне запиши Широглазова. Вот, забыла уже!.. Алло? Нет, не приходила...

– Авигея Фёдоровна, проходите. Да, сейчас проверим всё. Садитесь...

Это её статья в журнал. Надо же, специально написала. Круто, круто. Философские смыслы. И специально пошла из деревни в город и ко мне – вычитать. Вот она, старая добрая школа... Авигея Фёдоровна худенькая, седенькая, с небольшим пучком на затылке. В пушистой серой водолазке, в трикотажном жилете. Почему у меня никогда не было таких стильных жилетов?

Мы недолго проверяем, Таня опять издала звонок – узнать, пришла ли мама – волнуется. Потом я Авигее Фёдоровне супчика наливаю на маленькой, тесной кухне. И она, вдруг:

– Так значит, когда ты спрашивала, есть ли у тебя душа – это было серьёзно? – глядя в супчик с фрикаделькой.

– Да, серьёзно.

– А я, что, так и не ответила? Вернее, ответила обиняками...

– Нет, не ответили вы... И я подумала, что, вот, страшную правду мне не говорят.

– Да глупости, Галя. Это же понятно, что есть.

– Почему?

– Без души человек не жив.

– А я подумала – нету...

И Авигея Фёдоровна покачала головой с гладко забранным седым пучком. Как учительница. Что-то в ней такое есть. Я поэтому робею. Я, кстати, отправила её рассказ на конкурс... Может, тут важен результат, а может, и нет. Мне важнее процесс.

Гоша звонит: «Мне надо тебя на полчаса». Мне досадно, я лучше бы поговорила про душу. Но, делать нечего, Авигея Фёдоровна, в брючках, деловая, быстро уходит, а Гоша быстро приходит – с сумарями через плечо. Приносит пиво, рыбу... целый мешок. Чехонь вяленая, Что за чехонь такая?

– Да ты что, Гоша, – ору я, – некогда мне, у меня на завтра Файзов, уже приехал! Нужны распечатки, то-сё, надо всем опять звонить.

– Успеешь, – говорит довольный Гоша, сам в цветной рубашке, на тёмную толстовку, да с хорошо подстриженной бородкой, весь такой весёлый, – всё успеешь, мать! – И вынимает, не торопясь, из бездонной сумки рыбу копчёную, и ещё раз рыбу – уже мёрзлую.

– Ты налима ешь?

– Ем я всё, – и пожалела, что люди, явно голодные, уже ушли и не попробуют. Потом звоним Паше, типа принтер надо порошком заправить. Паша, кровь с молоком, приходит. Начинается ужасный галдёж про армию и дедовщину. У нас тут, в войсковых частях, всё самострелы, суициды волной пошли. Артём

Колодкин с седьмого канала, гроза всех казарм, азартно обличает начальство. А Паша, видите ли, написал письмо в Совет солдатских матерей и просит, шоб я ему нашла доклад министра Иванова для цитат – я и нашла, только почему-то на сайте бурятского народа. А Паша, когда прочитал Иванова, жутко расстроился – потому что Иванов, оказывается, предусмотрел все нападки. В итоге, ничего не изменится. Раз ему даже на контрактную офицерскую службу денег не дают, чего уж там на всю армию... Письмо Паша раздумал писать. Но очень громко и горячо стал выступать под пиво. Гоша увещевал, чтоб он уже закрыл болезную тему, но Паша, будучи гражданином, не мог остановиться. Я очень злилась, хотела разогнать этих краснобаев, но пришёл усталый Михалыч и тоже стал рыбу есть, «оболонью» запивать. Он же известный рыбоед. Я тишком отнесла бабушке рыбы без никакого ужина, она съела и сказала: «Есчо». Но я дала блинов.

Илюша не хотел идти на кухню, ему было противно от запаха пива, и я оттащила ему отдельную еду – блины и сыр «эдамер». Он очень ворчал, что не по-человечески всё. А я, что, должна всем подносить? И вечно все недовольны. Гоша стал рассказывать, как он общался с пьющим поэтом Наугольным. Я хотела на него прицыкнуть – не выношу разговоров про Наугольного, который раньше часами вёл со мной умные разговоры, а теперь обзывает меня, грозит порезать и всяко подставляет. А сам носит стихи в мой почтовый ящик. Не верите? Вот они, стихи! На сей раз верлибры: «Пьянь я. И только. И точка. Перо моё – мне во спасенье»; «Осени осы гудят между рамами. Что им на воле?»; «Всё потерял я на свете. И вновь отыскать не по силам». Интересно написано, по-японски. Гоша сказал, что просто тот одинокий очень и ему плевать, кто перед ним, лишь бы слушали. Я так удивилась, что наши мнения с Гошей совпали – это из-за «оболони», наверно. И тут Михалыч принёс из ящика подтверждение – опять стихи Наугольный принёс, без мата. И я сказала, вроде: «Спасибо тебе, Гоша, за всё – за чехонь, «оболонь» и за то, что злость моя прошла. Может, ты мне в следующий раз расскажешь свою историю любви? Под «оболонь»?» И он согласился...

Даже жалко стало Наугольного, опять о нём думаю. Зачем же он пишет мне эти письма? Он же знает, что я плохо вижу, не разбираю я рукописные стихи. Наверно, это даже не мне лично, а так, вообще, в мир. И надо свято хранить. А вдруг что-то ценное? В архив, что ли, отнести? Вечером поздно по телефону Архипов рассказал, как ходил к Наугольному общаться, принёс сетку картошки, чтобы тот от голода не умер, но как-то слишком прямолинейно об этом сказал, поэтому Наугольный киданул эту картошку через всю комнату и попал в бедного доброго Архипыча. Наверно, он и мою машинку печатную так же киданул, когда в ней кончилась красящая лента. Иначе почему теперь машинка не работает? С Наугольным не знаешь, как и говорить. Лично я предпочитаю тушёнку и хлеб ему на вахте оставлять, по крайней мере, не бросит в тебя...

Архипов затейливо изложил, что он изучает «серебряный век» и размышляет, как Есенин мог стянуть строчку у Белого, и им все восхищались, а он пошлый, этот Есенин... До чего же всё знакомо! Архипов, наверно, уже полгода пишет стихи, не переставая, два-три ежедневно, влюбился, видимо, и муза над ним летает, реет под потолком. Потому что опять какой-то «белокурый ангел» у Архипова... Ну, кто у нас ещё столько пишет? Да так страстно! А я ему рассказала про «оболонь». Как сначала хотела всех выгнать к чёрту и как потом досада перешла в другое аллотропное состояние. Просто чудеса. И он засмеялся, Архипов...

ПОЭЗИЯ

Мария Багирова

Я встану на границе двух стихий –
И воду опасаться перестану:
Поток нести свой лепет будет странный,
Нам проговаривая белые стихи.

А неба плоскость выгнется дугой,
Мытарств воздушных не предполагая,
Я стану незнакомая, другая
Здесь, на границе двух стихий – собой!

Хочу быть лёгкой! Нравиться себе!
Чтоб город, мне оставленный в наследство,
Так полюбить опять, как будто в детство
Меня уводит рифма-терапевт:

И памятью чужой переболею,
Души своей я обнажаю кладку,
Чтоб без утайки всякой, без остатка
В стихах себя рассказывать при всех!

Намёком на бессмертие души –
Неровный ворох фотографий детских:
Там, в чёрно-белом цвете, сердце
Во взгляде глаз распахнутых дрожит,

Там платье в рубчик, новые банты,
В руках – любимый, самый новый мячик...
Ребёнок мой, ну, улыбнись, не плачь же:
Меняется лишь тело, но не ты.

Одно сплошное дежавю –
Мне это нравится безмерно!
В душе заполнились каверны,
События не тороплю:

Мне будто бы тринадцать лет –
Полна предчувствий и бесполо.
Ещё не начиналась школа,
День каждый – как большой секрет,

И электронные часы
Ещё отсчитывают вечность,
Звонок ещё молчит, беспечный,
Готовы ленты для косы,

Отглажен фартук, ранец ждёт,
Все гладиолусы на грядах,
Не срезаны пока – я рада,
Что август медленно идёт!

Так я росла у северной реки,
Где храмы с куполами стёртых звёзд,
Под склады пущенные и под сорняки,
Льняного неба высветленный холст

Держали над кварталами в садах,
Над домиком, что с видом на судьбу,
А палисад, весь в «золотых шарах»,
Насквозь был ветром пройден и продут,

Тут я росла! Белея стариной
И прирастая камерным простором,
Мой нелюдимый, небывалый город
Взрослел со мной...

В моё окно глядел алтарь
Снесённой церковки-завода,
И фресок блёклая печаль
Со стен взирала на дорогу.

Там ежедневно на урок
Шагали Царскими вратами,
За нами Власий, «скотий бог»,
Следил изникшими глазами.

Но нас молиться не учили,
Не просфирой и не мацой –
На этих стенах мы творили
Поминовение: «Жив Цой»,

А двадцать первый век
истошный,
Культ потребления внеся,
Лавчонку «Винное лукошко»
Открыл на месте алтаря.

Алтарный Ангел, от бессилья
Так неизбежно прав и тих,
Держал надломленные крылья
Шлагбаумом путей земных.

Анна Новикова (Политова)

МОЙ АНГЕЛ

Мой ангел Библии не знает,
И крыльев белоснежных нет,
Мой ангел злится – искажает
Лик поднебесный гнева цвет.

Случится, слаб он и печален,
Хочу обнять, смыть слёзы с век...
Такого, скажешь, не бывает?
Мой ангел – просто человек.

ТАК НЕЛЕГКО...

Так нелегко найти своё призвание,
Душе мятежной обрести покой,
Попытка – пытка, новое страдание,
Потерян путь, ты изнутри пустой...

Бессонны ночи, дни стоят похожие,
Труды души пылятся за диваном,
И в сердце нет былой блаженной дрожи,
И жив одним самообманом.

БАБУШКЕ

В волосах моей бабушки свет,
И с годами её – всё заметней,
Цвет в былое ушедших лет,
Для меня нет его заветней!

Серебро тонких нитей волос,
Что судьба не щадила – вплетала,
Чтоб напомнить: увы, не сбылось,
И что мужа давно потеряла...

В волосах моей бабушки свет
И в глазах её, добрых и чистых,
Пусть сияет он множество лет,
Сильной женщины свет лучистый!

ПОТЕШНАЯ

Расцвети, жизнь моя, лета красками
Да порадуй меня доброй сказкою,
А то спящая, да не красавица,
Всё лежу в гробу, и мне нравится.

На раздолье бы мне, в чисто полюшко,
Эх, соскучилась я да по волюшке,
Речка, неба кусок и луч солнышка,
Жизнь – лишь времени срок, мне б на донышке...

Валерий Рубцов

ВСЁ, ЧТО МЕЖДУ НАМИ

Между нами, наверное, пропасть.
Все сомненья развеются скоро.
Между нами, наверное, скорость
И бутылка с французским ликёром.

Опускаются сумерки плавно,
Зажигаются в комнате свечи,
Мы с тобою знакомы недавно.
Между нами, наверное, вечер.

Между нами туман серебристый,
Мы с тобою как есть одиночки,
Мы с тобою опавшие листья,
Между нами, наверное, строчки.

И шаги уходящего лета,
И дожди проливные, и холод
Городского фонарного света –
Между нами, наверное, город.

Между нами, наверное, время.
То, что было, уже не исправить,
Наши чувства ничто не изменит –
Между нами, наверное, память.

ОСТАНУСЬ

Я останусь с тобой. Как всегда. Навсегда. На рассвете.
В этом городе сонном. По улицам талым скользю.
Я останусь с тобой. Между нами один только ветер.
Потому что хочу, потому что иначе нельзя.

Я останусь с тобой. Эту жертву ничем не измерить,
Эту боль пережить – и она утечёт, как вода.
Этой странной зимой в этот сон невозможно поверить.
И в пустые гудки, что летят по стальным проводам.

Я останусь, как есть – неопрятный, уставший, голодный.
Затеряюсь в толпе. Среди таких же испуганных лиц.
От напрасных обид, от пустых обещаний свободный.
Я останусь с тобой. В тихом шелесте тонких страниц.

Я останусь с тобой, не использовав право на выстрел.
Будет дождь за окном – неожиданно тёплый январь.
Я останусь с тобой. В год живой металлической крысы.
Потому что ты есть, потому что всё врёт календарь.

ВЕСНА ДОМАШНЯЯ

Твои шаги – воздушные сюжеты.
Перемещаясь в складках бытия,
Ты двигаешься, но при всём при этом
Ты чувствуешь близости меня.

Твои шаги – заоблачные птицы,
Едва касаясь пальчиками ног,
По лестнице. Не скрипнет половица.
Наверное, тебя придумал Бог.

Твои шаги – симфония рассвета,
Они меня спасают ото сна,
Я искренне, по-детски, верю в это.
Любимая, домашняя весна.

СОБИРАЮЩИЙ ОСКОЛКИ

Весна пришла погодой переменною,
Испачкав город слякотью несносною,
А я стою, потерянный во времени,
На грязной остановке на автобусной.

Немногие случайные прохожие
Пытаются передо мной возвыситься,
А я стою, пустой и обезвоженный,
Не знающий, куда мне дальше двигаться.

Мечтающий о том, что ночь порадует –
Придёт черноволосая красавица,
Весенней ночью звёзды с неба падают,
На тысячи осколков разбиваются.

Весь город занят мыслями серьёзными:
Чего надеть в весенний день сверкающий.
Но людям не нужны осколки звёздные
И я, осколки эти собирающий.

РОЖДЕСТВЕНСКИЕ СНЫ

Ночные звёзды падают на крыши,
Год новый начинает свой разбег.
За окнами январь. Стихами дышит
Холодными. И белыми. Как снег.

Уставши от вселенской канители,
Созвездия рисуют волшебство.
И город спит. В неоновой постели.
Пускай ему приснится Рождество.

Хвои и мандаринов терпкий запах
Уходит постепенно в небеса,
Вокруг гуляют сны на мягких лапах
И носят на запястьях чудеса.

Сияют в окнах праздничные свечи –
Хранители любви и доброты.
И кажется, с небес спустилась вечность.
На крыльях от несбывшейся мечты.

ОСЕНЬ ЖИЗНИ

Осень жизни открыла главу на последней странице,
Запах кофе бодрит и мешается с дымом костра,
Помашу на прощанье рукой улетающим птицам,
И останусь на кухне, и буду с тобой до утра.

А потом повернусь и уйду, как ни в чём не бывало,
Не обмолвясь ни словом, прикрою скрипучую дверь,
Осень жизни все сроки давно наперёд расписала,
Да никто и не думал, что время пройдёт без потерь.

Я отправлюсь домой (листья жёлтые кружатся в танце
Средь спешащих людей, проезжающих мимо машин).
Осень жизни отмерила время на кончиках пальцев.
И на струнах дождя. И на крыльях пропащей души.

Я уйду. Одинокий, больной, презираемый всеми.
По дороге из пепла, глотая отравленный дым.
Осень жизни, конечно, права, в это верил Есенин.
Потому и ушёл, не дождавшись зимы, молодым.

В тихий дом у реки, где мерцает свеча на окошке,
Где среди фолиантов на полках хранятся мечты,
Где горят фонари и мурлычет домашняя кошка.
Осень жизни поймёт. И за мною сожжёт все мосты.

МОИ СТИХИ

Мои стихи лишь об одном,
О том, что мне так дорого,
И у моих стихов есть дом,
Он прямо в центре города.

Они рождаются в душе,
Не думают о вечности,
Живут на пятом этаже,
Гулять уходят вечером.

И возвращаются домой
Над полуночным городом,
Мои стихи полны... тобой,
Поэтому мне дороги.

ИМПРОВИЗАЦИЯ №3

Большая стрелка пятилась назад,
По крышам ночь гуляла чёрной кошкой,
И если бы не спал бродяга-март,
То было бы всё это понарошку.
Как тонкая звенящая струна,
Натянутая сумеркам навстречу,
На город опускалась тишина.
И думалось, что это будет вечно.

Чарующе потрескивал камин,
Горячие выплёвывая искры,
И если б заиграл внезапно гимн,
То он бы прозвучал, как будто выстрел.
Волшебный, дивный танец менуэт –
Огонь приподнимал завесу тайны,
Отбрасывая тени на паркет,
И верилось, что это не случайно.

На белый лист ложились пустяки,
Вопросы и ответы, безделушки.
И если бы сгорели все стихи,
То звёзды превратились бы в игрушки,
В сиянии которых видно всё,
За исключением текстов, слишком мелких.
И был последний тост произнесён,
И пятилась назад большая стрелка.

Татьяна Снежина

Мне не хватило этой ночи –
Она была безумно коротка.
Мой карандаш простой источен.
От боли ноет сердце... и рука.
Куда ни глянь – повсюду строки
Рассыпаны на скомканных листах.
Не вкладывая смысл глубокий,
Без знаков препинанья на местах,
Я исцеляла словом душу –
Бумага стерпит, истина проста,
Но боль обиды, всё же, душит,
Мне не хватило ночи... и листа.

В день, когда зацветут одуванчики,
На природе устроим обед.
Приготовь бутерброды, стаканчики,
Я возьму свой оранжевый плед.

Будем мы беззаботно и ветрено
Кожей впитывать солнечный свет,
Изучать облаков геометрию,
Самолётов расплывчатый след.

Ты прочтёшь вслух рассказ незатейливый,
Я экспромтом стихов пару строк.
Друг за дружку цепляясь стебелем,
Из цветков вдруг совьётся веночек.

Проживём этот день в единении
И в гармонии с миром – с тобой.
Золотым наслаждаясь цветением,
Вдохновимся его простотой.

ВДОЛЬ РЕКИ ПО ТРАВЕ ЗЕЛЁНОЙ

На губах моих вкус солёный,
И ознобом по телу страх –
Вдоль реки по траве зелёной
Третью ночь я брожу в слезах.

Что есть силы кричу: мой милый,
Где ты есть? И куда пропал?
Шёл со мной, но мгновенно сгинул.
Где же ты? Кто тебя забрал?

Может быть, колдовская сила
Загубила тебя в лесах?
Или в омут русалка сманила?
В этих есть – говорят – местах...

Где искать, как тебя дозваться?
Долго ль мне вдоль реки бродить,
По зелёной траве скитаться,
Сновиденьем кошмарным жить?

День за днём, всё своим чередом
С календарным уходит листом.
Чашка кофе, одна за другою,
Я привычно сажу над строкою.
Жизнь идёт от рассвета в закат,
Ничего не вернётся назад.
И всё чаще ночами не спится –
Вспоминается лет вереница.
Час за часом и день за днём
Я своим продвигаюсь путём,
Оставляя следы на страницах
И души неуёмной частицу.

Андрей Чистотин

Сирень вспорхнула под окном,
Робка та веточка из мая,
Её качало ветерком
Меж трав, под локотки вздымая.
Она кустилась, что ни год,
И вот сегодня распустились
Цветки небесно-синих вод,
Чуть-чуть лиловые на милость.
Как будто сшито кимоно
Из этих крестиков душистых,
И ветер, страстный Казанова,
Здесь ищет новые изыски.
С букетом свежести немой
Я припадал к твоим коленкам,
А ты кидала мне: «Playboy»,
Смакуя рюмочку абсента.
Ах, эти руки, и чело,
И пальцев дивное безумство,
Что открывали мне гало –
У грума вспышка вольнодумства...

Я ночи сплю или не сплю?
Мелькают города и лица:
Кладу их в банку, и коплю,
И добавляю к ним корицу.
Соленья – старые грехи –
Добавкой время сохраняют.
Судьба не подаёт руки
Разбитому тоской слюнтяю.
А может, вовсе всё не так,
И надо вспомнить междуречье,
Где шишки, голоса ватаг,
Что спор зажгли на светлой речке.
Небес сиреневая тишь,
Что утонула в ближнем плёсе,
И дева, ноженьки скрестив,
Ерша из солнца тащит с лески.
Она пришла послом весны,
Отринув школьную порошу,
Холодные прервала сны
И возвратила звоны в рощу.
Но тут призвал военкомат,
Она ушла, и я уехал.
Причудлив жизни аромат –
Привёл на Кипр, к кудрявым грекам.
Писать письмо – куда, зачем?
Мы разошлись уже кругами,
И площадка солнечная – мем
Висит над прежними долгами.
Мечты ушли, остались сны,
Дни прошлые – души красильни,
Там зелень первая весны
И ты, забытый мной светильник.

Ночные краски городов –
Они кровинки от калины,
Сирень заоблачных голгоф,
В рекламах ответ бриолина.
Громады зданий обегу,
Горбятся мосты глухие.
В просвете месяца серьгу
Замечу – лик в великой схиме.
Наутро краски разведу,
Мольберт к окну – пусть мебель сдвину,
И тень вчерашнего найду,
Чтоб нанести всё на картину.

КРИТИКА

Анастасия Бугрова

ДМИТРИЙ ТРИПУТИН. БАЗОВАЯ КОНФИГУРАЦИЯ

Фантастика Д. Трипутина написана на современном языке, но без добавления новшеств. Видимо, предназначена для читателя постарше. Главный герой – непонятно, положительный или отрицательный, но он себе на уме и не особо заметный. Не поняла, как зовут персонажа, или так задумано, чтобы он оставался инкогнито? Вообще о главном герое информации мало. Создалось впечатление, что он так и жил, никому не нужным. Наверно, главная мысль повести – как из «незаметного инженера» стать чем-то большим и вырасти над собой, до «ангела». У всех остальных иностранные имена. Отсылка на иностранщину, чтобы превращение героя в пантеру было логично?

Читается повесть легко. Сначала я подумала, что произведение с уже заевшим сценарием, а оказывается, главный герой перевоплощается не в одного зверя. И само зарождение способ-

ности перевоплощаться раскрыто не сразу и тоже заманивает читателя. Много вопросов, на которые читатель не находит ответа.

«Базовая конфигурация» – название современное, это хорошо, но мало связи с произведением. Посоветовала бы назвать, например, «Постоянная переменная», так как главный герой всегда возвращается в свой прежний облик. Проза Дмитрия Трипутина мне нравится тем, что легко читается, а главное, интересно. Дмитрий умеет заманивать читателя, и это его талант.

ЕВГЕНИЙ РАБАТ. ТРИ СЮЖЕТА

Не знаю, какой жанр данных произведений, но есть намёки на комедию, так как мне удалось посмеяться. Тема отношений с сексистским уклоном. Очень распространённый случай: правда с сатирой. Если у человека из детства травма привязанности, то он обязательно влипает в такие отношения, как между главными героями. Во всех трёх рассказах автор выступает за патриархат. В истории о бизнесвумене была попытка установления матриархата, которую в конце, всё-таки, придушили. В данном произведении нет положительных героев. Луна и Буратино преследовали каждый свою выгоду. И в остальных комедиях, о рождении кота Базилио и путешествии в никуда, главные герои были больше врагами. В путешествии – намёк на жертвоприношение собой ради другого. Луна хотела спасти Буратино от монстров. Мужчина всегда главный в отношениях? Наверно, это и хотел сказать нам автор. В рассказе «Рождение кота Базилио» Луна, всё же, отомстила Буратино. Такие отношения, и правда, годятся только для комедий. Автор хочет научить чему-то читателя или только посмешить? Я бы посоветовала капельку благородства в отношениях между героями, как намёк на мудрость. Так же хочется видеть больше описаний облика героев и их окружения. Есть только намёки, хотелось бы большего.

Сама концепция комедий интересна. Истории разные, а герои одни и те же, и есть небольшие связующие линии между

произведениями, и это дополнительно впечатляет читателя-зрителя. Считаю, что Рабат обязательно найдёт своего читателя. Он мыслит неординарно и современно, логично. У него есть талант заглянуть за рамки общепринятого и реального. Мне кажется, что данные произведения – ещё далеко не предел.

РЕГИНА СОБОЛЕВА. СЕРЕБРО И ЖЕЛАТИН

Экспонирование. Я понимаю – стихи действуют на человека как катарсис – и, читая произведения Регины, думаю, что они были просто её спасением. Она высвобождалась, благодаря им, и я очень рада, если это так. Но читать её очень тяжело для меня, и я бы не стала их снова пропускать через себя. Например, строки: «Пока не родился, Вселенная Размером с картонный ящичек» – мне представился гроб. Думаю, что люди в депрессии, прочитав, поймут, и у них не будет чувства одиночества в своём горе. Но нельзя судить по нескольким стихам.

«А потом привыкаешь к скрипучим полам» – воспоминания о лете и детстве. Дальше идут стихи о травматичном воспитании. «Выплеснула фрикадельки из тарелки» – заметила, потому что меня тоже волнует, что дети часто не понимают, за что их наказывают и за что заставляют чувствовать себя виноватыми. Пример, как ребёнка не выпускали из-за стола, пока он не съест всё. После этого люди вырастают с директивой – не хочешь, но ешь. Запри в себе все свои предпочтения и просто ешь. Думаю, Регина хочет встать на защиту недолюбленных детей, которых обделили, и показать, что они не одиноки в этом мире.

«Как мне достичь возможности...» – о свободе. И правда, если б у нас не было званий и достижений, мы бы были мало кому нужны, как нищие и бездомные, но, всё же, свободные! «Это новая форма сумасшествия» – понравилась мысль: мы живём в аду и уже когда-то жили.

И на выдохе я умру, оказавшись
в средней школе номер двенадцать
в родном городе в минус сорок.
Может, на выдохе я умру, оказавшись
в той очереди на почте, в сбербанке,
в студенческой столовой.
А передо мной – весь мой курс.

Регина представляет жизнь, как фотографию. Она фотограф и писатель, и книга прекрасно эти навыки совместила. Но весь сборник держит в одном тяжёлом состоянии. Если б глава «Фиксирование» была о каких-то инсайтах, благодаря чему становишься сильной, уверенной, стойкой, то была бы польза для читателя. То есть не просто прочёл и окунулся в омут, а захотелось бы выйти из него. В таком случае и воспринимать было бы проще.

Ирина Григорьева

ПУТЕШЕСТВИЕ ДЮЙМОВОЧКИ *(как метафора рождения и развития идеи)*

Недавно я перечитывала историю про маленькую девочку Дюймовочку Ганса Христиана Андерсена. Проследила путь этого персонажа в сказке, и для меня её приключение связалось с образом развития идеи внутри человеческого сознания.

История начинается с отсутствия внутри сознания автора новых идей, мыслей (не было детей). В общем, с полного творческого кризиса. За решением этой проблемы автор отправляется к источнику мудрости (ведьмин сад). Именно там он получает какое-то знание (семечко), причём не бесплатно, и оно опускается в плодотворную почву авторского сознания. Это порождает новую идею (Дюймовочку). Она хрупкая, маленькая, но красивая, клёвая, оригинальная, невиданная прежде.

Вокруг этой идеи внутри автора создаётся поле комфорта. Подтягиваются ресурсы для её существования. Идея живёт в сознании, дарит радость, энергию, счастье, «поёт», наполняя внутренний мир автора гармонией. Но она заключена в определённые рамки (дом) и никуда не движется, просто согревает пространство вокруг себя. Выход из «зоны комфорта» начина-

ется, когда сознание подвергает эту идею всяческим сомнениям и испытаниям. Сначала она сталкивается с холодными лапками внутреннего критика (мерзкими жабами), от взаимодействия с которыми идея оказывается снова ограниченной в движении и имеет риск навсегда остаться в грязном болоте. Показательно, что первыми, кто встречает идею вне её зоны комфорта, являются существа, способные существовать в двух стихиях – на земле и в воде. Они как проводники идей в состоянии потока, но сами живут в болоте. Они помогают другим потерять почву под ногами, вступить на порог развития, подталкивают к изменениям. Но репутация у них премерзкая. Они готовы любую красоту смешать с грязью (критики, они такие).

Очень интересен образ тонкого стебелька, который удерживает движение вперёд листа кувшинки, как образа нахождения в потоке, но одновременно и в рамках чётких границ. Будто бы что-то удерживает от скоростного движения, от того, чтобы мчаться вперёд, отдаляться от своего старта. Для того, чтобы преодолеть возникшие ограничения, в сознании автора есть механизмы, способные разорвать стебелёк и запустить идею, отменяя притязания критиков. Это уверенность, восхищение собственной идеей, позитивные мысли и другие составляющие ресурсного состояния (рыбы, живущие в реке). Именно они освобождают идею от сдерживающих ограничений и дают свободно плыть в потоке. Идея движется, обрастает новыми впечатлениями (видит города, слышит пение птиц, любит солнечными бликами), берёт в помощники лёгкое, белоснежное вдохновение (мотылька), придающее ей ускорение. Кому не знакомо это чувство творения в состоянии потока?! Весь мир будто качает тебя на своих огромных ладонях.

Но тут снова идея сталкивается с сопротивлением в виде стереотипов, навязанных обществом (майские жуки). Рассмотренная пристально, она оказывается не так и хороша, она не похожа на то, что было и что есть. Среди стандартов и шаблонов она – отклонение. Сомнения тормозят движение идеи, и она снова останавливается – впадает в некую стагнацию, создаёт себе зону комфорта (живёт в лесу), имея «лес» возможно-

стей, оседает в одном месте. Она постепенно остывает, пока не замерзает совсем (живёт с лета до первого снега), что вынуждает её спуститься под землю – в подсознание.

В подсознании идея не умирает, она взаимодействует с его частями, которые стремятся сделать из неё то, что навсегда останется нереализованным, забытым, порастёт шерстью и ослепнет, то есть превратится из прекрасной маленькой «вспышки» в ночной кошмар, отправится на кладбище нереализованных идей, что будут всплывать в сновидениях, как красивые картинки (просьба мыши рассказывать истории). Именно там, в подсознании, идея работает: прибирается, ткёт и вяжет.

Плутая в глубинах подсознания, идея сталкивается с забытым опытом полёта, быстрого движения, звонкого голоса (полумёртвая ласточка). Взаимодействие вытесненной идеи и спрятанного опыта приводит к тому, что новая идея оживляет прошлый позитивный опыт, помогает ему вырваться из подсознания и перейти в область сознания. Именно оттуда опыт помогает идее вновь выйти на поверхность. Они объединяются и совершают прорыв. Их движение стремительно, они перемещаются на такой уровень, где никто уже их не остановит и не сдержит – в небо. Они переносятся в область, свободную от ограничений, наполненную ресурсами, единомышленниками и возможностями трансформации. Там нет уже ни критики, ни сомнений, ни ограничивающих убеждений. Там хрупкая идея, рождённая из семечка знания, превращается в «королеву», обретая силу и самостоятельную возможность свободного перемещения.

Кратко это можно описать так:

Знание – Инсайт – Критика идеи – Попытка воплощения – Вдохновлённое творение в потоке – Сомнения – Застой – Откладывание – Воспоминание старого положительного опыта – Применение опыта – Реализация идеи.

Роман Красильников

ГУМАНИТАРНЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ СЕРГЕЯ ФАУСТОВА

Одним из значимых (возможно, не только на локальном, но и на российском уровне) литературных событий 2016 года стал проект «Том писателей», разработанный Вологодским отделением Союза российских писателей. В его рамках были опубликованы (в электронном и печатном виде) двенадцать книг, в том числе прозаиков Анастасии Астафьевой, Ольги Кузнецовой, Натальи Мелёхиной, Андрея Пермякова, поэтов Андрея Тяюшева, Наталии Боевой, Елены Поповой, Сергея Пахомова, Павла Тимофеева, Антона Чёрного, Наты Сучковой. Самим по себе созданием сборников на издательских платформах в Интернете уже, конечно, никого не удивишь, но серия, выполненная в едином стиле, заставляет задуматься о её концептуальности и общих принципах. Таковым, например, является установка на разнообразии, которая не могла бы полностью реализоваться без «своего» критика, в роли которого выступил Сергей Фаустов. Кандидат технических наук, доцент Вологодского государственного университета, изобретатель, он уже давно стал неотъемлемой частью местной писательской среды, в том числе благодаря книге «Харизма вологодской литературы» (1997). Его новая книга называется «Гуманитарные эксперименты».

Как известно, Ф. Бэкон сравнивал метод со светильником, освещающим путнику дорогу в темноте. Возможно, поэтому на обложку книги С. Фаустова помещена фотография фонаря. Он висит на фоне бревенчатой избы, по всей видимости, отсылающей к образу Русского Севера – ареала, в котором и применительно к которому (в первую очередь) работает критик.

Безусловно, обращает на себя внимание название книги. По ходу чтения задумываешься, экспериментирует ли автор с критикой или экспериментальным путём анализирует и интерпретирует источники? В конце концов убеждаешься, что ответы на оба вопроса утвердительные. С одной стороны, С. Фаустов рассуждает о сущности и трансформации современной литературной критики, с другой – в ряде глав применяет к художественным текстам оригинальные методы изучения, в том числе количественные. Однако не измерение становится ключевым приёмом в исследовании. Преимущественно на первый план выходит качественный анализ, герменевтическая интерпретация смыслов. Но, с одним важным дополнением – эта процедура производится наряду с осмыслением современного состояния литературы в целом. И в этом безусловная ценность книги.

Заслуживают внимания размышления С. Фаустова о теперешней «скорости восприятия быстроты жизни», которую он даже определяет, как смысл жизни. Данный тезис рождается после констатации того, что многие составляющие творческого процесса сегодня «исчерпаны»: мода, музыка, живопись, кино, фотоискусство, танец, юмор, этика, спорт. Не со всеми высказываниями критика можно согласиться, но понятно, для чего он так категоричен – для утверждения термина «брахистохрона» (обозначающего кратчайшее время для совершения действия), как «метафорического императива» современности.

Книга кандидата технических наук закономерно пронизана естественнонаучными концепциями. Ещё он пишет о «времени разбрасывания камней», о «высокой температуре хаоса», которая соответствует текущему творческому процессу, о «фликкер-шуме» («шуме жизни»), который не останется без внимания у вдумчивого исследователя. Но наряду с этим но-

вым для гуманитариев знанием есть интереснейшие экскурсии в область музыки, воспоминания о встречах с зарубежными и отечественными деятелями науки и культуры, обращение к англоязычным источникам. Практически все сопоставления в книге оригинальны и неожиданны. Она расширяет кругозор и сдвигает «тоннельный взгляд» литературоведа, привыкшего к традиционным разборам.

Особо следует выделить краткую, но ёмкую характеристику современного, в том числе поэтического искусства: «самоутверждающая манифестация субъективности, спонтанное рождение нового экспрессионизма, пренебрежение массовой культурой, принявшей новые формы дезинтеграции, например, по географическому признаку, увлечённость различного рода конкурсами». Примечательно следующее утверждение: «сегодня отдельная личность в поэзии важнее школы», – хотя оно несколько противоречит идее «вологодской школы», которая если не декларируется, то угадывается в книгах С. Фаустова.

Не могут не заинтересовать рассуждения критика о «плохом» и «хорошем» искусстве. Критерием здесь, подтверждённым количественным исследованием, становится готовность к многократному восприятию произведения: «плохое» искусство при повторении раздражает, «хорошее» хочется рассматривать снова и снова. Отсюда вытекает и выявленное автором большое число рецензий на качественные тексты на поэтическом портале. Сетевой характер литературы пронизывает и саму книгу С. Фаустова. Как уже говорилось, она создана на платформе Ridero, которая, по всей видимости, становится новым оригинальным «местом» издательства, вроде Москвы или Нью-Йорка. Автор постоянно ссылается на Интернет-ресурсы, которые выглядят теперь, как основные источники информации и основное «поле» творчества, в частности словесного. Возможно, «господство» сети приводит к некоторым неточностям в исследовании. Возникают сомнения относительно связи образа ворона именно с поэзией Э. По, а не с фольклором. Вряд ли стоит уверенно утверждать в аннотации, что эссе «связаны с реальностью так тесно, как никогда».

В целом заметна фрагментарность книги, слабость её метасюжета. Это скорее не эксперименты, а гипотезы, которые лишь намечены, но не утверждены и не развёрнуты. С. Фаустов говорит: «Когда-нибудь кто-нибудь напишет об этом». А если никто и никогда не напишет? Хотелось бы, чтобы критик следовал «завету» А. Твардовского – максимально полно сказать о том, что «знает лучше всех на свете». Но нельзя не признать, что книга С. Фаустова чрезвычайно важна для российской и, тем более, региональной литературы. Её главной заслугой, на наш взгляд, является честный и непредвзятый поиск языка, с помощью которого можно попытаться описать такой сложный феномен, как современное творчество.

Лариса Новолодская

О, ЛИТО!

Я пришла в ЛитО «Ступени» осенью 1988 года. Незадолго до этого я начала взрослую жизнь: переехала в Вологду и устроилась работать в заводскую многотиражку «Вологодский подшипник». Заседания литобъединения тогда проходили в библиотеке ГПЗ-23, и называлось оно тепло и по-домашнему: «За чашкой чая». Собирались вечером после работы, заведующая библиотекой Ангелина Сергеевна наливала чашки, с собой приносили что-нибудь к чаю. Во главе ЛитО был поэт, член Союза писателей (тогда ещё СССР) Юрий Леднев. Заседания, которые вёл Юрий Леднев, отличались особой демократичностью. Я тогда могла сравнивать – бывала на заседаниях литобъединения в редакции «Вологодского комсомольца», которые вёл Виктор Коротаев, и где постоянно бывал признанный критик Вячеслав Белков. Так там всех, особенно новичков, ругали почём зря и часто, в качестве резюме, советовали больше не писать. А тут, у Леднева, все чувствовали себя в «своей тарелке» и даже будто в своей семье, где любая критика не обижала, где всегда можно было услышать слова одобрения и надежды, почувствовать поддержку. После таких заседаний будто крылья вырастали,

хотелось ещё больше писать, обсуждать, общаться. Этот свой созидательный организаторский талант Ю. Леднев проявлял потом не раз. Вначале создав в газете «Маяк» литературное приложение «Вологжане улыбаются», где собрал заочный круг литературных единомышленников. Кстати, это приложение существует до сих пор, правда, вышло за рамки одного только юмора и называется «Литературный маяк». Мне тоже посчастливилось некоторое время быть его редактором. Потом Юрий Макарович возглавил благотворительную организацию «Вологодское региональное отделение Российского детского фонда». Она, кстати, тоже работает до сих пор, и нынешняя преемница Леднева – Милитина Ивановна Кукушкина, стоявшая вместе с ним у истоков данной структуры в Вологде, вспоминает первого руководителя добрым словом. Вообще Юрий Макарович всегда был полон каких-то проектов и умел других зажечь идеей их воплощения. Помню один из последних творческих вечеров Леднева. Чего там только не было на сцене: стихи, театральные постановки, барды пели под гитару, дети в эстрадном ансамбле, большой хор исполнял гимн, такое уж у него было многогранное творчество. Наша молодёжь за глаза его называла «дедушка Леднев», а он и в самом деле был человеком доброй и большой души...

На заседания ЛитО ходили не только заводские. Старостой был Авенир Лазарев. Он сообщал всем о заседании, затем выписывал пропуска тем, кто приходил из города. Люди были разных возрастов, по-своему колоритны и уникальны.

Юрий Петрович Богословский приходил одним из первых. В руках всегда газета с какой-нибудь статьёй, которую он эмоционально начинал обсуждать, часто споря с Ледневым. За плечами Юрия Петровича была непростая судьба, можно даже сказать, «лихая»: преступления, отсидки, наркотики, алкоголь. Он гордился тем, что смог всё это победить, и теперь был ярким защитником здорового образа жизни. Думаю, что в названии ЛитО была и его заслуга. В стране в то время активно боролись с пьянством, и Юрий Петрович постоянно агитировал членов ЛитО вступать в общество трезвости. Он писал рассказы, в ос-

новном, про зону: они шли циклами и потом стали складываться в романы.

Интересным человеком был староста – Авенир Николаевич Лазарев. Интеллигентной внешности, с лицом, чем-то похожим на актёра Олялина. Он писал стихи и поэмы, как сейчас сказали бы, на социальные темы. Тогда мне это казалось немного скучноватым – заброшенные деревни, старики, прикипевшие к ним душой... В реальной жизни тогда бушевали другие страсти – перестройка, гласность, съезд Советов с эмоциональными выступлениями депутатов в прямом эфире – казалось, что вокруг кипит, как в большом котле. Но потом, со временем, всё успокоилось, оптимизм в народе поутих, жизнь потяжелела... Как-то недавно я перечитывала эти стихи и была поражена искренностью чувств и слов и умением автора вести повествование. Светлая память Авениру Лазареву.

Уникальнейшей фигурой был Михаил Сопин. Обсуждая новые творения какого-нибудь «объединенца», кто ругал, кто хвалил, а Михал Николаич вдруг начинал говорить не о плохих или хороших рифмах и подчас даже не о произведении, а о том, что скрыто в авторе, в глубинах его «нутра», о том, что болит, кипит, рвётся наружу... Это были своеобразные беседы, они поднимали автора, помогали что-то осознать, познать. А уникальная манера Сопина говорить вообще завораживала. Он сидел рядом за столом, а было ощущение, что стоит на трибуне. И так будоражила, зажигала его пламенная речь, что хотелось тут же кинуться в бой на литературные баррикады. Бывая потом дома у Сопина, разговаривая с ним по телефону, я всегда удивлялась, насколько глубже он видел и понимал автора-человека, его проблемы творчества и истоки этих проблем. Эти уроки мне очень пригодились в жизни.

В то время Сопины ходили на ЛитО чуть ли не всей семьёй. Татьяна Петровна работала вместе со мной в заводской газете «Вологодский подшипник», и я долгое время воспринимала её, только как журналиста. Она писала в газете про заседания, но и делала подборки для публикации. Много позднее я познакомилась с её литературным творчеством. И мне очень понравилась её автобиографическая проза, заметки о путешествиях, сказки.

Не могу не вспомнить Глеба Сопина. Он совсем недолго работал на ГПЗ перед армией. Мне запомнилась его сказка. Я тоже писала прозу в виде сказок. Видимо, для молодых авторов это была наиболее доступная форма изложения чувств и собственного внутреннего мира, когда образы не ясны и кажутся неважными, а хочется передать мысли и идеи. Уже после гибели Глеба оказалось, что им создана масса оригинальных комиксов, которые издала Татьяна Петровна Сопина в большой и толстой книжке «Четвёртое измерение». Теперь жанр комикса уверенно вошёл в нашу жизнь и литературу, так что можно сказать, что Глеб в этом смысле обладал неким внутренним провидением. У меня дома сейчас два экземпляра этой книги. Первый весь истрёпан и «зачитан до дыр» моим сыном. Ему так нравятся эти истории, что он потом их рисует, а ещё, вместе со старшей сестрой, они сделали коллекцию героев книжки из картона и играют в них.

Серьёзным человеком на ЛитО был Юрий Каранин. Он всегда очень основательно участвовал в обсуждениях, что называется, умел разобрать по косточкам. Сам он писал фантастические рассказы. Я с детства увлекалась фантастикой, а в то время это стало повальным увлечением. Так что, признаюсь: испытывала к Каранину особое почтение. Кстати, оказалось потом, что он и стихи пишет, и даже о любви.

Чуть позже меня в ЛитО пришли Ольга Кузнецова и Ольга Горяева. Кузнецова (непривычно для меня, приезжей с юга) сильно напирала на «о», её отличали тонкие черты лица, тонкие пальцы и тонкие пронзительные стихи. Они были короткие и яркие, как мысли, мелькающие в голове, или как яркие бабочки, пронзённые иглками: красивые и впивающиеся в сердце. Горяева тогда ещё училась в школе, и от неё веяло романтикой и мечтаньями. Привёл её сам Леднев, за юношескими стихами он прозорливо разглядел поэтический дар.

Не помню точно причины, но со временем ЛитО стало заседать в редакции газеты «Вологодский подшипник». Здесь родилось его второе название: «Ступени». Придумывали его все вместе. Каждый написал на бумажке предложение, потом пустили

по кругу, большее число голосов досталось названию «Ступени». Здесь я познакомилась с прозой Елены Волковой, такой же лёгкой, юмористичной и оптимистичной, как сама Лена. Наверное, чуть раньше произошло знакомство с Галиной Щекиной. Как-то Оля Кузнецова пригласила меня на поэтический вечер в институт «Вологдагражданпроект», где она тогда работала. Галина читала там стихи про то, как она варит борщи, это мне показалось необычно для поэзии и вдохновения. К нам, на ЛитО, Галя пришла с рассказами о жизни разных людей. Живые диалоги, перипетии судеб сразу подкупили наших «литейщиков». Галя привнесла в наше тихое ЛитО возбуждение и желание издаваться. Она уже тогда сама «делала книжки», это были считанные экземпляры, отпечатанные на пишущей машинке, сборники нескольких авторов, но зато в твёрдом (хотя и самодельном) переплёте. Попадающий туда, видимо, как и я, чувствовал себя настоящим поэтом, стихи которого напечатаны в книге. А потом, наконец, появилась и настоящая книжка – сборник «Дверца». Столько в неё было вложено сил и Г. Щекиной, и Ю. Леднева, и всего коллектива редакции газеты. Были найдены авторы, которые раньше ходили в ЛитО. Так я узнала, что, например, поэт Владислав Кокорин тоже когда-то был завсегдатаем заседаний.

Возвращаясь к вечеру в «Гражданпроекте», замечу, что там я также впервые увидела и услышала Ираиду Метляеву – её стихи особой ритмики, Александра Лукина – «златокудрого поэта», и на самом деле очень эффектной внешности, с длинными, до пояса, вьющимися волосами, описывающего в стихах поиски смысла жизни. Я была влюблена в него с первого взгляда. Постепенно я познакомилась и со всей тусовкой – Колей Елсуковым, Андреем Коковым, Михаилом Поляковым, Сергеем Щекиным (ныне критик Фаустов), вообще с массой «сумасшедшего» и творческого народа, который частично разъехался из Вологды или почил в Бозе, но тогда все были молоды, прекрасны и полны надежд. Может быть, они не были членами нашего ЛитО на постоянной основе, но на заседаниях бывали. Из заседаний ЛитО того периода запомнилось, как ради развлечения, ну и для тренировки, писали на заданную тему. Здорово получилось

с темой: «У попа была собака», такие неожиданные версии причины убийства животного в стихах были предложены.

С Михаилом Жаравиным нас познакомил фактически его брат Коля. Однажды комсомольцы (а тогда ещё был Комсомол) поехали на субботник по уборке территории подшефного заводу пионерлагеря. Рядом со мной в автобусе сел Миша. Он потом рассказывал, что это Коля его научил со мной познакомиться, так как знал, что я вхожу в ЛитО, а Мише нужен был человек, разбирающийся в поэзии, так как он как раз переживал большую жизненную драму и начал писать стихи. После нашего знакомства Миша сразу к стихам и перешёл – читал их наизусть при каждом удобном случае. Помню, был потом какой-то вечер – все отдыхают, танцуют.. А Миша вцепился в меня и шпарит свои стихи без остановки. Вокруг музыка гремит, я вообще с трудом разбираю его слова, просто ужас. После этого я пригласила Мишу на ЛитО. Стихи у него были разные: «образные», где поэт передавал душевную боль, и «сюжетные», в которых, впрочем, тоже разыгрывалась душевная драма, только с конкретными персонажами. Были стихи от женского лица или, например, о проститутке – такие образы несколько смущали и рождали вокруг его творчества (стихов, а позднее, и прозы) всегда большие споры. Потом нас с Мишей связывали достаточно близкие отношения, и что меня всегда поражало – он будто на лету схватывал образы своих героев, будто переселялся в них и так сразу оживал, летал в разных местах, в разных измерениях... Может, поэтому не хватило ему сил жить дальше? Фантастами описан такой приём: человек обретает способность путешествовать в параллельных мирах. Проживая и наблюдая одну и ту же жизнь, он может что-то в ней менять. Творчество Жаравина напоминало мне именно такое путешествие: вот что-то с ним произошло, а вот он это описал, так сказать, создал параллельный мир. Например, провели мы вечер вместе, сидели, разговаривали, стихи друг другу читали, а на следующий день он уже приносит стихотворение, как этот вчерашний вечер у нас проходил. Теперь, читая знакомые строки, я удивительным образом, вновь и вновь, попадаю в эти параллельные миры... И, кто знает, может, где-то там ещё встречу и их создателя?

В компании с Мишей частенько бывал тоже ныне покойный Саша Алексеев. Многие говорили о подражательстве в его стихах, потому что: и Русь, и ширь, и берёзы... Мне Саша всегда навевал образ живого Есенина. Мягкий, тихий голос, стихи напевные, лирические, а душа нараспашку, как и куртка зимой, и удаль бесшабашная, кабацкая. Позже в ЛитО пришли Сергей Козлов и Саша Ломковский, они знали Алексеева лучше, чаще общались. Мне запомнился их рассказ, как Алексеев картины краской для пола рисовал... и получалось! Если бы Саша Ломковский написал за свою жизнь всего одно стихотворение «Юродивый», я бы, всё равно, его считала настоящим поэтом, потому что у обычных людей такие строчки, переворачивающие душу, не рождаются. Вообще Саша, на самом деле, написал много стихов и сейчас серьёзно и удачно работает в прозе.

Сергей Козлов, человек самобытнейший, талантливый во многом. С теплотой вспоминаю нашу совместную работу над литературным приложением к газете «Красный Север» – «ЛиК». Столько уникальных графических образов он создал для газеты: портретов вологодских писателей, иллюстраций, заставок. В своё время я даже советовала ему сделать из них выставку. Поэтический талант Сергея сложен. Предложения подчас переполнены эпитетами, образы, как вспышки молний, возникают то тут, то там, поэзия его, как шквал, сметает с ног. Признаюсь, что говорила ему вначале: «Пиши проще». А потом поняла, что это – всё равно, как сказать тому же Маяковскому. А вообще, несмотря на сложность выстроенной фразы, Козлову (в литературе он не Козлов, а Пиман) удаётся главное – передать через слова их звучание (особую музыку, которую рождает их произнесение), ощущение того, о чём он пишет. Видимо, поэтому получила признание его поэма «Степан Разин».

Заседания ЛитО постепенно начали выходить за рамки завода. Какое-то время они проходили в помещении рядом с проходной, потом в городской библиотеке на Щетинина, затем в областной Бабушкинской библиотеке. Заседали даже как-то в кафе «Три пескаря». Народу в ЛитО становилось всё больше. Пришли поэты – певец любви Борис Гуляев, кинема-

тографичный, наблюдающий жизнь через глазок видеоискателя кинокамеры Валерий Архипов, обладающая острым взглядом и острым словом Руфь Рафалович. Приносил свои стихи ныне известный в городе шоумен, «человек-праздник» Юра Ганичев.

Ещё один человек, без которого трудно представить ЛитО – Юрий Малозёмов. Сам он в то время не писал литературных творений. Зато собирал после заседаний наши рукописи. Иной раз ему несли рукописи, минуя обсуждение на ЛитО. Все знали, что он их собирает, чтобы сохранить. Конечно, каждый в душе мечтал, что это надёжное вложение, и через руки этого человека рукописи точно дойдут до потомков. А потом всё и вовсе обернулось чудесным превращением. Малозёмов занялся книгоизданием. И хотя тиражи были небольшими, но всё было, как в настоящих книгах, даже оригинальные рисунки художников. Таким образом издательство «Евстолий» стало связующей нитью для многих вологодских авторов с настоящими читателями, а не только с братьями по перу, собиравшимися на заседаниях ЛитО.

В «новой волне» появились эпатажная Ната Сучкова, театральная Паша Тимофеев. Поэт, ищущий новые формы не только в литературе, но и в повседневной жизни, с псевдонимом Виктор Виктор. Вспоминаю, как такой удалой командой мы дважды ездили на фестиваль поэзии «Проба пера» в Кострому и даже привозили оттуда призы. Видимо, на этом моя активная жизнь в ЛитО окончилась, захлестнули другие проблемы.

Рада, что за столько лет Галина Щекина, несмотря на многие трудности, которые постоянно возникали в организации заседаний ЛитО, сумела сохранить его, как ячейку общества, и его дух. Галина частенько зовёт меня вновь приходить на заседания ЛитО, но я, признаться, редко откликаюсь. И одна из причин – к сожалению, очень многих людей, так сказать, братьев по прожитой литературной жизни, о которых я вспоминала выше, там больше не встретить. Но мне приятно возвращаться мыслями к тем давнишним посиделкам. Для меня нынешний юбилей ЛитО – как образ дома, в который мы все когда-то вошли, и где живём своим духом и творчеством, хотя и не присутствуя физически. В связи с нынешним юбилеем желаю всем

«литобъединенцам» разных лет новых творческих находок, устойчивого вдохновения, больших тиражей, благодарных читателей, поддержки, понимания и конструктивной критики единомышленников, престижных премий, добрых спонсоров и, по возможности, гонораров.

Нина Писарчик

ФОН И ФИГУРА

(провинциальные сюжеты Людмилы Якушевой)

Готовясь к чтению монографии Людмилы Якушевой, я предполагала встретить в ней строго научный, профессиональный язык, сродни искусствоведческому. Каким же языком говорят культурологи? Общепринятым, оказывается, грамотным литературным языком. Охват же тем, входящих в поле изучения культурологии, разнообразен и необъятен – театр и кино, архитектура, живопись и музыка, музейное и библиотечное дело и литература тоже. Всё, на чём останавливается взгляд, может стать предметом наблюдения и описания с точки зрения культурологии, но и с личной, авторской, точки зрения – тоже. Книга Л. Якушевой – собственный и очень пристрастный взгляд на культурную и около-культурную среду российской провинции начала 21-го века. Это угрожающе звучит – 21-й век – как нечто совершенно новое, даже революционное, на самом же деле культурная жизнь не может не иметь корней, связующих со всеми предыдущими веками. Поэтому так много аллюзий в тексте, а также упоминаний о людях прошлого, не только о ныне живущих.

«Провинциальные сюжеты» Л. Якушевой напоминают автобиографичные зарисовки, частично являясь дневниковыми записями. Но это скорее «биография города», говоря собственными словами культуролога. Вологда последнего десятилетия, с охватом её культурной жизни: спектаклей и кинофестивалей, выставок, и презентаций, и много, много чего ещё – впечатлений от поездок, например, и от общения с самыми разными людьми. Разнообразие и разброс тем спорит, конечно, с общепринятым определением монографии. Но, если поиграть этим словом, выделив: «моно» – «один-единственный» и «графия» – «описание, запись, рисунок», окажется, что «монография» – очень точное определение данного труда, в котором автор даёт объёмный, эмоционально окрашенный рисунок (картину) реальной, узнаваемой жизни.

Если говорить о литературной жизни города, то она представлена двумя «знаковыми» личностями, членами Союза российских писателей – Галиной Щекиной и Еленой Колядиной. Щекина стала финалистом премии «Русский Букер»-2008, с романом «Графоманка», Колядина – лауреатом «Русского Букера»-2010, с романом «Цветочный крест». Конечно же, взгляд Л. Якушевой на творчество каждой из них – с позиции культуролога, а не литературоведа. Можно не согласиться с мнением уважаемого автора. Приведу отрывок из моей собственной рецензии, написанной на произведение Елены Колядиной ещё в 2009 г. Именно я уговорила Елену опубликовать её «Весёлую галиматью» (первоначальное название рукописи) в журнале «Вологодская литература» и отнесла рукопись редактору Алексею Николаеву. Тот буквально загорелся идеей публикации. Поменял только название – на «Цветочный крест». Моя реакция : «Главное для меня, читателя, не занимательность сюжета и даже не историческая достоверность, а язык произведения. Язык романа так насыщен архаизмами и старинными оборотами речи, что вполне удовлетворяет представлению о времени трёхсотлетней давности. Прелесть повествования заключается в сочетании современного литературного языка с архаико-простонародным. Очарование ещё и в том, что знакомые и обка-

тантные слова раскрывают свою первородную сущность... Наши предки-язычники не знали срама в нынешнем его понимании. Тело и все телесные отправления считались естественными. Вся физиология имела собственные названия, их употребляли в разговорной речи безо всякого стыда. С принятием же христианства на Русь пришло понятие «греха». Ещё употреблявшиеся в допетровские времена истинные русские наименования стали запретными: бранными и матерными. В результате современный русский язык не имеет «пристойных» физиологических терминов. Это или «низменные» слова, пришедшие из язычества и ставшие бранными, или медицинские термины, заимствованные у западной цивилизации. Вот этот «перекос» в современной культуре относительно прародительской и обыгран в произведении Елены Колядиной. Эффект – ошеломляющий! Чувствуя неловкость (результат воспитания) за «непристойности» в печатном тексте, невольно забавляешься анекдотичностью происходящего и получаешь удовольствие от смешных диалогов, нелепых рассказов, изобилия старинных присказок и поговорок. Замечательны речевые характеристики героев, их портреты, описание повседневной деятельности, подробностей быта. Роман удался благодаря языку, воссозданному автором в старорусской традиции, с его образностью и обилием синонимов» (Нина Писарчик. Новый Рабле? Весёлая галиматья Елены Колядиной. <https://proza.ru/2009/11/04/897>).

Что касается Галины Щекиной – в монографии дан портрет «культуртрегера», общественного деятеля, без анализа литературных произведений, хотя приводится общая характеристика её творчества. Зато имя упоминается во многих авторских сюжетах. Об этой личности я так же писала в статье 2010 г.: «Идея пассионарности на вологодской почве» (<https://proza.ru/2010/01/01/503>).

В целом труд Людмилы Якушевой настолько информационно объёмен, что требует серьёзного и внимательного прочтения, ради знакомства с культурной жизнью города и самого автора, но подобное чтение доставляет и особого рода удовольствие – увидеть многое знакомое другими глазами.

Сергей Фаустов

СТИХ КАК МАШИНА

Древний грек говорил: «Εἶμαι ποιητής», то есть «Я – поэт». Слово ποιητής происходит от древнегреческого же слова ποιεῖν (делать) и ποιεο (создавать). То есть поэма – это сделанная вещь, творение, артефакт, а поэт – создатель. Стихотворение, по мнению Уильяма Карлоса Уильямса (William Carlos Williams, 1883-1963, один из крупнейших американских поэтов), «машина, сделанная из слов». Машины производят какой-то эффект или выполняют какую-то работу, что-то делают, то, для чего предназначены. Работа, проделанная этой «машиной из слов», стихотворение – это эффект, который она производит в сознании читателя, в его душе или обогащает новыми знаниями его разум.

Критик или просто читатель, анализирующий стихотворение, подобен механику, разбирающему машину, чтобы понять, как она работает. Мне, как механику по образованию, было очень неожиданно и удивительно узнать о такой трактовке, хотя некоторые элементы такого подхода мне были известны и ранее.

Как и сама поэзия, поэтический анализ может принимать различные формы и осуществляться по многим различным

направлениям. Можно исследовать стихотворение, чтобы получить более осознанное понимание, как оно достигает своих результатов. Можно использовать известные или новые инструменты поэтического разбора для расширения и развития своего критического мастерства, чтобы извлечь всё, что может предложить произведение, ничего не пропустить, и, тем самым, получить более полную и нужную оценку стихотворения. Интерес представляет и композиция художественного произведения, которая по сути является сборкой ключевых узлов, а композиция – второе содержание произведения.

Машина, как динамическая система, интересна не в своей статике, а когда она работает в движении. Так же и стихотворение ничего из себя не представляет, если видеть только ровные строчки из букв, но едва начинаешь читать, как строки, накладываясь друг на друга, образуют слой за слоем, добавляя новые слои. Именно так работает машина, называемая 3D принтер, создающая изделие или артефакт по слоям.

Стихотворение Олега Чухонцева, например, это демонстрирует следующим образом:

И вот сосед снимает китель,
фуражку вешает на гвоздь.
Он, огородник и любитель,
почуял страсть и даже злость.

О, как ему осточертело –
дежурка... граждане... народ...
Вот огурцы – другое дело.
Деревня... Детство... Огород...

Соли, соли, пока не поздно,
смурную душу отводи,
гляди не грозно, а серьёзно
и даже весело гляди.

Здесь «дежурка... граждане... народ... деревня... детство... огород» создают эффект хорошо отлаженной, ритмичной работы машины. Такой же, как у Маяковского:

Жил Тит,
Таких много!
Вся надежда у него
на господ-а бога.
Был Тит,
как колода, глуп.
Пока не станет плечам горячо,
машет Тит
со лба на пуп
да с правого
на левое плечо.

Точно так же некоторые стихи вознаграждают внимательное чтение и отвечают проникновенному взгляду. Вот, например, начало стихотворения Наты Сучковой:

В детском парке катают на пони
Изо всех – в пол-лошадки – сил,
Ослик стёршийся на иконе
Морду грустную опустил.

Здесь пони, лошадка и ослик – как единый связывающий образ, однако ослик – на иконе, значит, речь о церкви, расположенной рядом с детским парком, а дальнейшее повествование идёт именно как описание происходящего внутри неё. Там и висит икона, изображающая «Вход в Иерусалим» с осликом. В стихотворении внутри одного образа произошло движение от общего (парка) к частному (церкви). Более того, здесь Ната Сучкова употребила даже единицу мощности машин: «в пол-лошадки – сил». Это мощность стихотворения. (Здесь следует поставить смайлик). В Вологде все знают детский парк и расположенную в нём церковь Иоанна Предтечи. Я мимо на работу

хожу. Интересно, что в последнее время лошадки всё реже здесь появляются, зато большой выбор детских машин для езды по парку. Парк эволюционирует вместе с нашими представлениями о стихах.

Обратимся к Марии Марковой, у которой трудно заподозрить стихотворения в каких-либо механических проявлениях, но это решено по-своему.

Как будто я вошла без спроса,
полдня играла у окна,
смотрела фильм одноголосый
про одиночество – одна,
а вечером нетерпеливо
в стекло стучала ветка ивы,
и ветер бился, и вода,
холодной призрачной щекою
к стеклу прижавшись, иногда
заглядывала и гадала,
что происходит в темноте
и почему не открывают
деревьям, ветру и воде.

А ночью... что же было ночью,
куда смотрела ты тогда,
непрочная вода, проточная,
непостоянная вода?

Последние четыре строки – как финальная кода музыкального произведения, заключительный аккорд с ритмичным навязчивым повтором: «непрочная вода, проточная, непостоянная вода». Так много эпитетов для одной только воды, чтобы усилить драматизм одиночества. Подобным образом поступает тракторист, когда перед глушением мотора «газует» на повышенных оборотах, чтобы оставить свой трактор на ночь. А может быть, навсегда. А. Генис писал: «Динамичные отношения между временем и вечностью Бродский выстраивает на водных

метафорах. То рекой, то дождём, но чаще морем они омывают его (И. Бродского) стихи. Конфликт в них создаёт противоречие общего с частным. Мы, например, лишь частный случай куда более общего мира, в котором нас нет».

Сврачивая шапиту,
грустно думать о том,
что бывшее, скажем, мной,
воздух хватая ртом,
превратившись в ничто,
не сделается волной.

Это осознание, описанное в стихотворении, вызывает острую эмоциональную реакцию, и она, как воздействие на читателя, и есть та «работа», для которой предназначена эта «машина слов». Хотя стихотворение не юмористическое, его «механизм» сродни механизму большинства шуток: внезапное изменение перспективы и угла зрения вызывает немедленную и интуитивную реакцию читателя. Так произошло в уже упомянутом стихотворении О. Чухонцева:

Соли и камень на кадушку
Клады тяжёлый, как судьба.

Кажущаяся легкомысленность стиха легко переходит в драматический реализм. Машина сработала. Противопоставление, противоречие, контраст строятся таким образом, что заключительная часть высказывания по форме будто бы противоречит началу, а на самом деле усиливает его, развивает. Хорошо это видно на примере фразы Диккенса, сказанной о героине одного из его романов: «У неё был изжелта-бледный цвет лица, который, впрочем, компенсировался ярким румянцем на носу».

Именно о таких, и многих других, им придуманных, противоречиях писал гений кинематографии Сергей Эйзенштейн, говоря о том, что такое фильм, кино: «Монтаж – это конфликт. Как основа всякого искусства всегда конфликт. (Своеобразное «об-

разное» претворение диалектики)... Кадр же является ячейкой монтажа. И, следовательно, рассматривать его надлежит тоже с точки зрения конфликта. Если уж с чем-нибудь сравнивать монтаж, то фалангу монтажных кусков-кадров следовало бы сравнить с серией взрывов двигателя внутреннего сгорания, перемножающихся в монтажную динамику «толчками» мчащегося автомобиля или трактора».

Гегель, говоря о формах мышления и об остроумии, в частности, отмечал, что «остроумие схватывает противоречие, высказывает его», приводит вещи в отношения друг к другу, заставляет «понятие светиться через противоречие». «Светящееся противоречие» и содержит в себе один из секретов поэтического эффекта и совершенно необходимое условие существования машины из слов.

Это самое интересное, но и самое сложное – скрытое противоречие в тексте, и даже за его пределами, это как игра в прятки. Если мы ничего не видим, то это не значит, что нет процесса некой игры. Мы-то свободны, можем в неё играть, и тогда из имеющихся фиксированных узелков мы можем сами создать игру в прятки и придать ей самостоятельный смысл для познания нашего, и без того непростого мира.

Светлана Чернышёва

ПОМНИШЬ, КАКИМ ТЫ БЫЛ ДЕСЯТЬ ЛЕТ НАЗАД?

С постановки этого вопроса начинается психологическая повесть Г. Щекиной «Хоба». Этот вопрос легко задать случайному попутчику без имени, но похожему на тебя, прежнего. Семнадцатилетний Макс Хоботов уезжает в северную столицу абсолютно обновлённым, пережившим школу «взросления». Он помнит, что для дошколёнка были необходимы «плавники», чтобы барахтаться по реке жизни. Конечно, главную поддержку оказывает мама Неда, таская сына на буксире, но ведь ему нужно приучаться к самостоятельности. И мальчик растёт: от мокрых простыней на неудобной кровати, обид от сверстников и прочих школьных неудач он идёт к настоящим геройским поступкам, когда «человек один, и на него падает весь мир». Спасая свою 93-летнюю бабушку, он не чувствует себя героем, но понимает, что пришло время самостоятельно, быстро и чётко принимать решения: «Знаешь, что я понял? На подвиг никогда никто не идёт по желанию, подвиг – это не кино, не боулинг. Если бы в страшный момент пожара рядом оказались взрослые, я не стал бы подрываться, бегать, тревогу бить. А тут не ока-

залось взрослых. Их просто не было рядом, поэтому взрослым пришлось быть самому... Тебе не на кого будет надеяться, и ты, задыхаясь, будешь заливать горящий холодильник, потому что от этого зависит ещё одна жизнь». В этот момент мальчик не просто перестаёт быть «тормозом» (как он сам себе называет), а начинает ощущать живительную силу иконы. Пройдя испытание, он обретает частицу веры, которая остаётся с ним и после смерти бабушки – и ребёнок взрослеет. В конце повести Макс празднует свой день рождения... Реальный мир соотносится с его внутренними переживаниями, с нравственным психологическим итогом взросления. Макс уже не боится посмотреть на себя со стороны, принимает свою сущность, гармонично вписываясь в современную жизнь.

Главный герой открыт людям, сочувствует им и готов прийти на помощь, но нередко, именно из-за этого, вынужден страдать. Например, он с радостью принесёт любой тяжёлый ящик для «карамельки» Лариски, молодой, изящной кассирши. И хотя их дружба заканчивается банально-грубыми словами жениха девушки, Неда пытается передать сыну ещё одну истину: «Знаешь, бывает, что люди говорят на русском языке, а хуже иностранцев. Обида настолько свет застит, что просто ужас какой-то». Образы родителей ещё не раз будут возникать, в связи с важнейшими событиями в жизни сына. Легко и непринуждённо, не без иронии, автор поведает о вечной теме «отцов и детей». В квартире Хоботовых появится кошка по имени Зима, которая станет предметом ссор и непонимания. «Кошки и собаки в доме – это то, из-за чего дети и взрослые живут, как кошки с собаками». А потом будет детский санаторий, в самый Новый год, когда так хочется остаться дома, новая английская школа и институт на платной основе. Отец героя работает, как раз, в этом институте, а мама в библиотеке. Рогнеда (Неда) постоянно пишет и ведёт взрослые кружки, на которых немало людей побывало. И тот город, и английская школа вписываются в реальное временное пространство Вологды. Но сам герой словно бы выбивается из жизни, понятной автору и читателю. Макс, безусловно, нужен родным людям, но до конца ими так и не понят. У него есть любимая де-

вушка Яна, но она становится подругой брата. Работая курьером, он получает важный жизненный опыт. И этот год не пропадает даром, так как Макс перестаёт сторониться людей, да и самого себя, в конце концов, начинает понимать и принимать. Теперь он непринуждённо общается со случайным попутчиком, так как уверен, что будет понят и услышан.

Повесть «Хоба» написана в манере психологического реализма. В ней сказывается интерес автора к нравственно-психологической проблематике и хорошее знание литературы, как современной, так и классической. Она рассчитана на вдумчивого читателя, который будет стремиться проникнуть в суть творческого замысла, глубоко погружаясь в текст. Осмысления требует даже название произведения. С одной стороны автор сам поясняет его: «хоба!» – это клич дворовых мальчишек, вероятно, трансформированный из сокращённого варианта: «опа!». С другой, как известно, существует книга «Хоббит», где героями становятся маленькие люди, вполнину человеческого роста. Был также популярный в своё время фильм «Покровские ворота», где действует забавный персонаж по фамилии Хоботов, который явно не забыт автором.

Текст повести не однороден: в нём есть дневниковые записи, записи в социальных сетях и воспоминания. Но повествование не распадается на куски, не теряет единства. В повести много диалогов. Они строятся естественно и непринуждённо, как строится устная речь в жизни. Фразы отрывочны, далеко не полностью проговариваются героями, но так бывает на самом деле. И читателя не только располагает, но и увлекает подобная манера повествования. А непривычные имена, которые можно найти разве что в словарях, заставляют почувствовать иронию автора и своеобразие его творческого мышления.

Хочется ещё сказать про образ «дороги». Путь-дорога не только символизирует жизнь героя, она, по сути, является метафоричным образом развития личности героя. Этот образ помогает раскрыть прошлое и настоящее, выявить проблемы современного подростка, научить вдумчивому чтению и сопереживанию, столь важному, прежде всего, для самого себя.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Александр Дудкин	3
Элеонора Жукова	8
Юрий Каранин	14
Роман Красильников	27
Ольга Кузнецова	38
Любовь Лихоманова	45
Надин Ривз (Надежда Леонычева).....	51
Нина Рябова	60
Татьяна Сопина	63
Дмитрий Трипутин	67
Галина Фабрициус	77
Аксана Халвицкая	84
Светлана Чернышёва	88
Галина Щекина	96

ПОЭЗИЯ

Мария Багирова	100
Анна Новикова (Политова)	104
Валерий Рубцов	106
Татьяна Снежина	112
Андрей Чистотин	115

КРИТИКА

Анастасия Бугрова	118
Ирина Григорьева	122
Роман Красильников	125
Лариса Новолодская	129
Нина Писарчик	138
Сергей Фаустов	141
Светлана Чернышёва	147

Литературно-художественное издание

ПОЛТИННИК плюс

Сборник

Литературный редактор и корректор
Писарчик Нина Викторовна

Верстка
Мерклова Наталья Гурьевна

Фото на обложке
Писарчик Нина Викторовна

Формат 60x84/16.
Усл.8.72 п. л.Тираж экз. Заказ №